

3 1761 05461503 4

DK

III

K59

К - В О „Д Ъ Т И Н Е Ц Ъ“.
С Е Р І Я І І . — № 4

Н. И. КОСТОМАРОВЪ.
**ГЕРОИ СМУТНАГО
ВРЕМЕНИ.**

- I. Борисъ Годуновъ.
II. Лжедимитрій.
III. Марина Мнишекъ.
IV. Царь Василій Шуйскій.

Б Е Р Л И Н Ъ .
1 9 2 2 .

Leonid I. Stalderovskiy.

25.

К - В О „Д Ъ Т И Н Е Ц Ъ“.
СЕРІЯ II. — № 4

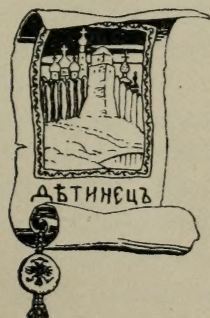
Kostomarov, Nikolai Ivanovich

Н. И. КОСТОМАРОВЪ.

ГЕРОИ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

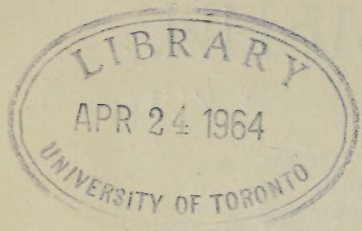
Geroi smutnago vremeni

- I. Борисъ Годуновъ.
- II. Лжедимитрій.
- III. Марина Мнишекъ.
- IV. Царь Василій Шуйскій.

Б Е Р Л И Н Ъ.
1 9 2 2.

DK
111
K59

894667 .

Печано въ типографіи Г. Крейсингъ въ Лейпцигѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нѣкоторые изъ нашихъ читателей будутъ, вѣроятно, удивлены, видя имя Бориса Годунова въ числѣ героевъ нашей первой смуты. Мы не безъ основанія отнесли его къ этой тяжелой эпохѣ, ибо мы считаемъ, что первое русское лихолѣтье началось 15 Мая 1591 г., когда надъ тихими, зелеными улочками далекаго Углича разнесся страшный набатъ, возвѣщавшій гибель царевича Дмитрія, который — за слабостью его брата и отсутствіемъ у него прямого потомства, — являлся законнымъ наслѣдникомъ престола Россіи. Умеръ законный царь, престоль остался пустымъ и — началась смута, которую открылъ и съ которой не могъ справиться даже умный и тонкій Годуновъ. И продолжалась эта смута до самаго избранія на царство молодого Михаила Ѳеодоровича Романова — цѣлыхъ двадцать два года . . .

Кромѣ этой брошюры мы издали уже двѣ другія по данной эпохѣ: «Спасители Россіи въ XVII в.» и «Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ». Мы полагаемъ, что основательное знакомство съ дѣятелями этой эпохи настоятельно необходимо русскимъ людямъ теперь: оно излѣчитъ ихъ отъ излишняго оптимизма — многіе надѣются на скорое окончаніе нашего теперешняго лихолѣтья и на легкой выходъ изъ него, — а во-вторыхъ, можетъ быть, изученіе это подскажетъ намъ, гдѣ и какъ найдемъ мы ходы къ спасенію несчастной Россіи. И теперь, какъ

тогда, Россійскій престолъ остался пустымъ, и теперь, какъ тогда, нѣтъ прямого и безспорнаго наслѣдника послѣдняго царя, а потому, можетъ быть, и теперь, какъ и тогда, единственный выходъ, который намъ остается, это повтореніе 1613 г., т. е. **народное избраніе** на царство монарха, наиболѣе отвѣчающаго соображеніямъ о благѣ и чести Великой Россіи. . . .

Борисъ Годуновъ.

По смерти Ивана Грознаго, восемнадцать лѣтъ судьба русскаго государства и народа была связана съ личностью Бориса Годунова. Родъ этого человѣка происходилъ отъ татарскаго мурзы Чета, принявшаго въ XIV вѣкѣ въ Ордѣ крещеніе отъ митрополита Петра и поселившагося на Руси подъ именемъ Захаріи. Памятникомъ благочестія этого новокрещеннаго татарина былъ построенный имъ близъ Костромы Ипатскій монастырь, сдѣлавшійся фамиліною святыней его потомковъ; они снабжали этотъ монастырь приношеніями и погребались въ немъ. Внукъ Захаріи, Иванъ Годунъ былъ прародителемъ той линіи рода мурзы Четы, которая отъ клички Годунъ получила названіе Годуновыхъ. Потомство Годуна значительно развѣтвилось. Годуновы владѣли вотчинами, но не играли важной роли въ русской исторіи до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ правнуковъ перваго Годунова не удостоился чести сдѣлаться тестемъ царевича Ѳедора Ивановича. Тогда при дворѣ царя Ивана явился близкимъ человѣкомъ братъ Ѳедоровой жены, Борисъ, женатый на дочери царскаго любимца Малюты-Скуратова. Царь Иванъ полюбилъ его. Возвышеніе лицъ и родовъ черезъ родство съ царицами было явленіемъ обычнымъ въ московской исторіи, но такое возвышеніе было часто непрочно. Родственники Ивановыхъ супругъ погибали наравнѣ съ другими жертвами его кровожадности. Самъ Борисъ по своей близости къ царю подвергался опасности; рассказываютъ, что царь сильно избилъ его своимъ жезломъ, когда Борисъ заступался за убитаго отцомъ царевича Ивана. Но царь Иванъ самъ оплакивалъ своего сына и тогда

сталъ еще болѣе, чѣмъ прежде, оказывать Борису благосклонность за смѣлость, стоившую, впрочемъ, послѣднему нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣзни. Подъ конецъ своей жизни, однако, царь Иванъ, подъ вліяніемъ другихъ любимцевъ, началъ на Годунова коситься, и, быть можетъ, Борису пришлось бы плохо, если бы Иванъ не умеръ внезапно.

Со смертью Ивана, Борисъ очутился въ такомъ положеніи, въ какомъ не былъ еще въ Московскомъ Государствѣ ни одинъ подданный. Царемъ сдѣлался слабоумный Феодоръ, который ни въ какомъ случаѣ не могъ править самъ и долженъ былъ на дѣлѣ передать свою власть тому изъ близкихъ, кто окажется всѣхъ способнѣе и хитрѣе. Такимъ въ придворномъ кругу тогдашняго времени былъ Борисъ. Ему было при смерти царя Ивана 32 года отъ роду; красивый собой, онъ отличался замѣчательнымъ даромъ слова, былъ уменъ, расчетливъ, но въ высокой степени себялюбивъ. Вся дѣятельность его клонилась къ собственнымъ интересамъ, къ своему обогащенію, къ усиленію своей власти, къ возвышенію своего рода. Онъ умѣлъ выжидать, пользоваться удобными минутами, оставаться въ тѣни или выдвигаться впередъ, когда считалъ умѣстнымъ то или другое, — надѣвать на себя личину благочестія и всякихъ добродѣтелей, показывать доброту и милосердіе, а гдѣ нужно — строгость и суровость. Постоянно разсудительный, никогда не поддавался онъ порывамъ увлеченія и дѣйствовалъ всегда обдуманно. Этотъ человѣкъ, какъ всегда бываетъ съ подобными людьми, готовъ былъ дѣлать добро, если оно не мѣшало его личнымъ видамъ, а, напротивъ, способствовало имъ; но онъ также не останавливался ни передъ какимъ зломъ и преступленіемъ, если находилъ его нужнымъ для своихъ личныхъ выгодъ, въ особенности же тогда, когда ему приходилось спасать самого себя.

Ничего творческаго въ его природѣ не было. Онъ неспособенъ былъ сдѣлаться ни проводникомъ какой бы то ни было идеи, ни вожакомъ общества по новымъ путямъ; эгоистическія натуры менѣе всего годятся для этого. Въ качествѣ государственнаго правителя, онъ

не могъ быть дальноркимъ, понималъ только ближайшія обстоятельства и могъ ими пользоваться только для ближайшихъ и преимущественно своекорыстныхъ цѣлей. Отсутствіе образованія суживало еще болѣе кругъ его возрѣній, хотя здравый умъ давалъ ему, однако, возможность понимать пользу знакомства съ Западомъ для цѣлей своей власти. Всему хорошему, на что былъ способенъ его умъ, мѣшали его узкое себялюбіе и чрезвычайная лживость, проникавшая все его существо, отражавшаяся во всѣхъ его поступкахъ. Это послѣднее качество, впрочемъ, сдѣлалось знаменательною чертою тогдашнихъ московскихъ людей. Сѣмена этого порока существовали издавна, но были въ громадномъ размѣрѣ воспитаны и развиты эпохою царствованія Грознаго, который самъ былъ олицетворенная ложь. Создавши опричнину, Иванъ вооружилъ людей однихъ противъ другихъ, указалъ имъ путь искать милостей или спасенія въ гибели своихъ ближнихъ, казнями за явно вымышленныя преступленія пріучилъ къ ложнымъ доносамъ и, совершая для одной потѣхи безчеловѣчныя злодѣянія, воспиталъ въ окружающей его средѣ безсердечіе и жестокость. Исчезло уваженіе къ правдѣ и нравственности, послѣ того какъ царь, который, по народному идеалу, долженъ быть блюстителемъ того и другого, устраивалъ въ виду своихъ подданныхъ такія зрѣлища, какъ травля невинныхъ людей медвѣдями или всенародныя истязанія обнаженныхъ дѣвушекъ, и въ то же время соблюдалъ самыя строгія правила монашескаго благочестія. Въ минуты собственной опасности всякій человѣкъ естественно думаетъ только о себѣ; но когда такія минуты для русскихъ продолжались цѣлыя десятилѣтія, понятно, что должно было вырости поколѣніе своекорыстныхъ и жестокосердныхъ себялюбцевъ, у которыхъ всѣ помыслы, всѣ стремленія клонились только къ собственной охранѣ, поколѣніе, для котораго, при наружномъ соблюденіи обычныхъ формъ благочестія, законности и нравственности, не оставалось никакой внутренней правды. Кто былъ умнѣе другихъ, тотъ долженъ былъ сдѣлаться образцомъ лживости; то была эпоха, когда умъ, закованный исключительно въ

узкія рамки своекорыстныхъ побужденій, присущихъ всей современной жизненной средѣ, могъ проявить свою дѣятельность только въ искусствѣ посредствомъ обмана достигать личныхъ цѣлей. Тяжелыя болѣзни людскихъ обществъ, подобно физическимъ болѣзнямъ, излечиваются не скоро, особенно когда дальнѣйшія условія жизни способствуютъ не прекращенію, а продолженію болѣзненнаго состоянія; только зтимъ объясняются тѣ ужасныя явленія Смутнаго времени, которыя, можно сказать, были выступленіемъ наружу испорченныхъ соковъ, накопившихся въ страшную эпоху Ивановыхъ мучительствъ.

Замѣчательно, что лживость, составляющая черту вѣка, отразилась сильно и въ современныхъ русскихъ источникахъ той эпохи до того, что, руководствуясь ими и не довѣряя имъ, легко можно впасть въ заблужденія и неправильные выводы; къ счастью, явныя противорѣчія и несообразности, въ которыя они впадаютъ, обличаютъ ихъ невѣрности.

Непрочность престолонаслѣдія чувствовалась народомъ. Русскіе знали, что изъ двухъ сыновей царя Ивана старшій былъ неспособенъ къ самобытному царствованію, а меньшій былъ еще младенецъ: кого бы изъ нихъ ни провозгласили царемъ — все равно; на дѣлѣ власть должна была бы находиться въ иныхъ, а не въ царскихъ рукахъ. Эта мысль охватила московскій народъ, какъ только разнеслась въ столицѣ вѣсть, что царь, Иванъ скончался. Сдѣлалось волненіе. Богданъ Бѣльскій, которому Иванъ поручалъ Димитрія въ опеку, былъ негласнымъ виновникомъ этого волненія въ пользу Димитрія. Какъ оно происходило, не знаемъ, но кончилось оно на этотъ разъ тѣмъ, что бояре въ ночь послѣ смерти царя Ивана приказали отпривать малолѣтняго Димитрія съ матерью и ея родственниковъ Нагихъ въ Угличъ; разомъ съ ихъ отсылкою схвачено было нѣсколько лицъ, которымъ покойный государь передъ своею кончиною оказывалъ милости: нѣкоторыхъ разослали по разнымъ городамъ въ заточеніе, другихъ заперли въ тюрьму, отобрали у нихъ помѣстья и вотчины, разорили ихъ дома. Имена ихъ неизвѣстны, но эти люди были,

вѣроятно, сторонники Димитрія, покушавшіеся провозгласить его царемъ. Вся власть находилась тогда въ рукахъ дяди Ѳедора Ивановича — Никиты Романова, шурина — Бориса Годунова, и двухъ князей: Ивана Мстиславскаго и Петра Шуйскаго. Первые два естественно стояли за Ѳедора, какъ его близкіе родственники; два послѣдніе также не находили для себя выгоднымъ пристать на сторону Димитрія, такъ какъ въ то время, въ случаѣ успѣха, властвовали бы не они, а Нагіе и Богданъ Бѣльскій. На самого Бѣльскаго въ то время не рѣшались наложить рукъ. Быть можетъ, онъ ловко умѣлъ остаться въ сторонѣ во время расправы, хотя прежде заправлялъ дѣломъ, за которое другіе отвѣчали. Но прошло нѣсколько дней; Богданъ Бѣльскій былъ схваченъ и сосланъ въ Нижній Новгородъ. Это произошло послѣ смуты, о которой сохранились противорѣчивыя извѣстія. Иностранцы говорятъ, что между Бѣльскимъ и боярами произошло открытое междоусобіе; Бѣльскій со своими сторонниками былъ осажденъ въ Кремлѣ и принужденъ былъ сдаться. Одно русское извѣстіе показываетъ, что народъ, вообразивши, будто Бѣльскій хочетъ извести царя и бояръ, бросился въ Кремль съ оружіемъ и даже хотѣлъ пушечными выстрѣлами разрушить запертыя фроловскія ворота, но бояре вышли къ мятежникамъ и увѣрили, что царь и бояре всѣ цѣлы и никому нѣтъ опасности, а потомъ сослали Бѣльскаго, какъ бы въ угоду народу; другое извѣстіе повѣствуетъ, что сами бояре поссорились между собою, взволновали народъ, и Бѣльскому грозила смерть, но Годуновъ за него тогда заступился. Какъ бы то ни было, вѣрно только то, что въ Москвѣ вскорѣ послѣ погребенія Грознаго происходило междоусобіе, когда былъ поставленъ къ рѣшенію вопросъ, кому царствовать: слабоумному ли Ѳедору или малолѣтнему Димитрію, и сторона Димитрія на этотъ разъ снова проиграла. За Бѣльскимъ сосланы были другіе. Но вопросъ еще не рѣшался, волненіе не утихло, и бояре положили созвать земскихъ людей въ Думу для того, чтобъ эта Дума утвердила Ѳедора на престолѣ.

Дума, состоявшая, какъ кажется, изъ служилыхъ

людей, собралась 4-го мая 1584 года и признала царем Федора Ивановича. Русские люди, какъ выражались въ то время, молили его со слезами съѣсть на Московское Государство. Ходъ этой Думы намъ неизвѣстенъ. На праздникъ Воснесенія новый царь вѣнчался царскимъ вѣнцомъ.

Царствовалъ Федоръ, но онъ не могъ властвовать; властвовать могли за него другіе.

Царь Федоръ Ивановичъ былъ человекъ небольшого роста, опухлый, съ блѣднымъ лицомъ, болѣзненный; онъ ходилъ нетвердыми шагами и постоянно улыбался. Когда польскій посланникъ Сапѣга представился ему, Федоръ, одѣтый въ царское облаченіе съ короной на головѣ, сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ и съ улыбкою любовался своимъ скипетромъ и державнымъ яблокомъ, а когда проговорилъ нѣсколько словъ тихимъ и прерывистымъ голосомъ, то Сапѣга сдѣлалъ такое заключеніе: «хотя про него говорятъ, что у него ума немного, но я увидѣлъ какъ изъ собственнаго наблюденія, такъ и изъ словъ другихъ, что у него вовсе его нѣтъ». Вѣсть объ этомъ скоро дошла до сосѣдей; въ Польшѣ надѣялись, что при такомъ государѣ въ Московскомъ Государствѣ начнется безурядица, откроются междоусобія, и государство придетъ въ упадокъ.

Ожиданіе это, вѣроятно, сбылось бы скоро. Годуновъ отворотилъ его, или, по крайней мѣрѣ, отсрочилъ.

Тотчасъ послѣ вѣнчанія на царство Федора, Борисъ постарался возможно лучшимъ способомъ устроить свое матеріальное состояніе. Когда, по обычаю, новый царь послѣ вѣнчанія разсыпалъ свои милости вельможамъ, Борисъ получилъ всю Важскую область, приносящую большіе доходы съ поташа, сбываемаго англичанамъ; кромѣ того, получилъ онъ луга на берегахъ Москвырѣки вверхъ на тридцать, а внизъ на сорокъ верстъ, съ рощами и пчельниками, доходы съ Рязани, Твери, съ Сѣверской земли, Торжка и со всѣхъ московскихъ бань и купалень: все это, съ доходами, получаемыми изъ его родовыхъ вотчинъ, давало Борису огромную сумму ежегоднаго дохода въ 93.700 р., а владѣнія его были такъ многочисленны, что онъ могъ выставить до 100.000

вооруженныхъ людей. До этихъ поръ онъ носилъ важный санъ конюшаго; теперь онъ получилъ наименованіе ближняго государева боярина и титулъ намѣстника царскаго: казанскаго и астраханскаго.

Царь Ѳедоръ находился подъ вліяніемъ своей жены, а Борисъ былъ постоянно друженъ съ нею, а потому стоялъ ближе всѣхъ къ царю, и никто не въ силахъ былъ отгѣснить его. Единственнымъ опаснымъ соперникомъ могъ быть дядя царя Никита Романовъ, но этотъ старикъ былъ въ тотъ же годъ пораженъ параличомъ и, хотя жилъ до апрѣля 1586 года, но уже не принималъ участія въ дѣлахъ. Изъ двухъ оставшихся соправителей Бориса, Мстиславскій былъ человѣкъ ограниченный и могъ играть роль только по наущенію другихъ, благодаря своей знатности; болѣе опасности представлялъ для Бориса князь Иванъ Петровичъ Шуйскій: конечно, ему нельзя было пріобрѣсти болѣе Бориса расположенія царя и царицы, зато у него была сильная партія не только между знатными людьми, но и между московскими купцами. Кромѣ того, князь Иванъ Шуйскій имѣлъ поддержку въ митрополитѣ Діонисіи. Вначалѣ, какъ видно, Борисъ былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, какъ можно видѣть изъ того, что въ день царскаго вѣнчанія Шуйскій получилъ въ даръ доходы со всего Пскова.

Полтора года Годуновъ уживался со своими товарищами, но уже захватилъ въ свои руки управленіе всѣми дѣлами, такъ что иностранцы обращались мимо этихъ товарищей къ нему, какъ къ единому правителю государства. Въ это время Годуновъ началъ свое любимое дѣло, постройку городовъ, чѣмъ отличался во все продолженіе своей жизни, справедливо сознавая пользу этой мѣры для государства. Такимъ образомъ, для укрощенія черемисовъ Борисъ приказалъ строить по берегамъ Волги: Цивильскъ, Уржумъ, Царево-кокшайскъ, Царево-санчурскъ, а ниже по теченію Волги: Саратовъ, Переволоку, Царицынъ. Астрахань была обведена каменною стѣною. На сѣверѣ въ 1584 г. построенъ Архангельскъ, сдѣлавшійся тотчасъ же важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ. Въ самой Москвѣ въ 1586 году построена

была каменная Бѣлогородская стѣна. На югѣ въ 1586 году построены были Ливны, возобновлены Курскъ и Воронежъ. Отъ города до города устраивались станицы, зазывались жители для поселенія на привольныхъ, но пустыхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, вызывались для поселенія черкасы (малороссіяне), которые поступали въ число украинскихъ служилыхъ людей, отправляли сторожевую станичную службу, получая за это помѣстья и жалованье деньгами, сукнами и хлѣбомъ. Имъ посылали также свинець и селитру.

Вскорѣ послѣ царскаго вѣнчанія, въ июлѣ 1584 года, былъ созванъ соборъ, на которомъ вновь подтверждено было запрещеніе владыкамъ и монастырямъ приобрѣтать вотчины и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожались всѣ такъ-называемыя тарханныя грамоты, которыми предоставлялись монастырскимъ и владычнымъ имѣніямъ разныя льготы и изъятія изъ общихъ платежей и повинностей. Поводомъ къ уничтоженію этихъ привилегій ставилось то, что крестьяне убѣгали въ тарханныя вотчины изъ вотчинъ и помѣстій служилыхъ людей, а черезъ это послѣдніе, лишаясь своихъ доходовъ, не въ состояніи были отправлять военной службы. Но мѣра эта, несмотря на приговоръ, утвержденный подписями и печатями лицъ знатнѣйшаго духовенства, не была приведена въ исполненіе; набожный царь продолжалъ раздавать тарханныя грамоты, да и самъ Борисъ не настаивалъ на ихъ отмѣнѣ, потому что нуждался въ расположеніи духовенства для своихъ видовъ. Это событіе осталось нагляднымъ примѣромъ той лживости, которая, какъ мы сказали выше, проникла всѣ вѣтви московской общественной жизни. Писались законы, постановленія, а на дѣлѣ не исполнялись и были нарушаемы тѣми же, которые составляли ихъ.

Борисъ былъ милостивъ къ тѣмъ, которые были съ нимъ за-одно, и въ это время особенно приблизилъ къ себѣ двухъ братьевъ, дьяковъ Щелкаловыхъ, изъ которыхъ Андрей былъ посольскимъ, а Василій разряднымъ дьякомъ. Но Борисъ не допускалъ долгое время проживать спокойно тѣмъ, въ которыхъ видѣлъ себѣ соперниковъ и недоброжелателей. Борису, какъ говорятъ,

донесли, будто Иванъ Мстиславскій, по наущенію другихъ, хочетъ зазвать Бориса на пиръ и предать его въ руки убійць. Трудно рѣшить, дѣйствительно ли было такъ на самомъ дѣлѣ, или же обвиненіе было выдуманно. Борисъ, именемъ царя, приказалъ сослать Мстиславскаго въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь и постричь. Затѣмъ схватили Воротынскихъ, Головиныхъ, Колычевыхъ и отправили въ ссылку по разнымъ мѣстамъ. Одинъ изъ Головиныхъ, Михайло, успѣлъ убѣжать въ Литву, подстрекалъ Баторія идти на Москву, увѣряя, что Бориса всѣ не терпятъ и не стануть защищать существующаго правительства. Баторій давно только и думалъ о томъ, какъ бы снова начать войну; онъ повѣрилъ рассказамъ бѣглеца. Но Борисъ, узнавши объ этомъ впору, отправилъ въ Польшу пословъ Троекурова и Безнина, которые разгласили, что Головинъ вовсе не бѣглець, что онъ — нарочно подосланный московскими боярами лазутчикъ и умышленно пытается вовлечь Баторія въ войну; послы говорили, что московское Государство имѣетъ теперь достаточно силы дать отпоръ Польшѣ. Хитрость эта удалась не столько потому, что вѣрили словамъ московскихъ пословъ, сколько потому, что поляки, то тѣмъ, то другимъ способомъ, но всѣми силами старались отклонить своего короля отъ всякихъ воинскихъ предпріятій. Польскій сенатъ продолжилъ съ московскими послами перемиріе еще на два года и отправилъ въ Москву знакомаго тамъ Михаила Гарабурду съ предложеніемъ, которое показалось страннымъ для русскихъ: заключить договоръ, по которому бы въ случаѣ, если умретъ прежде Баторій, возвести на польско-литовскій престолъ Ѳедора и, наоборотъ, если Ѳедоръ умретъ прежде бездѣтнымъ, то ему преемникомъ будетъ Баторій. Бояре отвѣчали, что имъ не годится разсуждать о кончинѣ живого государя; дѣло кончилось ничѣмъ, но оно представляетъ своего рода важность, потому что послужило началомъ подобныхъ сношеній послѣ кончины Баторія.

Расправившись со Мстиславскимъ, Годуновъ дожидая случая раздѣлаться съ Шуйскими. Имъ были преданы многіе изъ московскихъ торговыхъ людей; ожидая

отъ Годунова чего-нибудь враждебнаго къ Шуйскимъ, они заранѣе кричали, что побьютъ Годунова камнями, если онъ тронетъ кого-нибудь изъ этого рода. Митрополитъ Діонисій пытался-было примирить и сдружить между собою Годунова и Ивана Петровича Шуйскаго; онъ пригласилъ того и другого къ себѣ. Они наружно помирились. Когда Шуйскій сказалъ объ этомъ купцамъ, стоявшимъ толпою на площади, двое изъ нихъ выразились такъ: «помирились вы нашими головами, и намъ и вамъ отъ Бориса пропасть». Оба эти купца въ ту же ночь исчезли неизвѣстно куда. Тогда Шуйскіе сообразили, что они погибнуть, если не предупредятъ Годунова и не погубятъ его самого; они, въ соумышленіи съ митрополитомъ, зазвали къ себѣ гостей, купцовъ, нѣкоторыхъ служилыхъ людей и уговорили ихъ подписать царю челобитную, чтобы царь, какъ бы по просьбѣ всего русскаго народа, развелся съ бесплодною Ириною и выбралъ себѣ другую жену, чтобы имѣть наслѣдника. Заговорщики предполагали женить царя на княжнѣ Мстиславской, дочери насильно постриженнаго боярина князя Мстиславскаго. Но прежде, чѣмъ успѣли подать царю такую челобитную, Борисъ черезъ своихъ лазутчиковъ узналъ обо всемъ; вмѣсто того, чтобы гнѣваться, онъ кротко обратился къ митрополиту и представлялъ ему, что разводъ есть незаконное дѣло, притомъ и бесполезное; Ѳедоръ и Ирина еще молоды и могутъ имѣть дѣтей, а если бы и не было ихъ, то у Ѳедора есть братъ Димитрій. Митрополитъ послушалъ этого совѣта и сталъ уговаривать Шуйскихъ оставить предпринятое намѣреніе. Годуновъ обѣщаль не мстить за него никому. Спустя нѣсколько времени холопы Шуйскихъ, Ѳедоръ Старовъ съ товарищами, подали доносъ, будто существуетъ заговоръ противъ государя, которымъ руководятъ князья Шуйскіе. Лѣтописцы говорятъ, что самъ Борисъ подучилъ доносчиковъ; въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ по примѣру царя Ивана, который не разъ пользовался такими же ложными доносами, чтобы придать личину справедливости своимъ убійствамъ. По доносу Старова, взяли подъ стражу князя Ивана Петровича и Андрея Ивановича

Шуйскихъ, князя Василія Скопина-Шуйскаго, разныхъ ихъ друзей, князей Татевыхъ, Урусовыхъ, Быковыхъ, Колычевыхъ и множество гостей и купцовъ. Происходили допросы и пытки. Въ заключеніе, князей Ивана Петровича и Андрея Ивановича Шуйскихъ сначала приговорили только удалить въ ихъ вотчины, но когда они туда пріѣхали, то ихъ схватили, увезли одного на Бѣлоозеро, другого въ Каргополь и удавили. Прочихъ знатныхъ людей разослали въ ссылку по городамъ, а Ѳедору Нагому и шестерымъ его товарищамъ отрубили головы. Князю Мстиславскую за то, что ее хотѣли враги Бориса посадить царицею на мѣсто Ирины, насильно постригли въ монахини; наконецъ, Годуновъ не простилъ и митрополиту, приказалъ сослать его въ Хутынской монастырь; такая же участь постигла крутицкаго архіепископа Варлаама за то, что онъ настраивалъ царя противъ Бориса. вмѣсто Діонисія посадили на престолъ ростовскаго архіепископа Іова, во всемъ покорнаго Борису и для сохраненія своего положенія готоваго угождать во всемъ земной власти.

Съ этихъ поръ Борисъ сдѣлался вполнѣ единымъ и самовластнымъ правителемъ въ Московскомъ Государствѣ. Опытъ долженъ былъ научить всѣхъ, какъ неудобно покушаться отнимать у него власть. На будущее время безпокоили воображеніе Бориса потомки царской линіи: царевичъ Димитрій и Марія, вдова короля Магнуса (дочь Владимира Андреевича) съ малолѣтнею дочерью Евѣимією. Расправу съ первымъ осторожный Борисъ отложилъ до удобнаго случая, а прежде раздѣлался съ послѣдними. Еще въ 1585 году онъ поручилъ англійскому купцу Горсею уговорить Марію Владимировну переѣхать съ дочерью въ Москву изъ Риги, гдѣ поляки содержали ее очень скудно. Горсей увѣрилъ ее отъ имени Бориса, что въ Москвѣ ее примутъ хорошо и надѣлять вотчинами. Королева съ дочерью убѣждала изъ Риги и прибыла въ Москву на почтовыхъ лошадяхъ, нарочно разставленныхъ для этого Борисомъ. Сначала Борисъ принялъ ее, какъ обѣщалъ, надѣлилъ вотчинами, деньгами, а черезъ нѣсколько времени, именемъ царя, ее разлучили съ дочерью, увезли и по-

стригли въ Пятницкомъ монастырѣ близъ Троицы. Въ 1589 г. маленькую дочь ея похоронили у Троицы съ почестями, какъ королеву. Всѣ твердили, что Борисъ приказалъ тайно умертвить ее.

Въ декабрѣ 1586 года умеръ Стефанъ Баторій. Въ слѣдующемъ году въ Польшѣ началось обычное избраніе новаго короля, въ которомъ важное участіе приняло Московское Государство. Предложеніе Гарабурды, хотя и было отвергнуто въ томъ видѣ, въ какомъ было сдѣлано, произвело, однако, сильное впечатлѣніе на правителя. Борисъ увидѣлъ возможность посадить на польсколитовскій престолъ Ѳедора, сообразно давнему желанію литовскихъ пановъ соединиться съ Московскимъ Государствомъ посредствомъ возведенія на свой престолъ московскаго государя. Въроятно, Борисъ разсчитывалъ, что расположеніе къ нему Польши и Литвы пригодится современемъ, и потому-то при вѣнчаніи Ѳедора онъ царскимъ именемъ выпустилъ на волю всѣхъ польскихъ плѣнниковъ. Слабоуміе Ѳедора не казалось большимъ препятствіемъ; напротивъ, можно было разсчитывать, что панамъ будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ ихъ король меньше будетъ имѣть возможности показывать свою власть. Въ началѣ 1587 года Борисъ отправилъ въ Польшу дворянина Ржевскаго. Этотъ посланецъ повезъ царскую грамоту ко всѣмъ панамъ вообще и, кромѣ того, письма къ отдѣльнымъ духовникамъ и свѣтскимъ сановникамъ отъ имени царя. Каждого приглашали хлопотать, чтобъ на престолѣ былъ Ѳедоръ. Давалось обѣщаніе свято сохранять всѣ шляхетскія права и вольности и, сверхъ того, надѣлать пановъ вотчинами и деньгами. Въ Польшѣ въ то время образовались три партіи: одна, подъ предводительствомъ Зборовскихъ, хотѣла выбрать австрійскаго принца Максимилиана. Другая, — во главѣ которой былъ канцлеръ и гетманъ Замойскій, — склонялась къ избранію шведскаго королевича Сигизмунда, сына короля Іоанна и польской принцессы Етатерины. Третья, состоявшая преимущественно изъ литовскихъ пановъ, хотѣла московскаго государя. Вслѣдъ за Ржевскимъ послы: Степанъ Васильевичъ Годуновъ и князь Ѳедоръ

Троекуровъ съ думнымъ дьякомъ Василиемъ Щелкаловымъ отправились въ Польшу и повезли сорокъ восемь писемъ къ разнымъ панамъ съ самыми лестными предложеніями. Русскій царь обѣщаль защищать польско-литовскія владѣнія московскими силами, строить на свой счетъ крѣпости, отвоевать у шведовъ и отдать Рѣчи Посполитой Эстонію, обязывался заплатить на 100.000 червонцевъ долги Стефана Баторія ратнымъ людямъ, предоставить свободную торговлю польско-литовскимъ людямъ въ Московскомъ Государствѣ, а главное: обѣщаль не вступаться вовсе въ королевскіе доходы и все отдать панамъ въ управленіе, такъ что если новый государь пріѣдетъ въ Польшу, то не только не потребуеть отъ нихъ никакихъ денегъ на свое содержаніе, но еще будетъ раздавать имъ свою казну. Борисъ наказываль своимъ посламъ соглашаться, если паны потребуютъ, чтобы царь былъ у нихъ королемъ только по имени, а они бы управлялись сами собою: пусть бы только Польша и Литва оставались въ мирѣ и соединеніи съ Москвою, готовые дѣйствовать противъ общаго недруга.

Предложенія были дѣйствительно соблазнительны, но послы пріѣхали съ однимъ обѣщаніемъ денегъ, но безъ денегъ. Литовскіе паны объявили имъ, что надобно по крайней мѣрѣ готовыхъ 200.000 рублей, дабы склонить на московскую сторону Зборовскихъ и ихъ партію, а также, чтобы переманить деньгами людей отъ партіи Замойскаго. У пословъ денегъ не было. Несмотря на это, на избирательномъ сеймѣ большинство избирателей заявило себя на сторонѣ московскаго царя. Когда выставили три значка избирателей: австрійской стороны — нѣмецкую шляпу, шведской — сельдь и русской — Мономахову шапку, то подъ русскимъ значкомъ оказалось болѣе всего избирателей. Выбрали пятнадцать человекъ депутатовъ для переговоровъ съ послами. Депутаты предложили московскимъ посламъ, чтобы царь приступилъ къ соединенію съ римскою церковью, прибылъ въ Варшаву черезъ десять недѣль, вѣнчался отъ гнѣзненскаго епископа; царь долженъ былъ написать въ своемъ титулѣ Польское королевство выше Московскаго

Государства. Послы отказали наотрѣзъ, но увѣряли, что царь не будетъ вмѣшиваться въ дѣла римско-католической церкви. Замѣчательно, что послы, допуская свободный пріѣздъ польскихъ и литовскихъ людей въ Московское Государство, не хотѣли обѣщать такую же свободу пріѣзда въ Польшу и Литву московскихъ людей; они говорили: «это противно московскимъ обычаямъ, чтобы московскіе люди ѣздили всюду по своей волѣ безъ государева повелѣнія»; этимъ въ Польшѣ были недовольны.

Главное препятствіе къ выбору Федора заключалось въ денежномъ вопросѣ. Послѣ рѣшительныхъ отвѣтовъ московскихъ пословъ, паны еще говорили имъ, что нужны деньги, чтобы подкрѣпить царскую сторону на сеймѣ, указывали на щедрость къ нимъ императора и испанскаго короля, просили немедленно 200.000. Посламъ негдѣ было достать этихъ денегъ. Паны потомъ требовали немедленно хотя 100.000 — послы и этого не могли имъ дать!

Тогда на сеймѣ одна польская партія выбрала Максимилиана, другая — Сигизмунда, Литовцы не приставали ни къ той, ни къ другой, и еще разъ пытались сойтись съ московскими послами. Виленскій воевода Христофоръ Радзивиллъ и троцкій Янъ Глѣбовичъ заявляли имъ, что царю можно быть польскимъ королемъ, не приступая къ римской вѣрѣ; нужно только поманить папу надеждою въ будущемъ на соединеніе церквей; но эти паны во всякомъ случаѣ требовали наличными 100.000 рублей для поддержки партіи въ пользу московскаго государя и, наконецъ, спросили: захочетъ ли государь взять одну Литву, если поляки не согласятся на его избраніе? Они, вмѣстѣ съ тѣмъ, подавали надежду, что и южнорусскія области, уже присоединенныя къ Польшѣ, перейдутъ подъ власть московскаго государя. Москвѣ ничего не могло быть пріятнѣе этого предложенія, и Борисъ, узнавши о томъ отъ пословъ, отправилъ панамъ литовскіе дары на 20.000 рублей, обѣщая дать еще деньгами 70.000. Но уже было поздно; поляки успѣли сойтись съ литовцами и склонить на ихъ сторону Сигизмунда. «Не надобно

было, — говорили послѣ того московскимъ посламъ паны, — писать въ грамотахъ, что царю непремѣнно короноваться по греческому закону: если бы паны на это и согласились, то архіепископы и епископы ни за что до того не допустятъ; а они у насъ большіе люди». Паны, тѣмъ не менѣе, приняли подарки, за исключеніемъ одного Христофора Радзивилла. Слѣдующимъ дружескимъ отношеніямъ къ Австріи, московскіе послы, увидя, что дѣло объ избраніи Ѳеодора не клеится, по силѣ своего наказа, начали-было давать совѣтъ объ избраніи Максимилиана: передъ тѣмъ только Максимилианъ посылалъ въ Москву просить содѣйствія въ достиженіи польскаго престола. На рѣчь русскихъ пословъ поляки отвѣчали, что они не требуютъ ни отъ кого указаній, кого имъ избрать въ короли, а литовцы выразились, что «они ни за что не возьмутъ себѣ нѣмца въ государи, потому что нѣмецкій языкъ никогда славянскому добра не мыслить». Послы московскіе успѣли только въ томъ, что заключили перемиріе на пятнадцать лѣтъ. Избраніе кончилось въ пользу Сигизмунда. Онъ короновался 16 декабря 1587 года. Максимилианъ пытался было добывать польскую корону оружіемъ, но былъ разбитъ Замойскимъ, взятъ въ плѣнъ и выпущенъ подъ условіемъ отказа отъ всякихъ притязаній на польскій престолъ.

Такимъ образомъ Борисъ затѣвалъ великое дѣло, но у него не стало ума и умѣнья добиться своей цѣли. Въ Польшѣ сѣлъ на престолъ государь, котораго особенно не желали въ Москвѣ: сынъ шведскаго короля, съ которымъ Московское Государство находилось не въ дружелюбныхъ отношеніяхъ. Политика Бориса, однако, была не воинственна; онъ думалъ достигнуть политической цѣли хитростью и хотѣлъ находиться, насколько возможно, въ мирѣ со всеми сосѣдями. Съ Швеціею существовало еще прежнее перемиріе, продолженное на четыре года въ 1585 году. Въ отношеніяхъ къ Крыму, Москвѣ помогали междоусобія, возникшія въ этой странѣ. Двое крымскихъ царевичей, Сайдетъ и Мурятъ, враги крымскаго хана Исламъ-Гирея, нашли пріютъ въ Московскомъ Государствѣ. Ихъ по-

мѣстили въ Астраханской землѣ и предполагали ими держать въ страхѣ Исламъ-Гирея, чтобы выставить противъ него опасныхъ соперниковъ, когда онъ вздумаетъ относиться непріязненно къ московскому государю. Это не избавило южные предѣлы Московскаго Государства отъ набѣговъ татарскихъ мурзь; но, по крайней мѣрѣ, самъ ханъ не смѣлъ дѣлать нападенія. Застушившій мѣсто этого хана, въ 1588 году, Казы-Гирей избралъ для своихъ набѣговъ польскія области и извѣщалъ о томъ московское правительство, а Борисъ за это посылалъ ему подарки, несмотря на то, что находился тогда въ перемиріи съ Польшею. Борисъ скоро, по восшествіи Ѳедора на престолъ, отправилъ посольство въ Турцію съ изъявленіемъ своего миролюбія. Тамъ приняли московскаго посла хотя миролюбиво, но довольно надменно; въ Константинополѣ не вѣрили увѣреніямъ въ дружбѣ и жаловались на буйство казаковъ, и московскій посолъ объяснилъ, что казаки — воры, бѣглые люди и не находятся въ послушаніи государя. На юго-востокѣ, въ 1586 году, кахетинскій царь Александръ отдался въ подданство московскому государю. Это подданство могло быть полезно для грузиновъ; такъ изъ Москвы отправили къ нимъ для исправленія тамошнихъ обрядовъ нѣсколько монаховъ, священниковъ и иконописцевъ, которые оказались очень учеными и свѣдущими людьми въ сравненіи съ грузинскимъ духовенствомъ; но для Московскаго Государства подданство грузинскаго царя влекло за собою только хлопоты и опасности, втягивало Москву въ опасное столкновеніе съ Турціею, Персіею и горскими народами, такъ какъ Александръ былъ тѣснимъ со всѣхъ сторонъ и потому искалъ опоры въ Москвѣ. Власть надъ его землями оспаривали и персы, и турки; Борисъ уклонился отъ всякаго разрыва съ Турціею изъ-за царя Александра, а Персія, находясь въ ожесточенной враждѣ съ Турціею, сама предлагала союзъ Москвѣ, думая вооружить ее противъ Турціи. Но Борисъ ограничивался только словами и неясными обѣщаніями, изъ которыхъ ничего не выходило. Между тѣмъ, русскіе, принявши на себя обязанность защищать Александра, послали

ему помощь противъ его врага. тарковского Шевкала, и напрасно потеряли до 3.000 своихъ людей. Тогда на берегу Терека былъ укрѣпленъ Борисомъ, еще прежде основанный и покинутый казаками, городъ Терскъ и съ тѣхъ поръ постоянно имѣлъ ратныхъ людей и управлялся воеводами.

Въ 1587 году Борисъ заключилъ договоръ съ Англією. Елисавета, узнавши о силѣ Бориса, сама писала къ нему письмо. называла своимъ дорогимъ родственникомъ и просила дать такую привиллегію членамъ англійской компаніи, чтобы они не только могли во всей Россіи торговать беспошлинно, но чтобы, кромѣ ихъ, не позволялось торговать никакимъ иноземцамъ; чтобы, сверхъ того, имъ было разрѣшено, при пособіи со стороны русскихъ, искать Китайской земли и пр. Требуя такихъ выгодъ для своихъ, Елисавета никакъ не хотѣла допустить московскимъ купцамъ ѣздить для торговли въ Англію. Борисъ отклонилъ излишнія требованія, какъ, на примѣръ, исключительное право англійской компаніи на торговлю въ русскихъ краяхъ съ изытіемъ всѣхъ другихъ иноземцевъ; онъ указалъ на несообразность позволенія искать новыхъ земель, но далъ право беспошлинной торговли одной англійской компаніи, тогда какъ всѣ другіе иноземцы и даже англичане, не принадлежавшіе къ компаніи, облагались пошлинами. Торговля англичанъ въ русскихъ земляхъ была оптовая, розничная продажа не была имъ дозволена. Способъ торговли былъ преимущественно мѣновой, хотя англичанамъ предоставлялось право чеканить монету, платя за то пошлину, подобно тому, какъ въ то время монету дозволялось вообще бить денежнымъ мастерамъ по опредѣленной формѣ съ платежемъ пошлины въ казну. Главные предметы вывоза изъ Россіи были: ленъ, пенька, рыба, икра, кожи, деготь, поташъ, сало, воскъ, медъ, мѣха. Воскъ не иначе дозволялось мѣнять, какъ на порохъ, селитру и сѣру — предметы, необходимые для ратнаго дѣла. По извѣстію англичанъ, въ началѣ царствованія Федора чувствовался упадокъ вывоза противъ давняго времени, свидѣтельствовавшей объ уменьшеніи производитель-

ности въ странѣ. Такъ воску вывозилось прежде до 50.000 пудовъ, а въ началѣ царствованія Оедора только до 10.000; количество же вывозимаго сала упало съ 100.000 пудовъ на 3.000; очень упала тогда торговля льномъ и пенькою послѣ утраты Нарвы и нарвской пристани, зато количество мѣховъ, которыхъ цѣнность означена англичанами на 500.000 руб. въ годъ, увеличилась послѣ открытія пути въ Сибирь и съ каждымъ годомъ возрастала по мѣрѣ движенія русскихъ на востокъ.

Извѣстія англичанъ объ упадкѣ вывозной торговли, относящіяся собственно къ послѣднимъ годамъ царствованія Грознаго, показываютъ, въ числѣ другихъ данныхъ, что народъ обѣднѣлъ въ это тяжелое время. Иначе и быть не могло при большихъ налогахъ и обременительныхъ повинностяхъ, вынуждаемыхъ продолжительными войнами, при свирѣпствахъ царя Ивана и произволѣ его слугъ и любимцевъ. Вообще въ Московскомъ Государствѣ устроено все было такъ, что преимущественно богатѣла царская казна, да еще тѣ, кто такъ или иначе служилъ казнѣ и пользовался ею; неудивительно, что иноземцы удивлялись изобилію царскихъ сокровищъ и въ то же время замѣчали крайнюю нищету народа. Тогдашняя столица своимъ наружнымъ видомъ соответствовала такому порядку вещей. Иноземца, вѣзжавшаго въ нее, поражала противоположность съ одной стороны позолоченныхъ верховъ кремлевскихъ церквей и царскихъ вышекъ, съ другой — кучи курныхъ избъ посадскихъ людишекъ и жалкій грязный видъ ихъ хозяевъ. Русскій человѣкъ того времени, если имѣлъ достатокъ, то старался казаться бѣднѣе, чѣмъ былъ, боялся пускать свои денежки въ оборотъ, чтобы, разбогатѣвши, не сдѣлаться предметомъ доносовъ и не подвергнуться царской опалѣ, за которою слѣдовало отобраніе всего его достоянія «на государя» и нищета его семьи; поэтому онъ пряталъ деньги гдѣ-нибудь въ монастырѣ или закапывалъ ихъ въ землю про черный день, держалъ подъ замкомъ въ сундукахъ вышитые золотомъ дѣдовскіе кафтаны и охабни, собольи шубы и серебряныя чарки, а самъ ходилъ въ грязной потертой однорядкѣ

изъ грубаго сукна или въ овчинномъ тулупѣ и ѣлъ кое-что изъ деревянной посуды. Неувѣренность въ безопасности, постоянная боязнь тайныхъ враговъ, страхъ грозы, каждую минуту готовой ударить на него сверху, подавляли въ немъ стремленіе къ улучшенію своей жизни, къ изящной обстановкѣ, къ правильному труду, къ умственной работѣ. Русскій человекъ жилъ какъ-попало, приобрѣталъ средства къ жизни какъ-попало; подвергаясь всегда опасности быть ограбленнымъ, обманутымъ, предательски погубленнымъ, онъ и самъ не затруднялся предупредить то, что съ нимъ могло быть, онъ также обманывалъ, грабилъ, гдѣ могъ, поживлялся на счетъ ближняго ради средствъ къ своему, всегда непрочному, существованію. Отъ этого русскій человекъ отличался въ домашней жизни неопрятностью, въ трудѣ лѣнью, въ сношеніяхъ съ людьми лживостью, коварствомъ и безсердечностью. Состояніе народа при Борисѣ было лучше, чѣмъ при Грозномъ, уже потому, что хуже время послѣдняго мало можно найти въ исторіи. Но основныя воззрѣнія на государственный порядокъ и общественный строй не измѣнялись. Внутренняя торговля была попрежнему стѣсняема безчисленнымъ множествомъ сборовъ и пошлинъ, а трудность и неудобства попрежнему препятствовали легкости сношеній. Притомъ правительство само тогда вело торговлю и съ нимъ невозможна была никакая торговая конкуренція. Казна иногда присвоивала себѣ на время торговлю какимъ-нибудь произведеніемъ (такъ было и весною въ 1589 году), и никому не дозволялось торговать имъ. Накупивши по дешевымъ цѣнамъ товару, казна продавала купцамъ этотъ товаръ съ барышомъ, принуждая ихъ брать даже испорченный. Торговля привилегіи англичанъ способствовали на время оживленію торговли, но влекли за собою эксплуатацію народной промышленности. Русскимъ купцамъ запрещалось ѣздить свободно за границу; исключеніе допускалось только по особому царскому позволенію; для иностранцевъ это было выгодно, и они сами не ждали этого, кромѣ поляковъ, которые не имѣли замысловъ истощать Русь путемъ торговли. Такимъ образомъ, русскіе не могли ознакомиться ни съ лучшимъ

бытомъ, ни съ пріемами европейской торговли; въ то же время не предпринималось ни малѣйшихъ средствъ къ народному образованію; при такомъ состояніи торговли западныхъ европейцевъ съ русскими имѣла печальный видъ сношеній ловкихъ и свѣдущихъ торговашей съ невѣждами, когда послѣдніе всегда бывають въ проигрышѣ, а первые наживаются на ихъ счетъ беззащитнымъ образомъ.

Борисъ щеголялъ своею кротостью и тѣмъ благоденствіемъ, какое будто бы испытывалъ народъ подъ его управленіемъ; онъ приказывалъ московскимъ посламъ, отправлявшимся къ сосѣдямъ, разглашать, что въ Московскомъ Государствѣ не то, что было прежде: всѣ живутъ въ льготѣхъ. Вѣсти были преувеличены; если онѣ и были на сколько-нибудь справедливы, то развѣ относительно владычныхъ и монастырскихъ вотчинъ, да можетъ быть — имѣній самого Бориса. Правда, Борисъ уже тѣмъ облегчалъ народъ, что избѣгалъ войнъ, въ чемъ сходилъ съ желаніями русскаго народа, роптавшаго, когда правительство начинало войну. Но иностранцы, вглядываясь въ народный бытъ, говорили, что въ это время налоги и повинности все-таки были обременительны. Замѣтимъ, что тогда уже существовала казенная продажа вина, учреждены были кабаки и кружечные дворы (неизвѣстно только, вездѣ ли); первыя извѣстія объ ихъ существованіи относятся къ послѣднимъ лѣтамъ царствованія Грознаго, и, кажется, способъ увеличивать казну на счетъ людскаго пьянства принадлежитъ ему. При Ѳедорѣ это учрежденіе было уже такъ тягостно для народа, что Борисъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ видѣ милости и особой льготы, по просьбѣ жителей, уничтожалъ кабаки. Управление тогдашняго времени не представляетъ ручательствъ для того, чтобъ народу было подъ нимъ очень хорошо. Тогда уже образовалась система управленія посредствомъ приказовъ¹⁾, въ которыхъ сидѣли бояре или окольничіе

¹⁾ Главныхъ было четыре, называемыхъ четьми: посольская, разрядная, помѣстная и казанскаго дворца; имъ подвѣдомственны были части или страны Московскаго Государства. Кромѣ

и дьяки; послѣдніе собственно всѣмъ заправляли. Эта система правленія имѣла отличительное свойство, вовсе не облегчавшее судьбу народа: все сосредоточивалось въ Москвѣ; часто люди должны были по своимъ нуждамъ обращаться издалека въ столицу, а дьяки тогда уже славились своею алчностью и взяточничествомъ; посулы (взятки) и поминки сдѣлались неизбѣжными признаками приказнаго управленія. По многимъ городамъ назначались воеводы, которые обыкновенно пробывали на одномъ мѣстѣ не болѣе года, а при воеводахъ были дьяки, и послѣдніе хотя и были ниже дворянъ, обыкновенно посылаемыхъ въ званіи воеводъ, но какъ люди грамотные, болѣе имѣли силы, чѣмъ воеводы, часто безграмотные. Воеводы и дьяки, получая мѣста въ городахъ, должны были давать взятки въ приказахъ, а себя за то вознаграждали всякимъ образомъ на счетъ подчиненныхъ. Награбленное ими не всегда шло имъ впрокъ; нерѣдко ихъ, но лишеніи должности, обвиняли, въ видѣ наказанія ставили на правезъ и вымучивали у нихъ то, что они успѣли высосать съ народа. Земское самоуправленіе сохранялось не вездѣ; мы его встрѣчаемъ въ большей силѣ на сѣверѣ, а въ другихъ мѣстахъ ощутительна власть намѣстниковъ и воеводъ, и если формы самоуправления существовали, то были подъ сильнымъ давленіемъ приказнаго порядка. Страхъ, который наводили опричники Ивана Грознаго, въ глазахъ народа оставался и въ это время вообще за царскими чиновниками. Посадскій или волостной человѣкъ, завидя издали дворянина или дьяка, убѣгалъ отъ него, а если встрѣчался съ нимъ или имѣлъ къ нему дѣло, то валялся у него въ ногахъ; зато, по замѣчанію англичанъ, всякій убогій крестьянинъ, ползающій предъ дворяниномъ, дѣлался жестокимъ мучителемъ своихъ братій, если только возвышался надъ ними и получалъ какое-нибудь начальство.

нихъ существовали еще избы или приказы: разбойный, холопій приказъ большаго прихода (куда собирались пошлины), дворцовый, стрѣлецкій, ямской. Вѣроятно, существовали такіе, о которыхъ первыя извѣстія случайно сохранились отъ нѣскольکو поздняго времени.

Вообще Борисъ въ дѣлахъ внутренняго строенія имѣлъ въ виду свои личные расчеты и всегда дѣлалъ то, что могло придать его управленію значеніе и блескъ. Такой смыслъ имѣло преобразование, совершенное имъ въ порядкѣ церковной іерархіи. Борисъ задумалъ учредить въ Московскомъ Государствѣ патриархію. Онъ воспользовался прїѣздомъ константинопольскаго патриарха Іереміи, который съ своимъ греческимъ духовенствомъ разѣзжалъ для сбора милостыни и привезъ царю Ѳедору икону съ каплями Христовой крови. Гостямъ оказали очень блестящій и вмѣстѣ съ тѣмъ чванный прїемъ. Греки были поражены блескомъ золототканныхъ одеждъ царя и царицы, униженныхъ жемчугомъ, усыпанныхъ дорогими камнями, богатствомъ окладовъ на безчисленныхъ иконахъ, огромными сосудами, изображавшими звѣрей, птицъ, деревья, стѣнною мозаикою, блиставшею золотомъ и изображеніями изъ священной исторіи. Борисъ сообщилъ патриарху свое намѣреніе на счетъ учрежденія патриаршества. Іеремія одобрилъ это намѣреніе. Борисъ предложилъ самому Іереміи быть въ Москвѣ патриархомъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ не въ Москвѣ, а во Владимирѣ, такъ какъ Борисъ ни за что не хотѣлъ удалять изъ столицы или оставлять въ ней не первымъ, а вторымъ своего любимца Іова. Іереміи не слишкомъ было хорошо въ Турціи; онъ готовъ былъ промѣнять ее на Русь, но не хотѣлъ жить иначе, какъ въ Москвѣ. Поэтому обѣ стороны сошлись на томъ, что Іеремія, надѣленный богатою милостынею, согласился на возведеніе митрополита Іова въ санъ патриарха. Для соблюденія законности созвали соборъ, и архіереи представили трехъ кандидатовъ, предоставляя царю избрать изъ нихъ по своему усмотрѣнію. Разумѣется, избранъ былъ Іовъ, и 26 января 1589 г. совершилось его посвященіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ архіепископы: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій (иначе сарскій и подонскій, жившій въ Москвѣ на Крутицахъ), возведены были въ санъ митрополитовъ, а шесть епископовъ получили архіепископскій санъ. Посѣщеніе Москвы константинопольскимъ патриархомъ было первымъ событіемъ въ своемъ родѣ и повлекло

къ нѣкоторому приливу грековъ духовнаго сана въ Московское Государство и къ большому сближенію съ православнымъ Востокомъ. Бывшій въ Москвѣ вмѣстѣ съ Іеремією эласонскій епископъ Арсеній, возвратившись съ нимъ въ Грецію, пріѣхалъ опять на Русь и получилъ суздальскую епархію; архіепископъ кипрскій Игнатій проживалъ въ Москвѣ. Отъ царя посылалась постоянно богатая милостыня на Востокъ.

Борису нужно было ласкать духовенство и возвышать его, чтобы, при всякой нуждѣ, опираться на него и находить въ немъ для себя могучую поддержку. Учрежденіе патріаршества давало русской церкви блескъ, сообщало этотъ блескъ и самому государству, которое у тогдашнихъ риторовъ называлось третьимъ Римомъ, но болѣе всего возвышало Бориса, получавшаго черезъ то и славу благодѣтеля русской церкви, и болѣе ручательства въ содѣйствіи своимъ видамъ со стороны духовенства: патріархъ былъ какъ бы государь; его титулъ возбуждалъ благоговѣйный страхъ, въ особенности сначала, пока былъ новымъ для русскихъ: что скажетъ патріархъ, то должно быть истиною; а такой патріархъ, какимъ былъ Іовъ, всегда и во всемъ былъ готовъ потакать Борису. Въ сущности патріаршество мало приносило церкви внутренней силы; самостоятельность русской церкви и независимость отъ всякой другой церковной власти и безъ того утвердилась уже тѣмъ временемъ, а ручательства отъ произвола свѣтскихъ властей патріаршество ей не давало болѣе того, чѣмъ могъ бы дать соборъ при нравственной силѣ своихъ членовъ. Для истинной пользы русской церкви въ то время нужны были не титулы, не наружный блескъ, а образованные пастыри: патріаршество, какъ показали послѣдствія, напротивъ, ставило преграду внутреннимъ преобразованіямъ какъ въ церкви, такъ и въ гражданскомъ обществѣ, и въ свое время было уничтожено, какъ одинъ изъ признаковъ, наиболѣе препятствовавшихъ культурному движенію русскаго общества.

Какъ ни старался Годуновъ избѣгать всякой войны съ сосѣдями, но въ 1590 году, по истеченіи перемирія со Швеціею, принужденъ былъ начать непріязненные

дѣйствія. Шведы удерживали отнятую при Грозномъ часть Вотской пятины и не хотѣли возвращать ее, хотя Борисъ и предлагалъ за нее деньги. Московскому Государству было особенно тяжело, что у него отняли море. Въ январѣ 1590 года началась война. Самого царя взяли въ походъ, находя полезнымъ, чтобы онъ былъ при войскѣ. Шведы дѣйствовали плохо, не болѣе какъ черезъ мѣсяцъ сами предложили перемиріе на годъ и уступили царю: Ямъ, Копорье и Иванъ-городъ. Русскимъ этого было недостаточно. Они хотѣли также возвратить Нарву и Корелу, но приступъ ихъ къ Нарвѣ былъ неудаченъ, и осторожный Борисъ, побоявшись подвергаться опасностямъ дальнѣйшей войны, поспѣшилъ взять то, что давалось, отлагая на будущее время возвращеніе остального. Съ тѣхъ поръ нѣсколько лѣтъ сѣзжались между собою русскіе и шведскіе уполномоченные, не могли сойтись, начинались опять военныя дѣйствія, вообще незначительныя; потомъ опять сѣзжались послы толковать о примиреніи и только уже въ 1595 году заключили миръ. Шведы воротили русскимъ Корелу, а русскіе отказались отъ Нарвы и отъ всѣхъ притязаній на Эстонию.

Между тѣмъ, въ тѣ годы, когда происходили толки со шведами о границахъ, въ Московскомъ Государствѣ совершились важныя трагическія событія. Димитрій росъ въ почетномъ изгнаніи въ Угличѣ и представлялъ въ будущемъ большую опасность для Бориса. Ѳедоръ былъ бездѣтенъ, слабъ здоровьемъ и, въ случаѣ его смерти, царевичъ Димитрій былъ бы провозглашенъ его преемникомъ на престолѣ. Борису естественно грозила гибель. Нагіе и люди Димитріевой партіи, конечно, не простили бы ему ни его прошлаго величія, ни ихъ удаленія отъ царя. Этого мало: Димитрій, пришедши въ возрастъ, могъ быть опасенъ и для самого Ѳедора. Если были люди, которые тотчасъ же по смерти Грознаго думали вмѣсто Ѳедора посадить на престолѣ малолѣтняго Димитрія, то тѣмъ скорѣе самъ Димитрій, достигши совершеннолѣтія, могъ собрать около себя партію людей, которые были недовольны тѣмъ, что на престолѣ сидитъ слабоумный царь, а всѣмъ управляетъ временщикъ, и

легко пристали бы къ намѣренію низложить Ѳедора. Разсказывали, что малолѣтній Димитрій уже въ дѣтствѣ показывалъ отцовскія наклонности, любилъ смотрѣть, какъ убиваютъ домашнихъ животныхъ и самъ, ради потѣхи, убивалъ ихъ палкою. Говорятъ, однажды играя съ дѣтьми, онъ сдѣлалъ изъ снѣга нѣсколько человѣкоподобныхъ фигуръ; одну изъ нихъ назвалъ Борисомъ Годуновымъ, другихъ — именами разныхъ бояръ, пріятелей Годунова, билъ ихъ палками, говорилъ, что рубить имъ головы, руки, ноги и прибавлялъ: «вотъ какъ будетъ, когда я стану царствовать!» Смерть этого ребенка казалась не только полезной для видовъ Годунова, но и необходимою для его существованія.

Въ 1591 году Годуновъ отправилъ въ Угличъ надзирать за земскими дѣлами и надъ домашнимъ обиходомъ царицы Маріи своихъ довѣренныхъ людей: дьяка Михаила Битяговскаго съ сыномъ Даниломъ и племянникомъ Качаловымъ. Нагіе и сама царица не терпѣли этихъ людей. Нагіе безпрестанно съ ними ссорились.

15-го мая 1591 года въ полдень пономарь соборной углицкой церкви ударилъ въ набатъ. Народъ сбѣжался со всѣхъ сторонъ во дворъ царицы и увидѣлъ царевича мертваго съ перерѣзаннымъ горломъ. Изступленная мать обвиняла въ убійствѣ людей, присланныхъ Борисомъ. Народъ убилъ Михаила и Данила Битяговскихъ и Никиту Качалова, а сына царевичевой мамки Волоховой притащилъ въ церковь къ царицѣ и убилъ по ея приказанію предъ ея глазами. Умертвили еще нѣсколько человѣкъ по подозрѣнію въ согласіи съ убійцами.

Дали знать въ Москву. Борисъ отправилъ на слѣдствіе боярина князя Василія Ивановича Шуйскаго и окольного Андрея Клешина. Послѣдній былъ человѣкъ вполне преданный и покорный Борису. Первый принадлежалъ къ роду, нерасположенному къ Борису, но, при стеченіи тогдашнихъ обстоятельствъ, волею-неволею долженъ былъ дѣйствовать въ его видахъ. Свидѣтелей убійства не было. Преступниковъ тоже. Шуйскій, человѣкъ хитрый и уклончивый, считалъ, что, если онъ поведетъ слѣдствіе такъ, что

Борисъ будетъ имъ недоволенъ, то все-таки Борису ничего не сдѣлаетъ, потому что верховнымъ судьей будетъ тотъ же Борисъ, а себя подвергнетъ въ послѣдствіи его мщенію. Шуйскій рѣшилъ вести слѣдствіе такъ, чтобы Борисъ былъ имъ вполне доволенъ.

Слѣдствіе произведено было безсовѣстнымъ образомъ. Все натягивалось къ тому, что выходило, будто царевичъ зарѣзался самъ. Осмотра тѣла не сдѣлали; людей, убившихъ Битяговскаго съ товарищами, не допросили. Царицу также не спрашивали. Показанія, снятыя съ разныхъ лицъ, кромѣ показанія одного Михаила Нагого, гласили одно, что царевичъ зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни. Одни явно лгали, показывая, что сами видали, какъ происходило дѣло, другіе показывали то же, не выдавая себя очевидцами. Тѣло царевича было предано землѣ въ углицкой церкви св. Спаса.

Годуновъ подалъ это слѣдствіе на обсужденіе патріарха и духовенства. Патріархъ, всѣмъ обязанный Борису, произнесъ такое мнѣніе, какое угодно было его покровителю; ему не противорѣчили и прочіе святители, а заявили только, что это дѣло земское, не церковное. Бояре не могли сопротивляться не только изъ страха передъ Борисомъ, но и потому, что не имѣли никакихъ данныхъ къ сопротивленію. Борисъ сослалъ всѣхъ Нагихъ въ отдаленные города въ заключеніе; царицу Марію постригли насильно подъ именемъ Марѣи и сослали въ монастырь св. Николая на Выксѣ (въ Череповецкомъ уѣздѣ). Надъ углицкими жителями совершена жестокая расправа: обвиненныхъ въ убійствѣ Битяговскаго съ товарищами казнили смертью; другимъ за смѣлыя рѣчи отрѣзали языки и многихъ жителей сослали въ Сибирь для заселенія города Пелыма. Преданіе говоритъ, что Годуновъ сослалъ въ Сибирь даже тотъ колоколь, въ который били въ набатъ въ день убіенія Димитрія, и его до сихъ поръ показываютъ въ Тобольскѣ.

Правительство объявило и приказывало народу вѣрить, что смерть царевича произошла отъ самоубійства, но въ народѣ сохранилось убѣжденіе, что царевичъ былъ зарѣзанъ по тайному приказанію Бориса.

Ходили объ этомъ разные рассказы и были вносимы въ лѣтописи. Къ счастью для исторіи, сохранился одинъ рассказъ, носящій на себѣ явные признаки того, что онъ составленъ современникомъ и притомъ близко знавшимъ объ этомъ событіи. По этому рассказу царевичъ Димитрій въ день своей смерти чувствовалъ себя нездоровымъ, но, по обычаю, отслушалъ обѣдно, пришедши домой, перемѣнилъ платье; ему принесли богородицынъ хлѣбецъ (просфору). Царевичъ съѣлъ просфору и потомъ попросилъ пить, а послѣ того пошелъ съ своей кормилицей Тучковой-Ждановой погулять. Матери съ нимъ не было. Дяди Нагіе разѣхались обѣдать. Когда царевичъ съ кормилицей подошелъ къ церкви св. Константина и Елены, появились Качаловъ и Данило Битяговскій, ударили кормилицу палкой, чтобы ошеломить ее, и въ то же мгновеніе перерѣзали царевичу горло, а сами стали громко кричать... Прибѣжала царица, схватила царевича на руки... Онъ умеръ. Царица велѣла ударить въ набатъ, сбѣжался народъ; царица съ воплемъ кричала, что царевича зарѣзали, указывала на убійцъ; народъ въ остервенѣніи побилъ камнями тѣхъ, на кого она указала.

Изъ этого рассказа видно, что свидѣтелей убійства собственно не было. Сама кормилица не могла прямо сказать, что видѣла, какъ его зарѣзали; она могла только возбудить подозрѣніе рассказомъ о томъ, какъ ее ударили. Зато кормилицу, вмѣстѣ съ ея мужемъ, приказано было взять «бережно», наблюдая, чтобы они съ дороги не убѣжали, и привезти въ Москву. Неизвѣстно, куда дѣлась эта несчастная супружеская чета.

Остается неизвѣстнымъ, въ какой степени съ согласія Бориса убійцы совершили это дѣло: былъ ли имъ данъ положительный намекъ, или же (что вѣроятнѣе) они сами поняли, что, если ловко обдѣлаютъ это дѣло, то Борисъ сумѣетъ ихъ наградить, не сказавши, за что онъ награждаетъ. Имъ не удалось получить награды; Борисъ только облагодѣтельствовалъ ихъ семейства.

Вскорѣ послѣ смерти царевича, 23-го мая, на праздникъ Троицы, во время отсутствія царя, уѣхавшаго въ Сергіевъ монастырь, вспыхнулъ въ Москвѣ пожаръ,

обратившей въ пепель значительную часть Бѣлаго города. Борисъ тотчасъ началъ раздавать пособіе погорѣвшимъ и на собственный счетъ устраивалъ цѣлыя улицы. Несмотря на такую щедрость, въ народѣ ходили слухи, что пожаръ произведенъ былъ людьми Годунова, по его приказанію, для того, чтобы отвлечь вниманіе столицы отъ совершеннаго убійства. Годуновъ съ своей стороны обвинялъ въ поджигательствѣ людей Нагихъ.

Менѣе чѣмъ два мѣсяца спустя, столица испытала новую тревогу. Крымскій ханъ Казы-Гирей долго обманывалъ Москву, увѣрялъ, что будетъ посылать татаръ на Литву, а на Москву не пошлетъ, и вдругъ неожиданно бросился съ громадною силою въ русскіе предѣлы. Тогда ожидали разрыва съ Швеціею и сосредоточивали военныя силы на сѣверѣ. Ханъ такъ скоро очутился на Окѣ, что русскіе думали только о защитѣ столицы. Осторожный Борисъ не взялъ на себя главнаго начальства надъ войскомъ, оборонявшимъ Москву, а поручилъ его князю Ѳедору Мстиславскому, самъ же занялъ послѣ него второе мѣсто. 4-го іюля ханъ подошелъ къ селу Коломенскому; русскіе стояли въ обозѣ. Татары побились съ русскими и потеряли нѣсколько мурзь. Ханъ къ вечеру приблизился къ селу Воробьеву и смотрѣлъ съ вершины горы на Москву. Годуновъ приказалъ безъ умолку палить изъ пушекъ, а русскіе плѣнники сказали хану, что въ Москвѣ стрѣляютъ отъ радости, потому что туда пришли новыя силы изъ Новгорода и другихъ мѣстъ и готовы на другой день утромъ ударить на хана. Ханъ немедленно бѣжалъ со всѣми своими силами. Мстиславскій и Годуновъ погнались за непріятелемъ, разбили его оставшія полчища близъ Тулы, но хана не могли нагнать. Онъ ускакалъ въ простой телѣгѣ въ Бакчисарай, растерявши по дорогѣ множество своихъ воиновъ.

Хотя Годуновъ, ожидая хана, сдалъ главное начальство Мстиславскому, но этотъ послѣдній получилъ отъ имени царя выговоръ за то, что въ своемъ донесеніи не упомянулъ имени Бориса. Вся честь побѣды должна была приписываться Борису: объ этомъ велѣно было рассказывать и въ чужихъ земляхъ. Борисъ принялъ

тогда титуль «слуги», который, по тогдашнему придворному обычаю, давался за важныя побѣды. Въ память спасенія Москвы заложень былъ монастырь, названный Донскимъ, отъ имени иконы Богородицы, находившейся съ Димитріемъ на Куликовомъ полѣ; она же была и съ Годуновымъ при защитѣ Москвы отъ Казы-Гирея.

Тогда, говоритъ современное повѣствованіе, многіе сплетали безмѣрныя, несказанныя похвалы правленію Бориса, желая угодить ему и расположить къ себѣ. Люди, хотъ и видѣли, что все это ложь, но не смѣли не только ничего сдѣлать, но даже чего-нибудь помыслить противъ Годунова. Онъ отнялъ у всѣхъ власть и всѣхъ держалъ въ страхѣ. Въ Алексинѣ начали ходить толки, что Борисъ самъ навелъ хана, чтобы отвлечь русскихъ отъ убійства Димитрія. Годуновъ тотчасъ приказалъ разыскивать злословившихъ его, предавать пыткамъ, заключать въ темницы, рѣзать языки, но дѣйствовалъ такъ, какъ будто бы все это шло не отъ него. Случится — говоритъ то же повѣствованіе, — что кого-нибудь надобно казнить, тогда писали: «приговорили князь Ѳедоръ Мстиславскій съ товарищи», а если кого-нибудь жаловали или прощали, то писали: «пожаловалъ царь по прошенію Бориса Ѳедоровича».

Въ слѣдующемъ, 1592 году, у царя Ѳедора родилась дочь Ѳеодосія. Борисъ показывалъ видъ радости, именемъ царя выпускалъ изъ темницъ узниковъ, раздавалъ милостыню духовенству, но никто не вѣрилъ его искренности, и когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ маленькая царевна умерла, въ народѣ пошли толки, что Борисъ отправилъ ее на тотъ свѣтъ.

Борисъ, однако, дѣлалъ свое дѣло и пріобрѣталъ себѣ всѣми мѣрами сторонниковъ. Уже онъ заручился расположеніемъ духовенства. Тарханы, уничтоженные соборнымъ приговоромъ, оставались въ прежней силѣ и постоянно давались новыя. Духовенство видѣло, что Борисъ защищаетъ его матеріальныя выгоды; нужно было Борису также расположить къ себѣ служилыхъ людей. И вотъ Борисъ издалъ законъ, уничтожающій Юрьевъ день — право перехода крестьянъ съ земли

одного владѣльца на землю другого. Всѣ крестьяне обязаны были навсегда оставаться въ повиновеніи своимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ. Этимъ закономъ Борисъ до чрезвычайности угождалъ всей массѣ незнатныхъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ службою и постоянно нуждавшихся въ рабочихъ рукахъ для достиженія средствъ благосостоянія и для исправности на службѣ. Надобно замѣтить, что къ этому располагало еще и слѣдующее обстоятельство. Съ открытіемъ Сибири, съ занятіемъ земель на югѣ Московскаго Государства послѣдовало движеніе народа на новоселье. Пустѣли цѣлыя посады и волости. Одинъ англичанинъ, проѣхавшій отъ Вологды до Ярославля, видѣлъ по дорогѣ до пятидесяти деревень, оставленныхъ жителями. Если не поставитъ предѣловъ такому движенію, то предстояла опасность, что середина государства лишится большей части своего населенія, а оставшіеся не въ состояніи будутъ нести налоговъ и придутъ въ нищету. Притомъ же льготы, предоставленныя имѣніямъ монастырскимъ и владычнымъ, естественно, приманивали туда крестьянъ отъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Борисъ нуждался въ опорѣ со стороны духовенства и потому не рѣшался огорчить его дѣйствительнымъ отнятіемъ у него привиллегій, но, съ другой стороны, онъ нуждался также въ расположеніи служилаго сословія. Борисъ прибѣгнулъ къ уничтоженію крестьянскаго перехода, — мѣрѣ, которая, удовлетворяя выгодамъ служилаго сословія, вмѣстѣ съ тѣмъ казалась выгодною для государства; что касается до бояръ, владѣвшихъ большими вотчинами, то мѣра эта не представляла для нихъ на первыхъ порахъ ни особенныхъ выгодъ, ни чувствительныхъ потерь, такъ какъ они имѣли возможность давать крестьянамъ большія льготы и тѣмъ приманивать ихъ къ себѣ.

Но мѣра эта не по душѣ была простому народу, и съ этихъ поръ, вмѣсто законно переходившихъ отъ владѣльца къ владѣльцу крестьянъ, явились бѣглецы, и число ихъ усиливалось съ каждымъ годомъ. Владѣльцы преслѣдовали ихъ, искали на нихъ суда, заводили тяжбы, требовали возвращенія крестьянъ;

а тѣ изъ крестьянъ, которые были поудалѣе, бѣжали въ казаки или же умножали собою разбойничьи шайки. Самъ Борисъ, стараясь удержать народонаселеніе въ срединѣ государства, нуждался, однако, въ расширеніи его на окраинахъ. Нашествіе крымскаго хана убѣждало его въ необходимости умножать число городовъ на югѣ и населять ратными людьми. Такимъ образомъ, въ концѣ 1593 года, Борисъ построилъ крѣпости внизъ по рѣкѣ Осколу: Бѣлгородъ, Осколь, Валуйки. Ханъ Казы-Гирей, испытавши неудачу подъ Москвой, въ 1594 году заключилъ миръ и далъ шертную грамоту, обѣщаясь не беспокоить русскихъ предѣловъ, но этотъ миръ былъ купленъ: русскіе заплатили 10.000 рублей и одарили хана тканями и мѣхами; такой миръ былъ не проченъ, потому что крымцы дружили до тѣхъ поръ, пока брали подарки.

Чтобы обуздать крымскаго хана, Борисъ отправлялъ посольство въ Константинополь, просилъ султана за-прещать татарамъ беспокоить русскіе предѣлы, увѣрялъ, что русскій государь питаетъ любовь къ султану и не слушаетъ совѣтовъ императора, папы, короля польскаго и короля испанскаго и персидскаго шаха, которые убѣждаютъ его идти войною на Турцію, но турецкій визирь съ гордостью отвѣчалъ московскому послу, что Турція никого не боится, а если московскій государь желаетъ дружбы султана, то пусть отдастъ ему Астрахань и Казань, отступится отъ грузинскаго царя, который есть подданный султана, пусть, сверхъ того, сведетъ съ Дону казаковъ. Въ Турціи очень хорошо понимали лживость увѣреній въ дружбѣ. Дѣйствительно, Московское правительство называло передъ турками казаковъ разбойниками, однако посылало къ казакамъ воинскіе снаряды и готово было пользоваться ихъ услугами противъ мусульманъ. Съ императоромъ велись нѣсколько лѣтъ сношенія: главнымъ предметомъ были переговоры насчетъ предполагаемой войны съ турками. Сношенія эти ничѣмъ не кончились, кромѣ подарковъ, съ обѣихъ сторонъ довольно значительныхъ, такъ что однажды со стороны русскихъ было послано на воинскія издержки мѣховъ на 44.000 руб. Столько

же бесплодны были сношенія съ персидскимъ шахомъ Аббасомъ; толковали о томъ, что слѣдуетъ русскимъ сообща съ персеянами воевать противъ турокъ, но ни тѣ, ни другіе ничего не предпринимали. Также мало имѣли значенія два посольства папы Климента VIII, дважды отправлявшаго въ Москву своего легата Комулея съ цѣлью убѣдить московскаго царя дѣйствовать противъ турокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поговорить и о соединеніи церквей. Болѣе искренни со стороны Бориса были сношенія съ Англією, въ особенности, когда не стало дьяка Андрея Щелкалова: хотя послѣдній былъ всегда во всемъ заодно съ Борисомъ, но по отношенію къ англичанамъ — не питалъ того расположенія, какое оказывалъ къ нимъ Годуновъ. Замѣчательно, что Елисавета до того дорожила добрымъ расположеніемъ къ себѣ московскаго правительства, даровавшаго купцамъ такія выгоды, что подвергла запрещенію книгу Флетчера о русскомъ государствѣ, гдѣ представленъ въ черномъ видѣ государственный строй и самъ Борисъ является не въ выгодномъ свѣтѣ.

Всякое общественное бѣдствіе и всякое общественное предпріятіе давали Борису поводъ показывать свою заботливость о судьбѣ народа. Въ Москвѣ въ 1585 году случился пожаръ въ Китай-Городѣ, и Борисъ способствовалъ скорѣйшему возобновленію сгорѣвшихъ дворовъ; вслѣдъ затѣмъ открылось покушеніе зажечь Москву, и Борисъ, къ удовольствію народа, предалъ казни виновныхъ. Происходили пожары и въ другихъ городахъ — и тамъ Борисъ подавалъ помощь погорѣвшимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были неурожаи: Борисъ посылалъ туда хлѣбные запасы. Посѣтило Русь также нерѣдкое въ ея исторіи бѣдствіе — заразительныя болѣзни, сильно опустошавшія тогда Псковъ: Борисъ учреждалъ заставы, чтобы не дать имъ распространиться въ другихъ областяхъ. Въ 1596 г. задумалъ Борисъ строить каменные стѣны въ Смоленскѣ и, вмѣсто того, чтобы, по обычаю, гонять людей на городовое дѣло, устроилъ работы наймомъ. Онъ самъ отправился на мѣсто постройки, чтобы показать себя тамошнимъ жителямъ: они находились близко къ литовскимъ предѣламъ;

у нихъ еще свѣжо было преданіе, что ихъ дѣды принадлежали Литвѣ; имъ особенно полезно было показать, что въ Москвѣ правительство доброе и впередъ можно ожидать отъ него всякаго добра. Борисъ останавливался въ городахъ и селахъ, съ участіемъ выслушивалъ челобитныя, поилъ, кормилъ тамошнихъ людей, раздавалъ бѣднымъ милостыню.

Лаская служилое сословіе, Борисъ въ 1597 году подтвердилъ законъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ, установилъ, чтобы всѣ, убѣжавшіе изъ помѣстій и вотчинъ въ теченіе предшествовавшихъ пяти лѣтъ, были отыскиваемы и возвращаемы къ повиновенію помѣщикамъ и вотчинникамъ; сверхъ того, онъ узаконилъ, чтобы всѣ тѣ, которые прослужили и прослужать у господъ не менѣе полугода, дѣлались черезъ то самое ихъ вѣчными холопами и были записаны въ книги посольскаго приказа. Такое узаконеніе, конечно, было пріятно для служилыхъ, нуждавшихся въ рабочихъ рукахъ, и много было обязанныхъ Борису, а потому готовыхъ стоять за него ради собственныхъ интересовъ, но мало было истинно любившихъ его. Всѣ щедроты и благодѣянія правителя толковались въ дурную сторону, а злые языки безпрестанно приписывали ему новыя злодѣянія. Ослѣпъ Симеонъ Бекбулатовичъ, котораго нѣкогда Грозный сдѣлалъ на время игрушечнымъ русскимъ государемъ: распро- странили слухъ, будто Борисъ испортилъ его посредствомъ волшебнаго питья.

Царь Ѳедоръ Ивановичъ былъ чуждъ всего, соотвѣтвенно своему маломуумію. Вставалъ онъ въ четыре часа; приходилъ къ нему духовникъ со святою водою и съ иконою того святого, чья память праздновалась въ настоящій день. Царь читалъ вслухъ молитвы, потомъ шелъ къ царицѣ, которая жила особо, вмѣстѣ съ нею ходилъ къ заутрени, потомъ садился въ кресло и принималъ близкихъ лицъ, особенно же монаховъ; въ 9 часовъ утра шелъ къ обѣднѣ, въ одиннадцать часовъ обѣдалъ, потомъ спалъ, потомъ ходилъ къ вечернѣ, иногда же передъ вечернею въ баню. Послѣ вечерни царь до ночи проводилъ время въ забавахъ: ему пѣли пѣсни, сказывали

вали сказки; шуты потѣшали его кривляньями, Ѳеодоръ очень любилъ колокольный звонъ и самъ иногда хаживалъ звонить на колокольню. Часто онъ совершалъ благочестивыя путешествія, ходилъ пѣшкомъ по московскимъ монастырямъ, посѣщалъ, вмѣстѣ съ царицею, Троицкую обитель, монастырь Пафнутія Боровскаго и другіе. Но кромѣ такихъ благочестивыхъ наклонностей, Ѳеодоръ показывалъ и другія, напоминавшія нравъ родителя: онъ любилъ смотрѣть на кулачные бои и на битвы людей съ медвѣдями. Челобитчики, обращавшіеся къ нему, не видѣли отъ него участія: «избѣгая мірской суеты и доуки», онъ отсылалъ ихъ къ Борису. Царица Ирина отъ своего имени иногда давала милостивыя повелѣнія и въ день своего ангела выпускала узниковъ изъ темницъ. Слабоуміе Ѳеодора не внушало, однако, къ нему презрѣнія: по народному воззрѣнію, малоумные считались безгрѣшными и потому назывались «блаженными». Монахи восхваляли благочестіе и святую жизнь царя Ѳеодора; ему заживо приписывали даръ прозрѣнія и прорицанія: рассказывали, между прочимъ, что, во время нападенія Казы-Гирея на Москву, блаженный царь молился и предрекъ бѣгство крымцевъ. Болѣзненность склонила его къ преждевременной смерти. Онъ скончался 7-го января 1598 года, на сорокъ-первомъ году своей жизни.

Борисъ объявилъ, что умершій царь передалъ державу свою царицѣ Иринѣ и поручилъ «строить свою душу» патріарху Іову, и съ нимъ шурина своему Борису и двоюродному брату Ѳеодору Никитичу Романову-Юрьеву.

Это была неслыханная новость: никогда еще женщина не царствовала самобытно, не будучи опекуншею дѣтей; притомъ жена послѣ мужа не могла быть преемницею ни по какому праву. Но права престолонаслѣдія уже не существовало. Еще Иванъ III своими рѣчами и поступками показалъ, что государь можетъ отдавать свое государство кому захочетъ. Грозный пріучилъ не разсуждать ни о какихъ правахъ. Единственное, что сохранилось еще въ воззрѣніи народа — это воля Земли, которую призывалъ Иванъ Грозный для освя-

щенія своей опричнины и въ которой оказалась необходимость для утвержденія Ѳедора на престолѣ. Иринѣ мужъ при смерти передалъ державу, но Ирина имѣла только временное значеніе правительницы государства, пока не установится выборъ всею землею. Черезъ девять дней Ирина постриглась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Тогда собрались бояре и постановили, что правленіе остается въ рукахъ боярь. Созвали народъ цѣловать крестъ боярской Думѣ, но созванная толпа состояла въ большинствѣ изъ доброжелателей Бориса. Они закричали, чтобы царемъ былъ Борисъ.

Іовъ тотчасъ воспользовался этимъ и сталъ говорить, что слѣдуетъ идти просить Бориса принять царство.

Духовенство было съ нимъ заодно; толпа служилыхъ одобрила предложеніе; между боярами были родственники Годунова, его воцареніе обѣщало имъ выгоды и почести; Шуйскимъ, Мстиславскому, Романовымъ, Черкасскимъ не по сердцу оно было, но они не въ силахъ были противостать общему желанію. Все отправилось въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ находился Борисъ съ сестрою, которая уже приняла имя инокини Александры. Борисъ показывалъ видъ будто весь погрузился въ богомысліе.

Патріархъ просилъ сначала бывшую царицу благословить на царство брата своего, потомъ обратился къ Борису и говорилъ:

«Будь намъ милосердымъ государемъ, царемъ и великимъ княземъ, не дай въ пограніе православной вѣры и въ расхищеніе христіанъ православныхъ».

Борисъ на это отвѣчалъ:

«И въ разумъ мнѣ никогда не приходило и въ мысли того не будетъ, чтобы мнѣ царствовать; какъ можно, чтобы я помыслилъ на такую высоту? Да теперь намъ время помышлять, какъ бы устроить праведную и безпорочную душу государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича, а о государствѣ и земскихъ дѣлахъ радѣть и промыслять тебѣ, отцу святѣйшему патріарху, и боярамъ вмѣстѣ съ тобою. А если моя работа пригодится, такъ я радъ голову положить за святыхъ божіи церкви и за одну пядь земли».

Патріархъ приводилъ ему примѣры изъ Ветхаго Завѣта и византійской исторіи, когда лица не-царскаго происхожденія приобрѣтали славу своими заслугами и были избираемы на царство. Но Борисъ не поддался риторикѣ и силѣ историческихъ примѣровъ и отка-зался.

Патріархъ еще устраивалъ такія же путешествія, и для большей наглядности служилые, расположенные къ Борису, взяли съ собою женъ и дѣтей. Но и это не помогло. Борисъ говорилъ, что думаетъ о спасеніи души, а не о земномъ величіи.

Тогда патріархъ сказалъ народу, что надобно подо-ждать окончанія сорокоуста: Борисъ Ѳедоровичъ съ своимъ обычнымъ благочестіемъ весь предался молитвѣ за своего благодѣтеля, царя Ѳедора Ивановича, а тѣмъ временемъ надобно созвать земскій соборъ изъ людей всякаго чина; когда всею землею начнутъ его просить— онъ не дерзнетъ противиться.

Пособники Борисовы поѣхали по городамъ содѣйство-вать, чтобы въ Москву съѣхались такіе люди, которые благопріятствуютъ Борису. Къ началу масляницы со-брались въ Москвѣ выборные люди.

Соборъ этотъ устроенъ былъ заранѣе въ видахъ Бориса. Всѣхъ членовъ было 474 человекъ; изъ нихъ 99 было изъ духовнаго званія, а 272 изъ служилыхъ, изъ которыхъ 119 небогатыхъ помѣщиковъ, всѣмъ обя-занныхъ Борису; на долю собственно народа приходилось немного: изъ нихъ надобно отнести къ сторонникамъ Годунова гостей, связанныхъ съ нимъ интересами тор-говли, такъ какъ, владѣя большими имѣніями, онъ продавалъ имъ свои произведенія. Въ числѣ собрав-шихся были, однако, и недоброжелатели Бориса, да ничего не могли они сдѣлать; имъ даже и говорить не дали.

17-го февраля въ первый разъ собрались выборные люди въ Кремль. Патріархъ, спросивши ихъ: кому быть на государствѣ царемъ, не дождался отъ нихъ от-вѣта, не допустилъ ихъ ни разсуждать, ни спорить, а сказалъ, что у патріарха, у всего духовенства, у бояръ, дворянъ, приказныхъ и служилыхъ людей и у всѣхъ

православныхъ христіанъ, которые были въ Москвѣ прежде, одна мысль: молить Бориса Ѳеодоровича, чтобъ онъ былъ на царствѣ, и не хотѣть иного государя. Сторонники Бориса стали тотчасъ восхвалять его добродѣтели, а патріархъ затѣмъ объявилъ: кто захочетъ искать иного государя, кромѣ Бориса Ѳеодоровича, того предадутъ проклятію и отдадутъ на кару градскому суду.

Послѣ такого заявленія никто не посмѣлъ и заикнуться противъ воли патріарха.

Патріархъ назначилъ три дня молиться, поститься, а на четвертый день, 20-го февраля, въ понедѣльникъ на сырной недѣлѣ, двинулся со всѣми выборными людьми въ Новодѣвичій монастырь. За выборными людьми пошла громада московской черни: мужчины, женщины, дѣти. Пособники Бориса ходили между чернью и объявляли, что кто не пойдетъ просить Бориса на царство, съ того возьмутъ пени два рубля. Борисъ вышелъ и наотрѣзъ сказалъ, что не помышляетъ о высотѣ царства. Тогда, возвратившись въ Кремль, патріархъ объявилъ, что нужно вновь на другой день просить Бориса Ѳеодоровича и нести къ нему икону Богородицы изъ Вознесенскаго монастыря. «Если Борисъ Ѳеодоровичъ не согласится, — говорилъ патріархъ, — то мы со всѣмъ освященнымъ соборомъ отлучимъ его отъ церкви Божіей, отъ причастія св. Таинъ, сами снимемъ съ себя святительскіе саны и за послушаніе Бориса Ѳеодоровича не будетъ въ церквахъ литургіи, и учинится святыня въ погрании, христіанство въ разореніи и воздвигнется междоусобная брань, и все это възыщетъ Богъ на Борисѣ Ѳеодоровичѣ».

Во вторникъ, 21 февраля, зазвонили во всѣхъ московскихъ церквахъ, и народъ, вслѣдъ за патріархомъ, огромною толпою двинулся къ Новодѣвичьему монастырю. Борисъ вышелъ навстрѣчу чудотворной иконѣ и поклонился до земли. «Не мы сей подвигъ сотворили, — говорилъ патріархъ, — а Пречистая Богородица съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и святыми чудотворцами возлюбила тебя и изволила придти напомнить тебѣ волю Сына своего, Бога нашего; повинись святой волѣ, не наведи на себя своимъ послушаніемъ гнѣва Божія».

Борисъ ушелъ къ сестрѣ въ келью; патріархъ отслужилъ обѣдню, потомъ пошелъ въ келью съ нѣсколькими боярами, приверженцами Бориса. Толпа стояла на дворѣ кругомъ кельи. Бояре изъ оконъ давали знакъ приставамъ, а приставы заставляли народъ кланяться, вопить и плакать. Здѣсь было много женщинъ съ младенцами. Многие москвичи изъ раболѣпства и страха, за недостаткомъ слезъ, мочили глаза слюнями, а тѣхъ, которые неохотно вопили и кланялись, Борисовы пособники понуждали въ спину пинками. «И они, — говоритъ лѣтописецъ, — хоть не хотѣли, а по неволѣ были по-волчьи». Патріархъ, истощивши старанія тронуть сердце Бориса зрѣлищемъ плачущаго русскаго народа, сталъ, наконецъ, грозить ему, что онъ принесетъ Богу отвѣтъ, если въ безгосударное время будетъ въ поспраніи святая вѣра и православные христіане въ расхищеніи отъ иноземцевъ.

Инокія Александра стала уговаривать Бориса. «Неужели, — сказалъ онъ, — и тебѣ, моей государынѣ, угодно возложить на меня такое невыносимое бремя, о которомъ у меня никогда и на мысли не было и на разумъ не приходило?»

«Это Божье дѣло, а не человѣческое, — сказала Александра. — Какъ будетъ воля Божья, такъ и твори».

Тогда Борисъ съ видомъ скорби залился слезами и, поднявши глаза къ небу, сказалъ: «Господи Боже мой, я твой рабъ: да будетъ воля Твоя!»

Патріархъ благословилъ Бориса, сестру и жену его, затѣмъ вышелъ къ народу и провозгласилъ: «Борисъ Федоровичъ насъ пожаловалъ: хочетъ быть на великомъ російскомъ царствіи». — «Слава Богу!» — кричали всѣ, а приставы толкали людей, чтобъ тѣ кричали погромче и повеселѣе.

26-го февраля Борисъ прибылъ въ Москву, поклонился святынѣ, а потомъ опять уѣхалъ въ Новодѣвичій монастырь, какъ будто на постный подвигъ, и не прежде прибылъ въ столицу, какъ послѣ Пасхи. Вѣнчаніе на царство происходило 1-го сентября. Тогда Борисъ сказалъ громко патріарху: «Богъ свидѣтель, отче, въ моемъ царствѣ не будетъ нищихъ и бѣдныхъ». Затѣмъ,

взявшись за воротникъ рубашки, онъ прибавилъ: «и эту послѣднюю раздѣлю со всѣми!»

Борисъ рассчиталъ, что нужно на первыхъ порахъ расположить къ себѣ народъ, пріучить любить себя и повиноваться себѣ. Съ этою цѣлью онъ освободилъ весь сельскій народъ отъ податей на 1 годъ, а равно и всѣхъ инородцевъ отъ платежа ясака. Всѣмъ торговымъ людямъ Борисъ далъ право безошплинной торговли на два года, служилымъ выдалъ одновременно годовое жалованье. Въ Новгородѣ (и быть-можетъ въ другихъ мѣстахъ) онъ закрылъ кабаки. Выказываясь блюстителемъ нравственности, Борисъ преслѣдовалъ безчинное пьянство, что нравилось добронравнымъ людямъ. Сидѣвшіе въ тюрьмахъ получали свободу, опальнымъ прежняго царствованія давалось прощеніе; вдовы, сироты, нуждающіеся получали отъ щедротъ царя вспоможеніе. Борисъ непрестанно кормилъ и одѣвалъ неимущихъ. Казней не было. Борисъ даже воровъ и разбойниковъ не наказывалъ смертию. Но все это была только мишура. Всѣ благія стремленія Бориса клонились только къ одной цѣли: утвердить себя и родъ свой на престолѣ: онъ сочинилъ особую молитву о своемъ здравіи, которую заставлялъ всѣхъ подданныхъ непремѣнно произносить во время заздравныхъ чашъ. Борису хотѣлось, чтобы русскіе во что бы то ни стало и какими бы то ни было путями привыкли къ нему и полюбили его. Цѣль мало достигалась. Только духовенство и служилые были дѣйствительно за Бориса; народъ не любилъ его. Законы о прикрѣпленіи къ землѣ и о холопствѣ стали источниками смутъ и беспорядковъ. Крестьяне безпрестанно бѣгали отъ помѣщиковъ; тѣ искали ихъ, преслѣдовали; возникали изъ-за нихъ тяжбы. Законъ о холопствѣ приводилъ ко всевозможнымъ насиліямъ. Не только прослужившіе шесть мѣсяцевъ попадали въ рабство; иногда судья, въ угоду богатому, приговаривалъ къ холопству и такого, который нѣсколько дней прослужилъ у господина, и это дѣлалось на томъ основаніи, что господинъ на него издержался. Призвать мастерового работать въ домъ, а господинъ дома изъявить притязаніе, что онъ его холопъ. Нач-

нется судъ; судья потакаетъ господину, взявши съ него взятку. Иногда зазовутъ человѣка въ гости, обласкаютъ, покормятъ, а потомъ вымучать у него кабалу. Даже дѣтей боярскихъ, — которые имѣли помѣстья и поступали къ боярамъ и къ богатымъ дворянамъ служить въ ратномъ дѣлѣ, — сильные господа, при случаѣ, принужденіемъ обращали въ холоповъ. Хватали иногда прохожихъ по дорогѣ, затаскивали въ домъ и вымогали съ нихъ кабалу муками и насиліями. Богатый на бѣдняка подаетъ иекъ, и бѣдняка присуждаютъ въ рабство богатому. Зато ловкіе пройдохи пользовались обстоятельствами: продадутъ себя въ одномъ домѣ, поживутъ и обокрадутъ хозяина, бѣгутъ въ иной домъ или городъ и тамъ сдѣлаютъ то же, перейдутъ къ третьимъ и т. д. Такимъ образомъ, между господами и холопами была круговая порука: то господинъ обращаетъ насильно свободнаго человѣка въ холопа, то послѣдній, сдѣлавшись добровольно холопомъ, разоряетъ господина.

Но минули льготные годы, возобновились кабаки, пьянство опять сдѣлалось источникомъ казенныхъ доходовъ и причиною народнаго развращенія. И вотъ въ то время, когда Борисъ разсыпалъ свои щедроты, по дорогамъ нападали на проѣзжихъ, разбойничьи шайки умножались и увеличивались, и въ самой Москвѣ стоило выдти ночью съ двора, можно было опасаться, что кто-нибудь свиснетъ кистенемъ въ голову. Каждое утро привозили въ земскій приказъ убитыхъ и ограбленныхъ на улицахъ.

По отношенію къ сосѣдямъ Борисъ держался прежней своей политики: сохранять сколько возможно миръ, хотя при случаѣ не гнушался и коварствомъ. Польско-литовскій посоль Левъ Сапѣга предлагалъ дружески тѣсный оборонительный союзъ Москвы съ Польшею. Но это намѣреніе не состоялось, потому что русскіе ни за что не хотѣли дозволить постройку костеловъ для поляковъ въ своемъ государствѣ. Заключено было только перемиріе на двадцать лѣтъ. Борисъ, вопреки этому перемирію, думалъ исподтишка возбудить ливонецъ противъ поляковъ: онъ хотѣлъ расположить ихъ,

между прочимъ, тѣмъ, что освободилъ всѣхъ бывшихъ въ плѣну ливонцевъ и пораздавалъ имъ помѣстья. Какъ-бы въ досаду Сигизмунду, Борисъ принялъ къ себѣ Густава, изгнаннаго сына Эрика XIV, далъ ему въ удѣлъ Калугу, хотѣлъ женить на своей дочери, а потомъ, разсердившись на него за то, что онъ не хотѣлъ разстаться со своею любовницею, сослалъ его въ Угличъ. Съ Елисаветой Борисъ продолжалъ находиться въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ, но, предоставляя право беспошлинной торговли для англичанъ, сбавилъ, однако, на половину пошлины и съ ганзейскихъ торговцевъ. Папа обращался къ Борису съ просьбою о пропускѣ его пословъ въ Персію, и Борисъ велѣлъ дать имъ суда до Астрахани. Борисъ велъ сношенія съ тосканскимъ герцогомъ и просилъ доставить ему искусныхъ медиковъ и разныхъ художниковъ. Съ крымскимъ ханомъ подтвержденъ былъ мирный договоръ. Только дѣла въ Закавказьѣ шли неудачно. Кахетинскій царь Александръ, поддавшійся Москвѣ, былъ умерщвленъ сыномъ своимъ Константиномъ. Русскіе должны были оставить Кахетію. Турки вытѣснили русскихъ изъ Тарковъ съ большою потерею для послѣднихъ.

Никто изъ прежнихъ московскихъ царей не отличался такою благосклонностью къ иностранцамъ, какъ Борисъ. Онъ пригласилъ въ свою службу ливонскихъ нѣмцевъ, принималъ также къ себѣ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ изъ Германіи, Швеціи, Франціи, составилъ особый отдѣлъ войска изъ иноземцевъ, далъ всѣмъ ливонцамъ, поселеннымъ еще при Грозномъ въ Москвѣ, льготы отъ податей и повинностей, а для нѣкоторыхъ изъ нихъ предоставилъ право беспошлинной торговли, позволилъ построить въ Нѣмецкой слободѣ протестантскую церковь, пригласилъ къ себѣ нѣсколько иностранныхъ врачей и аптекарей, впрочемъ, для собственнаго обихода, запрещая лечить кого бы то ни было иначе, какъ съ царскаго дозволенія. Иностранцы, довольные обхожденіемъ съ ними Бориса, говорятъ, что онъ даже помышлялъ выписывать изъ-за границы ученыхъ людей и заводить въ Москвѣ высшую школу, но духовенство воспротивилось этому. Борисъ огра-

ничился тѣмъ, что отправилъ учиться въ Англію четырехъ русскихъ дворянъ: это были первые русскіе, поѣхавшіе для образованія за-границу; замѣчательно, что никто изъ нихъ не захотѣлъ вернуться домой. Нѣсколько позже Борисъ посылалъ еще нѣсколько молодыхъ людей для той же цѣли въ Австрію и Германію. Эти поступки не даютъ, однако, права видѣть въ Борисѣ какого-то преобразователя и ревнителя народнаго просвѣщенія, какъ нѣкоторые полагали. Борису нужно было нѣсколько образованныхъ людей для своего придворнаго обихода; доказательствомъ служитъ то, что Борисъ запрещалъ своимъ иностраннымъ медикамъ лечить подданныхъ.

Воспитанный при дворѣ Грознаго, самъ будучи человѣкомъ лживымъ и хитрымъ, Борисъ былъ всегда подозрителенъ, недовѣрчивъ и окружалъ себя шпионами, но въ первые годы его царствованія ему не представлялось необходимости преслѣдовать своихъ враговъ, несмотря на то, что у него ихъ было много. Пока Борису ничего не угрожало, онъ казался щедрымъ, добрымъ, снисходительнымъ. Вдругъ, въ концѣ 1600 года, сталъ въ народѣ ходить слухъ, что Димитрій царевичъ не убитъ, а, спасенный друзьями, гдѣ-то проживаетъ до сихъ поръ. Этотъ слухъ дошелъ тогда до служившаго въ Борисовомъ войскѣ француза Маржерета и, слѣдовательно, долженъ былъ дойти и до царскаго двора и до самого Бориса. Съ этихъ поръ нравъ Бориса измѣняется; исчезаетъ мягкосердечіе. У него была одна цѣль—утвердить себя и свой родъ на престолѣ: для этой цѣли онъ былъ нѣкогда жестокимъ гонителемъ Шуйскихъ и всѣхъ своихъ враговъ, истребителемъ Углича; для этой цѣли онъ сдѣлался добродушнымъ и милосерднымъ; для той же цѣли ему опять приходилось сдѣлаться мрачнымъ и свирѣпымъ, потому что кроткія средства, повидимому, не удавались. Изъ слуха о Димитріи онъ понялъ, что у него есть опасные враги, а у этихъ враговъ можетъ быть страшное орудіе. Надобно было, во что бы то ни стало, найти это орудіе, истребить своихъ враговъ, или же приходилось потерять плоды трудовъ всей жизни. Его положеніе

было таково, что онъ не посмѣлъ разглашать, чего онъ ищетъ, что преслѣдуетъ, какого рода измѣны страшится. Заикнуться о Димитріи — значило вызывать на свѣтъ ужасный призракъ. Притомъ Борисъ не могъ быть вполнѣ увѣренъ, что Димитрія точно нѣтъ на свѣтѣ. Оставалось хватать всѣхъ, кого можно было подозрѣвать въ нерасположеніи къ воцарившемуся государю, пытаться, мучить, чтобы случайно напасть на слѣдъ желаемой тайны. Такъ и поступалъ Борисъ.

Онъ напалъ на Богдана Бѣльскаго: этотъ человѣкъ былъ ближе всѣхъ къ Димитрію. Сосланный при воцареніи Ѳедора, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ былъ возвращенъ и велъ себя очень сдержанно. Борисъ всегда считалъ его для себя опаснымъ, а потому удалили изъ Москвы, поручивъ ему строить въ украинныхъ степяхъ городъ Царевъ-Борисовъ. Бѣльскій зажилъ тамъ богато и содержалъ на свой счетъ ратныхъ людей. Когда разнесся слухъ о Димитріи, Борисъ придрался къ Бѣльскому за то, что послѣдній, какъ доносили царю, произнесъ подъ веселый часъ такія неосторожныя слова: «царь Борисъ въ Москвѣ царь, а я въ Царевѣ-Борисовѣ!» Бѣльскаго привезли въ Москву, а потомъ сослали куда-то въ Низовскую землю. Говорятъ даже, что Борисъ приказалъ ему выщипать его черную густую бороду, которою онъ щеголялъ. Съ нимъ вмѣстѣ ссылка постигла и другихъ лицъ.

Слѣдъ Димитрія не былъ отысканъ. Борисъ принялся за бояръ Романовыхъ. Этотъ родъ былъ самый близкій къ прежней династіи; они были двоюродными братьями покойнаго царя Ѳедора. Романовы не были расположены къ Борису. Борисъ могъ подозрѣвать Романовыхъ, когда ему приходилось отыскивать тайныхъ враговъ. По извѣстіямъ лѣтописей, Борисъ придрался къ Романовымъ по поводу доноса изъ ихъ холопей, будто Романовы посредствомъ кореньевъ хотятъ извести царя и добыть «вѣдовствомъ» (колдовствомъ) царство. Четырехъ братьевъ Романовыхъ, Александра, Василя, Ивана и Михаила, разослали по отдаленнымъ мѣстамъ въ тяжелое заключеніе, а пятого, Ѳедора, который, какъ кажется, былъ умнѣе всѣхъ ихъ, на-

сильно постригли подъ именемъ Филарета въ монастырѣ Антонія Сійскаго. Затѣмъ сослали ихъ свойственниковъ и пріятелей: Черкаскаго, Сицкаго, Репниныхъ, Карповыхъ, Шестуновыхъ, Пушкиныхъ и другихъ. Ссылка постигла даже дьяка Василя Щелкалова, несмотря на прежнюю къ нему милость и дружбу Бориса съ его братомъ Андреемъ. Помѣстья и вотчины сосланныхъ отбирались въ казну, имущество продавалось, доносчики получали награды. Шпіонство развилось до крайнихъ предѣловъ. — По московскимъ улицамъ, — говорятъ современники, — «то-и-дѣло сновали мерзавцы да подслушивали», и чуть только кто заведетъ рѣчь о царѣ, о государственныхъ дѣлахъ, сейчасъ говоруновъ хватаютъ и въ пытку... Гдѣ только люди соберутся, тамъ являются соглядатаи и доносчики. Все пустилось на доносы, потому что это было выгодно. Доносили другъ на друга: попы, дьяконы, чернецы, черницы, жены на мужей, отцы на дѣтей; бояре и боярыни доносили одни на другихъ, первые царю, вторыя царицѣ. У холоповъ вошло въ обычай составлять на господъ доносы, и чуть извѣтъ казался правдоподобнымъ, господъ поражала опала, а холопамъ давали свободу, записывали въ число служилыхъ, надѣляли помѣстьями. Случалось и напротивъ, что холопы стояли за своихъ опальныхъ господъ и хотѣли оправдать ихъ: такихъ холоповъ предавали пыткамъ, и если они не выдерживали горячихъ угольевъ и кнута и путались въ показаніяхъ, то имъ рѣзали языки. Вообще достаточно было одного обвиненія въ недоброжелательствѣ государю, подозрѣваемыхъ тотчасъ подвергали пыткамъ, и если они подъ пыткою оказывались сколько нибудь виновны, ихъ заключали въ темницы или отправляли въ ссылку. Обыкновенно обвиняли опальныхъ въ вѣдствѣ. Борисъ упорно скрывалъ то, чего онъ дѣйствительно искалъ, но высказывалъ другого рода страхъ, чтобы его и семью его не испортили чарами, наговорами, зельями. Донесли Борису, что уже въ Польшѣ поговариваютъ, будто законный наслѣдникъ прежнихъ государей московскихъ живъ. Борисъ, не упоминая имени Димитрія, приказалъ поставить на западной

границѣ караулы, всѣхъ задерживать и доносить ему. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Трудно было переѣзжать изъ города въ городъ. Всѣ знали, что ищутъ какихъ-то важныхъ преступниковъ, но никому не объявляли, кого ищутъ. По всему Московскому Государству было схвачено и перемучено множество невинныхъ людей, а того, кого нужно было Борису, не находили.

Въ эти тяжелыя времена доносовъ и пытокъ постигъ Русь страшный голодъ; довершившій подготовку къ потрясеніямъ. Уже въ 1601 году, отъ дождливаго лѣта и отъ раннихъ морозовъ, произошелъ во многихъ мѣстахъ неурожай; зимою въ Москвѣ цѣна хлѣба дошла до пяти рублей за четверть. Въ слѣдующемъ 1602 году была такой же неурожай. Тогда постигла Московское Государство такая бѣда, какой, говорятъ современники, не помнили ни дѣды, ни прадѣды. Въ одной Москвѣ, куда стекались со всѣхъ сторонъ толпы нищихъ, погибали десятки тысячъ, если вѣрить русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ. Бѣдняки ѣли собакъ, кошекъ, мышей, сѣно, солому и даже, въ припадкѣ бѣшенства, съ голоду пожирали другъ друга. Вареное человѣчье мясо продавалось на московскихъ рынкахъ. Дорожному человѣку опасно было заѣхать на постоянный дворъ, потому что его могли зарѣзать и съѣсть. Тѣмъ не менѣе, современники свидѣтельствуютъ, что въ то время не было на Руси недостатка въ хлѣбѣ. Въ окрестностяхъ Курска и въ Сѣверской землѣ урожая были очень хороши. Около Владиміра-на-Клязьмѣ и въ разныхъ уѣздахъ украинскихъ городовъ стояли полныя одонья немолоченнаго хлѣба прошлыхъ годовъ. Но мало было людей, готовыхъ жертвовать личными выгодами для общаго дѣла. Напротивъ, большая часть старалась извлечь себѣ корысть изъ общаго бѣдствія. Нерѣдко важиточный крестьянинъ выгонялъ на голодную смерть свою челядь и близкихъ сродниковъ, а запасы продавалъ дорогою цѣною. Иной мужикъ-скряга боялся везти свое зерно на продажу, чтобы у него по дорогѣ не отняли голодные, и зарывалъ его въ землю, гдѣ оно гнивало безъ пользы. Другому удавалось продать

хлѣбъ и взять огромные барыши, но потомъ онъ трясся надъ деньгами отъ страха, чтобы на него не напали. Московскіе торговцы заранѣе накупили множество хлѣба и держали подъ замками въ своихъ лабазахъ, рассчитывая продать тогда, когда цѣны поднимутся до-нельзя. Борисъ преслѣдовалъ ихъ, велѣлъ отбирать у нихъ хлѣбъ и отдавать бѣднякамъ, а хозяевамъ выплачивалъ по умѣреннымъ цѣнамъ. Но посланные сговаривались съ хлѣбопродавцами, иногда не показывали найденнаго у нихъ хлѣба, а иногда хлѣбопродавцы отдавали на продажу по установленной тогда цѣнѣ гнилой хлѣбъ. Самъ Борисъ приказалъ отворить всѣ свои житницы, продавать хлѣбъ дешевле ходячей цѣны, а бѣднымъ раздавать деньги. Но въ Московской землѣ, по замѣчанію современниковъ, должностныя лица оказались плутами: они раздавали царскія деньги своей роднѣ, пріятелямъ и тѣмъ, которые дѣлились съ ними барышами. Ихъ сообщники, одѣвшіеся въ лохмотья, приходили заурядъ съ нищими и получали деньги, а настоящихъ нищихъ разгоняли палками. Раздача милостыни продолжалась съ мѣсяць, потомъ Борисъ рассудилъ, что она только обогащаетъ плутовъ, накопляетъ голодный народъ въ столицѣ: можетъ явиться зараза; притомъ подозрительный царь боялся большого стеченія народа, чтобъ не произошло бунта. Онъ запретилъ раздачу. Это было въ такое время, когда вѣсть о щедрости царя распространилась по отдаленнымъ областямъ, и въ Москву шли отовсюду толпы народа за пропитаніемъ: вдругъ разразилось надъ ними прекращеніе раздачи милостыни. Многіе погибали на дорогахъ: голодные ихъ собратія терзали ихъ трупы наравнѣ съ волками и собаками. Борисъ, однако, не оставилъ народа совершенно безъ вниманія, но, вмѣсто раздачи милостыни въ Москвѣ, посылалъ чиновниковъ забирать немолоченный и молоченный хлѣбъ у землевладѣльцевъ въ разныхъ мѣстахъ, покупать его по установленной правительствомъ цѣнѣ и доставлять въ мѣста, гдѣ былъ голодь. Но посланныя отъ царя лица брали съ землевладѣльцевъ взятки и не показывали, что у нихъ сохраняется хлѣбъ. Притомъ же и доставка хлѣба съ

одного мѣста въ другое была затруднительна, потому что голодъ разогналъ ямщиковъ, трудно было доставать подводы и лошадей.

Современники говорятъ, будто въ эти ужасные годы въ одной Москвѣ погибло до 127,000 человекъ, погребенныхъ въ убогихъ домахъ (такъ назывались общія кладбища для бѣдныхъ и также для найденныхъ убитыми), не считая тѣхъ, которые были погребены у церквей.

Борись, однако, не хотѣлъ, чтобы вѣсть о такомъ печальномъ положеніи народа въ его государствѣ дошла за границу, и воображалъ, что можно утаить его. Поэтому, когда, по окончаніи голода, въ Москву пріѣхали иноземные послы, то Борись приказалъ всѣмъ наряжаться въ цвѣтныя платья, а бѣднякамъ запрещено было въ своихъ лохмотьяхъ являться на дорогу. Смертная казнь обѣщана была тому, кто станетъ рассказывать пріѣзжимъ иноземцамъ о бѣдствіяхъ Московскаго Государства. Между тѣмъ, въ это время самъ царь Борись перенесъ семейную невзгону. Послѣ удаленія Густава, принца шведскаго, въ Угличъ, Борись сталъ пріискивать другого жениха своей дочери между иностранными принцами, и вотъ, братъ короля датскаго Іоаннъ, въ августѣ 1602 года, очень понравился Борису, но въ октябрѣ того же года умеръ отъ горячки. Борись и вся семья его тосковала по немъ, а въ народѣ сталъ носиться слухъ, будто самъ Борись отравилъ его изъ боязни, чтобы москвичи, полюбивши зятя Борисова, не избрали его царемъ вмѣсто Борисова сына. Русскіе готовы были тогда всякое злодѣяніе приписать своему царю; ненависть къ нему возрастала. Никто не любилъ его, дорожили имъ только тѣ, которыхъ соединяла съ нимъ личная выгода, а главное — шпіоны, которымъ онъ платилъ за ихъ гнусное ремесло. Возникло въ народѣ убѣжденіе, что царствование Бориса не благословляется небомъ, потому что, достигнутое беззаконіемъ, оно поддерживается неправдою; толковали, что если утвердится на престолѣ родъ Бориса, то не принесетъ Русской землѣ счастья. Люди родовитые оскорблялись и тѣмъ, что на царскомъ престолѣ сѣлъ потомокъ татарина. Становилось желательно, чтобы

нашелся такой, который имѣлъ бы въ глазахъ народа гораздо болѣе правъ передъ Борисомъ. Такимъ лицомъ былъ именно Димитрій, сынъ прежняго государя. Мысль о томъ, что онъ живъ и скоро явится отнимать у Бориса похищенный престолъ, все болѣе распространялась въ народѣ, а суровыя преслѣдованія со стороны Бориса скорѣе поддерживали ее, чѣмъ искореняли. И вотъ, въ началѣ 1604 года, перехвачено было письмо, писанное однимъ иноземцемъ изъ Нарвы: въ этомъ письмѣ было сказано, что явился сынъ московскаго царя Ивана Васильевича, Димитрій, находится будто-бы у казаковъ, и Московскую землю скоро постигнетъ большое потрясеніе. Вслѣдъ затѣмъ пришли въ Москву люди, взятые въ плѣнъ казаками подъ Саратовомъ и отпущенные на родину; они принесли вѣсть, что казаки грозятъ скоро придти въ Москву съ царемъ Димитріемъ Ивановичемъ.

Народъ ожидалъ чего-то необычайнаго. Давно носились рассказы о разныхъ видѣніяхъ и предзнаменованіяхъ. Ужасныя бури вырывали съ корнемъ деревья, опрокидывали колокольни. Тамъ не ловилась рыба, тамъ не видно было птицъ. Женщины и домашнія животныя производили на свѣтъ уродовъ. Въ Москву забѣгали волки и лисицы; инымъ на небѣ стали видѣться по два солнца и по два мѣсяца. Наконецъ, лѣтомъ 1604 года явилась комета, и астрологъ-нѣмецъ предостерегалъ Бориса, что ему грозятъ важныя перемѣны.

Царь Борисъ, услышавши, что въ Польшѣ явился какой-то человекъ, выдававшій себя за Димитрія, началъ съ того, что подъ предлогомъ, что въ Литвѣ свирѣпствуетъ какое-то повѣтріе, велѣлъ учредить на литовской границѣ крѣпкія заставы и не пропускать никого ни изъ Литвы, ни въ Литву, а внутри государства умножилъ шпионовъ, которые всюду прислушивались: не говорилъ ли кто о Димитріи, не ругаетъ ли кто Бориса. Обвиненнымъ рѣзали языки, сажали ихъ на колья, жгли на медленномъ огнѣ или, по одному подозрѣнію, засылали въ Сибирь, гдѣ предавали тюремному заключенію. Борисъ становился недоступнымъ, не показывался народу. Просителей отгоняли пинками

и толчками отъ дворцоваго крыльца, а начальныя люди, зная, что до царя на нихъ не дойдутъ жалобы, безнаказанно совершали разныя насильства и увеличивали вражду народа къ существующему правительству. Между тѣмъ въ Москву давали знать, что въ польской Украинѣ подъ знаменемъ Димитрія собирается ополченіе и со дня на день нужно ждать вторженія въ московскіе предѣлы, а въ іюлѣ посланникъ нѣмецкаго императора сообщилъ отъ имени своего государя, по сосѣдской дружбѣ, что въ Польшѣ проявился Димитрій и надобно принимать противъ него мѣры. Борисъ отвѣчалъ цесарскому посланнику, что Димитрія нѣтъ на свѣтѣ, а въ Польшѣ явился какой-то обманщикъ и царь его не боится. Однако, посовѣтовавшись съ патріархомъ, царь находилъ, что нужно же объяснить, и самимъ себѣ, и народу, кто такой этотъ обманщикъ. Стали думать и придумали, что это должно быть бѣжавшій въ 1602 году Григорій Отрепьевъ. Онъ былъ родомъ изъ галицкихъ дѣтей боярскихъ, постригся въ Чудовомъ монастырѣ и былъ крестовымъ дякомъ (секретаремъ) у патріарха Іова. Стали распространять исподволь въ народѣ слухъ, что явившійся въ Польшѣ обманщикъ не кто иной, какъ бѣглый Григорій Отрепьевъ, но не рѣшались еще огласить объ этомъ во всеуслышаніе. Въ сентябрѣ послали въ Польшу гонцомъ дядю Григорія, Смирнаго-Отрепьева, и распространили въ народѣ слухъ, что его посылаютъ для обличенія племянника, но на самомъ дѣлѣ послали его съ грамотою о пограничныхъ недоразумѣніяхъ и не дали никакого порученія о томъ человѣкѣ, который назывался Димитріемъ. Царь Борисъ, вѣроятно, рассчитывалъ, что лучше помедлить съ рѣшительнымъ заявленіемъ объ Отрепьевѣ, такъ какъ самъ не былъ увѣренъ въ его тождествѣ съ названнымъ Димитріемъ. Онъ приказалъ привести мать Димитрія и тайно допрашивалъ ее: живъ ли ея сынъ или нѣтъ? «Я не знаю», отвѣтила Марѳа. Тогда царица, жена Бориса, пришла въ такую ярость, что швырнула Марѳѣ горящую свѣчу въ лицо. «Миѣ говорили, — сказала Марѳа, — что сына моего тайно увезли безъ моего вѣдома, а тѣ, что такъ говорили, уже умерли». Разсерженный

Борисъ велѣлъ ее отвезти въ заключеніе и содержать съ большою строгостію, — такъ повѣствуетъ жившій въ то время въ Москвѣ голландецъ. Между тѣмъ, 16-го октября названный Димитрій съ толпою поляковъ и казаковъ вступилъ въ Московское Государство. Города сдавались ему одинъ за другимъ. Служилые люди переходили къ нему на службу. Въ ноябрѣ онъ осадилъ Новгородъ-Сѣверскъ, но былъ отбитъ посланнымъ туда царскимъ воеводою Басмановымъ. Послѣ того царь выслалъ противъ Димитрія войско подъ главнымъ начальствомъ Ѳедора Мстиславскаго. Это войско 20-го декабря потерпѣло неудачу. Долѣе скрываться передъ народомъ было невозможно. Послушный Борису, патріархъ Іовъ взялся объяснить Русской землѣ запутанное дѣло. Первопрестольникъ русской церкви, покрывая благоразумнымъ молчаніемъ вопросъ о томъ, какъ не стало Димитрія, увѣрялъ въ своей грамотѣ народъ, что называющій себя царевичемъ Димитріемъ есть бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ; патріархъ ссылался на свидѣтельство трехъ бродягъ: чернеца Пимена, какого-то Венедикта и ярославскаго посадскаго человѣка иконника Степана; первый провожалъ Отрепьева вмѣстѣ съ товарищами Варлаамомъ и Мисаиломъ въ Литву; послѣдніе два видѣли его въ Кіевѣ и знаютъ, что Гришка потомъ назвался царевичемъ. Патріархъ извѣщалъ, что онъ съ освященнымъ соборомъ проклялъ Гришку и всѣхъ его соучастниковъ, повелѣвалъ во всѣхъ церквахъ предавать анаемѣ его и съ нимъ всѣхъ тѣхъ, кто станетъ называть его Димитріемъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ февралѣ 1605 года, изъ Москвы отправили въ Польшу гонца Постника Огарева уже съ явнымъ требованіемъ выдачи «вора». Борисъ заявлялъ королю и всей Польшѣ, что называющій себя Димитріемъ есть не кто другой, какъ Гришка Отрепьевъ. На сеймѣ въ то время Янъ Замоискій сильно осуждалъ Мнишка и Вишневецкихъ, подавшихъ помощь претенденту, говорилъ, что со стороны короля поддерживать его и изъза него нарушать миръ съ московскимъ государемъ безчестно, доказывалъ, что называющему себя Димитріемъ вѣрить не слѣдуетъ. «Этотъ Димитрій называетъ себя

сыномъ царя Ивана», говорилъ Замоискій. «Объ этомъ сынѣ у насъ былъ слухъ, что его умертвили. Онъ же говоритъ, что на мѣсто его умертвили другого. Помилуйте, что это за Плавтова или Теренцева комедія? Возможное ли дѣло: приказали убить кого-то, да притомъ наслѣдника, и не посмотрѣли, кого убили! Такъ можно зарѣзать только козла или барана! Да если бы пришлось возводить кого-нибудь на московскій престоль, то и кромѣ Димитрія есть законные наслѣдники — домъ Владимірскихъ князей: право наслѣдства приходится на домъ Шуйскихъ. Это видно изъ русскихъ лѣтописей». Большинство пановъ также не расположено было поддерживать Димитрія, но такъ какъ его уже не было въ Польшѣ, то царскій гонецъ получилъ такой отвѣтъ, что этого человѣка легче всего достать въ Московскомъ Государствѣ, чѣмъ въ польскихъ владѣніяхъ.

Ни патріаршая грамота, ни обрядъ проклятія не расположили къ Борису народнаго сердца. Московскіе люди считали всѣ увѣренія патріарха ложью. «Борись, — говорили они, — поневолѣ долженъ дѣлать такъ, какъ дѣлаетъ, а то, вѣдь, ему придется не только отъ царства отступить, но и жизнь потерять». Насчетъ проклятія говорили: «Пусть, пусть проклинають Гришку! Отъ этого царевичу ничего не станется. Царевичъ — Димитрій, а не Грипка». Борисовы шпіоны продолжали подслушивать рѣчи и не проходило дня, чтобы въ Москвѣ не мучили людей кнутомъ, желѣзомъ и огнемъ.

21-го января 1605 года Борисово войско подъ начальствомъ Мстилавскаго и Шуйскаго одержало верхъ надъ Димитріемъ, и самъ Димитрій ушелъ въ Путивль. Борисъ былъ очень доволенъ, щедро наградилъ своихъ воеводъ, особенно ласкалъ Басманова за его упорную защиту Новгородъ-Сѣверска; но народъ, услышавши о неудачѣ названнаго Димитрія, пришелъ въ уныніе. Борисъ вскорѣ понялъ, что сила его врага заключается не въ той военной силѣ, съ которою этотъ врагъ вступилъ въ государство, а въ готовности и народа, и войска въ Московскомъ Государствѣ перейти при пер-

вомъ случаѣ на его сторону, такъ какъ всѣ легко поддавались увѣренности, что онъ настоящій царевичъ. Когда Димитрій оставался въ Путивлѣ, украинные города Московскаго Государства одинъ за другимъ признавали его, а въ Путивль со всѣхъ сторонъ приходили русскіе бить челомъ своему прирожденному государю. Имя Гришки Отрепьева возбуждало одинъ смѣхъ. Самъ Борисъ не могъ поручиться, что врагъ его — обманщикъ. Борисъ, обласкавши Басманова, увѣрялъ его, что названный Димитрій обманщикъ и сулилъ ему золотыя горы, если онъ достанетъ злодѣя. Говорятъ, Борисъ даже обѣщаль выдать за Басманова дочь свою и дать за нею въ приданое цѣлыя области. Басмановъ сказалъ объ этомъ родственнику Бориса, Семену Никитичу Годунову, а тотъ изъ зависти, что Борисъ слишкомъ возвышаетъ Басманова, выразилъ ему сомнѣніе: не въ самомъ ли дѣлѣ этотъ Димитрій настоящій царевичъ? Слова эти запали въ сердце Басманова; несмотря на всѣ увѣренія Бориса, онъ сталъ склоняться къ мысли, что соперникъ Бориса дѣйствительно Димитрій и рано или поздно возьметъ верхъ надъ Борисомъ. Басмановъ не вѣрилъ ни увѣреніямъ, ни обѣщаніямъ Бориса: онъ зналъ, что этотъ лживый человѣкъ способенъ давать обѣщанія, а потомъ не сдержитъ ихъ.

Борисъ былъ въ страшномъ томленіи, обращался къ ворожеямъ, предсказателямъ, выслушивалъ отъ нихъ двусмысленныя прорицанія, заперался и поцѣлымъ днямъ сидѣлъ одинъ, а сына посылалъ молиться по церквамъ. Казни и пытки не прекращались. Борисъ уже въ близкихъ себѣ лицахъ подозрѣвалъ измѣну и не надѣялся сладить съ соперникомъ военными силами; онъ рѣшилъ попытаться тайнымъ убійствомъ избавиться отъ своего злодѣя. Попытка не удалась. Монахи, которыхъ въ мартѣ подговорилъ Борисъ ѣхать въ Путивль отравить названнаго Димитрія, попались съ ядомъ въ руки послѣдняго. Неизвѣстно, дошла ли до Бориса объ этомъ вѣсть, но вскорѣ ему пришелъ конецъ.

13-го апрѣля, въ недѣлю Мурносоиць, царь всталъ здоровымъ и казался веселѣе обыкновеннаго. Послѣ

обѣдни приготовленъ былъ праздничный столъ въ Золотой палатѣ. Борисъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и переполнилъ себѣ желудокъ. Послѣ обѣда онъ пошелъ на вышку, съ которой часто обозрѣвалъ всю Москву. Но вскорѣ онъ послѣшно сошелъ оттуда, говорилъ, что чувствуетъ колотье и дурноту. Побѣжали за докторомъ; пока успѣлъ придти докторъ, царю стало хуже. У него выступила кровь изъ ушей и носа. Царь упалъ безъ чувствъ. Прибѣжалъ патріархъ, за нимъ явилось духовенство. Кое-какъ успѣли причастить царя св. Тайнъ, а потомъ совершили на-скоро надъ полумертвымъ постриженіе въ схиму и нарекли Боголѣпомъ. Около трехъ часовъ пополудни Борисъ скончался. Цѣлый день боялись объявить народу о смерти царя, огласили только на другой день и начали посылать народъ въ Кремль цѣловать крестъ на вѣрность царицѣ Маріи и сыну ея Ѳеодору. Патріархъ объявилъ, что Борисъ завѣщалъ имъ престолъ свой. Тотчасъ пошли рассказы, что Борисъ на вышкѣ самъ себя отравилъ ядомъ въ припадкѣ отчаянія. Этотъ слухъ распустили нѣмцы, доктора Бориса. На слѣдующій день останки его были погребены въ Архангельскомъ соборѣ между прочими властителями Московскаго Государства.

Новый царь былъ шестнадцатилѣтній юноша, полный тѣломъ, бѣлъ, румянь, черноглазъ и, какъ говорятъ современники, «изученъ всякаго философскаго естествословія». Ему присягнули въ Москвѣ безъ ропота, но тутъ же говорили: «Не долго царствовать Борисовымъ дѣтямъ! Вотъ Димитрій Ивановичъ придетъ въ Москву».

17-го апрѣля отправился къ войску, назначенный главнымъ предводителемъ его Петръ Ѳеодоровичъ Басмановъ съ княземъ Катыревымъ-Ростовскимъ. Мстиславскаго и Шуйскаго отозвали въ Москву. Басманову оказывали больше вѣхъ довѣрія. Но этотъ человекъ уже давно поколебался. Надобно было приводить къ присягѣ войско. Для этого пріѣхалъ новгородскій митрополитъ Исидоръ съ духовенствомъ. Созвали войско произносить присягу сыну Бориса. Вдругъ поднялся шумъ. Рязанскіе дворяне Ляпуновы первые закричали,

что «знають одного законнаго государя Димитрія Ивановича». Съ ними за-одно были все рязанцы; къ нимъ пристали служилые люди всехъ украинныхъ городовъ: наконецъ, имя Димитрія Ивановича заглушило имя Ѳедора, и митрополитъ Исидоръ со своимъ духовенствомъ обратился всепять. Басмановъ написалъ повинное письмо Димитрію и послалъ съ гонцомъ, а самъ собралъ воеводъ, братьевъ Голицыныхъ, Василю и Ивана, и Михаила Глѣбовича Салтыкова и объявилъ имъ, что признаетъ Димитрія настоящимъ государемъ: «Все государство русское приложится къ Димитрію, — говорилъ онъ, — и мы всетаки по-неволѣ покоримся ему и тогда будемъ у него послѣдними; такъ лучше покоримся ему, пока время, по доброй волѣ и будемъ у него въ чести». Съ нимъ согласились и Голицыны, и Салтыковъ; но зазорно казалось нѣкоторымъ изъ предводителей самимъ объявить объ этомъ войску. Василій Голицынъ сказалъ Басманову: «я присягалъ Борису сыну, советъ зазреть переходить по доброй волѣ къ Димитрію Ивановичу; а вы меня свяжите и ведите, какъ будто неволею». 7-го мая Басмановъ собралъ вторично войско и объявилъ, что признаетъ Димитрія законнымъ наслѣдникомъ государей Русской земли. Священники начали приводить къ присягѣ на имя Димитрія Ивановича. Нѣкоторые стали упрямиться и ихъ прогнали. Товарищъ Басманова Катыревъ-Ростовскій и князь Андрей Телятевскій убѣждали въ Москву.

Въ Москву пришло извѣстіе о переходѣ войска на сторону Димитрія. Нѣсколько дней въ столицѣ господствовала глубокая тишина. На иностранцевъ навела она страхъ: они поняли, что это затишье подобно тому, какое бываетъ въ природѣ передъ сильной бурей. Годуновы сидѣли въ кремлевскихъ палатахъ и, по извѣстамъ доносчиковъ, которыхъ подкупали деньгами, приказывали ловить и мучить распространителей Димитріевыхъ грамотъ.

30-го мая въ Москвѣ начался шумъ, суетня. Народъ валилъ на улицы. Два какихъ-то молодца говорили, что видѣли за Серпуховскими воротами большую пыль.

Разнеслась вѣсть, что идетъ Димитрій. Москвичи спѣшили покупать хлѣбъ-соль, чтобы встрѣчать законнаго государя. Годуновы пришли въ ужасъ, выслали изъ Кремля бояръ узнать: что это значить? Народъ молчалъ. Но Димитрія не было. Обманъ открылся. Народъ сталъ расходиться. Многіе еще стояли толпой на Красной площади; какой-то бояринъ началъ имъ говорить нравоученіе и хвалить царя Ѳедора. Народъ молчалъ.

На другой день, 31-го мая, по приказанію Годуновыхъ стали ввозить на кремлевскія стѣны пушки; народъ глядѣлъ на это съ кривляньями и насмѣшками.

1-го іюня дворяне Плещеевъ и Пушкинъ привезли Димитріеву грамоту и остановились въ Красномъ селѣ. Народъ, узнавши объ этомъ, подхватилъ гонцовъ и повезъ на Красную площадь. Ударилъ въ колокола. Посланцевъ поставили на Лобномъ мѣстѣ. На Красной площади сдѣлалась такая давка, что невозможно было протѣсниться. Вышли-было изъ Кремля думные люди и закричали: «Что это за сборище, берите воровскихъ посланцевъ, ведите въ Кремль!»

Народъ отвѣчалъ неистовыми криками и приказывалъ читать грамоту. Димитрій извѣщалъ о своемъ спасеніи, прощалъ московскимъ людямъ, что они по незнанію присягали Годуновымъ, припоминалъ всякія утѣшенія и насилія, причиненныя народу Борисомъ Годуновымъ, обѣщалъ всемъ льготы и милости и приглашалъ прислать къ нему посольство съ челобитьемъ.

Въ толпѣ поднялось сильное смятеніе. Одни кричали: «Буди здравъ, царь Димитрій Ивановичъ!» Другіе говорили: «Да точно ли это Димитрій Ивановичъ? Можетъ быть, это не настоящій». Наконецъ раздался голоса: «Шуйскаго! Шуйскаго! Онъ розыскивалъ, когда царевича не стало. Пусть скажетъ по-правдѣ: точно ли похоронили царевича въ Угличѣ?». Шуйскаго взвели на лобное мѣсто. Сдѣлалась тишина. Шуйскій громко сказалъ: «Борисъ послалъ убить Димитрія; но царевича спасли; вмѣсто него погребенъ поповъ сынъ».

Народъ закричалъ: «всехъ ихъ искоренить! Нечего жалѣть ихъ, когда Борисъ не жалѣлъ законнаго на-

слѣдника! Господь намъ свѣтъ показалъ. Мы доселева во тьмѣ сидѣли. Буди здравъ, Димитрій Ивановичь!»

Толпа безъ удержу бросилась въ Кремль. Защищать Годуновыхъ было некому. Стрѣльцы, стоявшіе на караулѣ во дворцѣ, отступились отъ нихъ. Фѣдоръ Борисовичъ бѣжалъ въ Грановитую палату и сѣлъ на престолъ. Мать и дочь стали подлѣ него съ образами. Но ворвался народъ; царя стащили съ престола. Мать униженно плакала и просила не предавать смерти ея дѣтей. Годуновыхъ отвезли на водовозныхъ клячахъ въ прежній Борисовъ домъ и приставили къ нимъ стражу. Тогда схватили и посадили въ тюрьму всѣхъ родственниковъ и сторонниковъ Годуновыхъ, опустошили ихъ дома, ограбили также нѣмецкихъ докторовъ и перепились до безчувствія такъ, что многіе тутъ же лишились жизни.

Отъ Москвы поѣхали къ Димитрію выбранные люди: князь Иванъ Михайловичъ Воротынский и Андрей Телятевскій съ повинною грамотою, въ которой приглашали законнаго царя на престолъ. Грамота была написана отъ лица всѣхъ сословій, а впереди всѣхъ поставлено было имя патріарха Іова. Невозможно рѣшить: въ какой степени участвовалъ въ этомъ Іовъ; но, по сверженіи Годуновыхъ, патріархъ не удалялся и священнодѣйствовалъ.

10-го іюня пріѣхали въ Москву князь Василій Голицынъ и князь Рубецъ-Масальскій съ приказаніемъ устранить Годуновыхъ и свести съ престола патріарха Іова. Патріарха на простой телѣжкѣ отвезли въ Старицкій-Богородицкій монастырь. Всѣхъ свойственниковъ Годуновыхъ отправили въ ссылку по разнымъ городамъ. Говорятъ, что такимъ образомъ сослано было тогда 24 семейства. Наконецъ, Голицынъ и Рубецъ-Масальскій поручили дворянамъ Михайлѣ Молчанову и Шеферединову раздѣлаться съ семействомъ Бориса. Посланные взяли съ собою троихъ дюжихъ стрѣльцовъ, вошли въ домъ и развели Годуновыхъ по разнымъ комнатамъ. Вдову Бориса удавили веревкой. Молодой Годуновъ, сильный отъ природы, сталь-было защищаться, но его ударили дубиной, а потомъ уда-

вили. Царевна Ксенія лишилась чувствъ и оставлена была живою на безотрадную жизнь.

Голицынъ и Масальскій объявили народу, что Борисова вдова и сынъ отравили себя ядомъ. Тѣла ихъ были выставлены напоказъ. Въ заключеніе вынули изъ Архангельскаго собора гробъ Бориса и зарыли въ убогомъ монастырѣ Варсонофьевскомъ (между Срѣтенкой и Рождественкой). Тамъ же похоронили рядомъ съ нимъ жену и сына безъ всякихъ обрядовъ, какъ самоубійць. Мы не знаемъ, дѣйствительно ли названный Димитрій приказалъ совершить это убійство, или же бояре безъ его приказанія постарались услужить новому царю и сказали ему, что Годуновы сами лишили себя жизни, а онъ, хотя и понималъ, какъ все сдѣлалось, но показывалъ видъ, что вѣритъ ихъ разсказамъ о самоубійствѣ Годуновыхъ.

Названный Димитрій.

Первое появленіе личности, игравшей такую важную роль подъ именемъ царя Димитрія, и оставшейся въ нашей исторіи съ именемъ перваго Самозванца, остается до сихъ поръ темнымъ. Есть много разнорѣчивыхъ свѣдѣній въ источникахъ того времени, но нельзя остановиться ни на одномъ изъ нихъ съ полною увѣренностью. Необходимо имѣть въ виду то обстоятельство, что передъ тѣмъ въ польской Украинѣ казаки, вмѣстѣ съ польскими удалцами, помогали уже нѣсколькимъ самозванцамъ, стремившимся овладѣть молдавскимъ престоломъ. Такъ, въ 1561 году нѣкто грекъ Василидъ съ острова Крита, выдававшій себя за племянника Самоскаго герцога Гераклида, съ помощью украинской вольницы изгналъ изъ Молдавіи тирана Александра, овладѣлъ молдавскимъ престоломъ, два года былъ признаваемъ за того, за кого себя выдавалъ, и погибъ отъ возмущенія, вспыхнувшаго впоследствии за то, что онъ хотѣлъ вводить въ Молдавіи европейскіе обычаи и жениться на дочери одного польскаго пана, ревностнаго протестанта, что для молдаванъ казалось оскорбленіемъ религіи. Въ 1574 году казаки помогали другому самозванцу Ивоніи, который назвался сыномъ молдавскаго господаря Стефана VII; а въ 1577 году тѣ же казаки выставили третьяго самозванца Подкову, называвшагося братомъ Ивоніи. Оба эти самозванца имѣли успѣхъ, но только на короткое время; въ 1591 году у казаковъ явился четвертый самозванецъ, котораго они, однако, сами выдали полякамъ. Въ самомъ концѣ XVI вѣка казаки стекались подъ знамена одного

сербскаго искателя приключеній Михаила, овладѣвшаго Молдавией. Украинскіе удалцы постоянно искали личности, около которой могли собраться; давать пріютъ самозванцамъ и вообще помогать смѣлымъ искателямъ приключеній у казаковъ сдѣлалось какъ-бы обычаемъ. Король Сигизмундъ III, для обузданія казацкихъ своевольствъ, наложилъ на казаковъ обязательство не принимать къ себѣ разныхъ «господарчиковъ». Когда въ Московской землѣ сталъ ходить слухъ, что царевичъ Димитрій живъ и этотъ слухъ дошелъ въ Украину, ничего не могло быть естественнѣе, какъ явиться такому Димитрію. Представился удобный случай перенести въ Московскую землю украинское своевольство подъ тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ оно привыкло разгуливать по Молдавской землѣ.

Современныя извѣстія рассказываютъ, что молодой человѣкъ, назвавшійся впоследствии Димитріемъ, явился сначала въ Кіевѣ, въ монашеской одеждѣ, а потомъ жилъ и учился въ Гошѣ, на Волыни. Были тогда два пана, Гавріиль и Романъ Гойскіе (отецъ и сынъ), ревностные послѣдователи такъ называемой Аріанской секты, которой основанія состояли въ слѣдующемъ: признаніе единого Бога, но не Троицы, признаніе Иисуса Христа не Богомъ, а боговдохновеннымъ человѣкомъ, иносказательное пониманіе христіанскихъ догматовъ и таинствъ и вообще стремленіе поставить свободное мышленіе выше обязательной вѣры въ невидимое и непостижимое. Гойскіе завели двѣ школы съ цѣлью распространенія аріанскаго ученія. Здѣсь молодой человѣкъ успѣлъ кое-чему поучиться и хвататься верховъ польскаго либеральнаго воспитанія; пребываніе въ этой школѣ свободомыслія наложило на него печать того религіознаго индифферентизма, который не могли стереть съ него даже іезуиты. Отсюда въ 1603 и 1604 годахъ этотъ молодой человѣкъ поступилъ въ «оршакъ» (придворная челядь) князя Адама Вишневецкаго, объявилъ о себѣ, что онъ царевичъ Димитрій, пріѣхалъ потомъ къ брату Адама, князю Константину Вишневецкому, который привезъ его къ тестю своему Юрію Мнишку, воеводѣ сендомирскому, гдѣ молодой человѣкъ страстно

влюбился въ одну изъ дочерей его, Марину¹⁾. Этотъ панъ, сенаторъ Ръчи-Посполитой²⁾, подвергся самой дурной репутаціи въ своемъ отечествѣ, хотя былъ силенъ и вліятеленъ по своимъ связямъ. Въ молодости, вмѣстѣ со своимъ братомъ, онъ былъ близокъ къ королю Сигизмунду-Августу и, пользуясь умственнымъ ослабленіемъ короля, доводившимъ его до ребячества, оказывалъ ему предосудительныя услуги доставленіемъ любовницъ и колдуній; а въ день смерти короля такъ обобралъ его казну, что не во что было одѣть смертные останки короля. По жалобѣ королевской сестры, поступки Мнишка были подвергнуты слѣдствію; но сильные люди, бывшіе съ нимъ въ свойствѣ, заступились за него, и слѣдствіе было прекращено по недостатку доказательствъ. Тѣмъ не менѣе, при королѣ Генрихѣ, когда Мнишекъ за торжественнымъ обѣдомъ исполнялъ должность кравчаго, одинъ изъ королевскихъ придворныхъ, Заленскій, гласно заявилъ, что

¹⁾ Способъ, какимъ этотъ человекъ назвалъ себя Димитріемъ, разсказывается различно. По одному извѣстію, онъ притворился больнымъ или въ самомъ дѣлѣ заболѣлъ, призвалъ духовника и просилъ похоронить его по смерти, какъ хоронятъ царскихъ дѣтей, а для объясненія этого далъ прочесть бумагу, которая была у него подъ постелью. Бумагу эту тотчасъ достали и изъ нея узнали, что онъ — Димитрій. Князь Адамъ Вишневецкій тотчасъ окружилъ его царскими почестями. Такъ разсказываютъ наши лѣтописи. По другому извѣстію, въ современной хроникѣ Буссова разсказывается, что князь Адамъ Вишневецкій взялъ его съ собою въ баню въ качествѣ слуги и, разсердившись за что-то, обругалъ его и ударилъ. Слуга горько заплакалъ и сказалъ: «Если бы ты зналъ, кто я таковъ, то не ругалъ бы и не билъ меня; я московскій царевичъ Димитрій»; и въ доказательство истины своихъ словъ показалъ ему крестъ, осыпанный драгоценными камнями, будто бы данный ему при крещеніи. По третьему извѣстію, сохраненному итальянцемъ Бизачьони, претендентъ открылся не у Адама, а у Константина Вишневецкаго, куда онъ пріѣхалъ со своимъ паномъ Адамомъ въ качествѣ слуги. Тамъ онъ увидѣлъ сестру княгини Вишневецкой, панну Марину Мнишекъ, страстно влюбился въ нее и положилъ ей на окно записку, въ которой объяснилъ, что онъ по рожденію совѣтъ не тотъ, чѣмъ принужденъ быть по несчастнымъ обстоятельствамъ, и подписался: царевичъ Димитрій. Вишневецкіе узнали объ этомъ и повѣрили ему.

²⁾ Юрій Мнишекъ — отцу былъ родомъ чехъ.

Мнишекъ человѣкъ дурного поведенія и не достоинъ исполнять своей должности. Но зять Мнишка, Фирлей, уговорилъ короля оставить этотъ извѣтъ безъ вниманія. Съ тѣхъ поръ никто уже не преслѣдовалъ Мнишка, хотя ничто не могло смыть съ него дурныхъ воспоминаній. Огромное богатство, награбленное у короля Сигизмунда-Августа, сдѣлало его значительнымъ и влѣятельнымъ человѣкомъ. Мнишекъ былъ воеводою сендомирскимъ, старостою львовскимъ и получилъ въ управленіе (въ аренду) королевскія экономіи въ Самборѣ. Суетная и роскошная жизнь уже значительно истощила его состояніе; наживши отъ пресыщенія подагру, онъ вошелъ въ большіе долги и хотѣлъ поправить свои денежныя дѣла, пристраивая своихъ дочерей. Одну изъ нихъ онъ уже выдалъ за чрезвычайно богатаго пана Вишневецкаго. Теперь представилась ему соблазнительная надежда отдать другую за московскаго царя и онъ ревностно сталъ поддерживать названнаго Дмитрія. Такъ какъ его домъ, болѣе или менѣе, подобно всѣмъ домамъ тогдашнихъ знатныхъ пановъ, былъ открытъ для множества гостей, то вѣсть о чудесно-спасенномъ Дмитріи разнеслась повсюду и возбуждала искателей приключеній къ надеждѣ сдѣлать для себя изъ этого карьеру. Вишневецкіе дали знать объ этомъ королю. Сигизмундъ III находился подъ сильнымъ влѣяніемъ іезуитовъ, а іезуиты увидали въ явленіи московскаго царевича самый удобный случай проложить путь къ осуществленію завѣтныхъ цѣлей римскаго престола, — подчиненію русской церкви папскому владычеству. Сигизмундъ приглашалъ Вишневецкаго и Мнишка привести царевича въ Краковъ. Въ концѣ марта 1604 года названнаго Дмитрія привезли въ польскую столицу и окружили іезуитами, которые старались убѣдить его въ истинахъ римско-католической вѣры. Названный царевичъ понялъ, что въ этомъ состоитъ его сила, представлялся, что поддается ихъ увѣщаніямъ и, какъ рассказываютъ іезуиты, принялъ св. причастіе изъ рукъ папскаго нунція Рангони, былъ помазанъ отъ него муромъ и обѣщаль ввести римско-католическую вѣру въ Московскомъ Государствѣ, когда получитъ

престоль. Король Сигизмундъ допустилъ его къ себѣ, объявилъ, что вѣритъ ему, назначилъ на его нужды 40.000 золотыхъ въ годъ и позволилъ ему пользоваться помощью и совѣтомъ поляковъ. Тогда съ Димитрія взяли условіе, что, по восшествіи на престоль, онъ долженъ возвратитъ Польской Коронѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю, дозволитъ сооружать въ своемъ государствѣ костелы, ввести іезуитовъ, помогать Сигизмунду въ приобрѣтеніи шведской короны и содѣйствовать на будущее время соединенію Московскаго Государства съ Польшею. Самъ Мнишекъ взялъ съ него условіе, по восшествіи на престоль, непременно жениться на Маринѣ, заплатитъ долги Мнишка, дать ему пособіе на поѣздку въ Москву, записать своей женѣ Новгородъ и Псковъ, съ правомъ раздавать тамъ своимъ служилымъ людямъ помѣстья и строить костелы, наконецъ самому Мнишку дать въ удѣльное владѣніе Смоленскъ и Сѣверскую землю; Димитрій общалъ раздать эти земли и Польской Коронѣ и Мнишку, въ надеждѣ, какъ оказалось впоследствии, не дать ихъ ни тому, ни другому.

Сигизмунду и его друзьямъ іезуитамъ хотѣлось гласно объявить себя за Димитрія, но многіе польскіе паны тогда же воспротивились этому. Янъ Замоискій, врагъ іезуитскихъ козней, рѣзко называлъ опаснымъ и безчестнымъ дѣломъ всякое содѣйствіе претенденту и открыто именовалъ названнаго Димитрія обманщикомъ. Король долженъ былъ ограничиться только тѣмъ, что тайно побуждалъ своихъ подданныхъ помогать Димитрію и сложилъ временно съ Мнишка платежъ денегъ, слѣдовавшихъ съ самборскихъ королевскихъ имѣній, для того, чтобы Мнишекъ могъ обратитъ эту сумму на помощь московскому царевичу.

Возвратясь къ сендомирскому воеводѣ, Димитрій написалъ письмо папѣ, но такъ ловко, что въ немъ не было ни явнаго принятія католичества, ни положительнаго обѣщанія за свой народъ; все ограничивалось двусмысленными изъявленіями расположенія. Такимъ образомъ, если католики могли толковать его слова въ свою пользу, то Димитрій оставлялъ себѣ возможность

толковать ихъ въ смыслѣ терпимости римско-католическаго исповѣданія заурядъ съ другими исповѣданіями въ своемъ государствѣ. Тогда онъ написалъ грамоты московскому народу и казакамъ. Все, что было въ Южной Руси буйнаго, удалого, отозвалось дружелюбно на воззванія названнаго московскаго царевича. Когда у него набралось до 3000 охочаго войска и до 2000 запорожцевъ, онъ двинулся къ московскимъ предѣламъ; а между тѣмъ силы его увеличивались съ каждымъ днемъ. Въ октябрѣ сдались ему Моравскъ и Черниговъ. Вездѣ жители береговъ Десны и ея притоковъ выходили къ нему съ хлѣбомъ-солью, и способные къ оружію приставали къ нему, какъ къ законному государю. 11-го ноября 1604 года Димитрій подступилъ къ Новгороду-Сѣверску, но воевода Басмановъ, расторопный и храбрый, умѣлъ держать въ повиновеніи подчиненныхъ, заранѣе сжегъ посадъ, чтобы не дать непріятелю утвердиться въ немъ въ ненастное время, и нѣсколько разъ такъ отразилъ всѣ нападенія Димитрія, что поляки, бывшіе съ нимъ, начали уходить отъ него. За то русскіе прибывали къ нему съ разныхъ сторонъ. Города: Рыльскъ, Путивль, Курскъ, Сѣвскъ, Кромы признали его власть; нѣкоторые воеводы сами добровольно объявляли себя за Димитрія, другихъ вязали подчиненные и приводили къ царевичу; но связанные тотчасъ освобождались и присягали служить Димитрію. Такимъ образомъ, у Димитрія набралось до 15,000 человекъ. Посланное Борисомъ войско подъ начальствомъ Мстиславскаго потерпѣло пораженіе. Но поляки все-таки были недовольны Димитріемъ, потому что нечего было грабить, и расходились отъ него. Димитрій оставилъ осаду Новгородъ-Сѣверска и перешелъ къ Сѣвску, гдѣ народонаселеніе заявило ему свою преданность, но здѣсь, 21-го января, присланное Борисомъ войско нанесло ему пораженіе; онъ убѣжалъ въ Путивль.

Неудача подъ Сѣвскомъ не испортила дѣло претендента. Русскіе города сдавались ему и измѣняли Борису одинъ за другимъ. Силы Димитрія увеличились. Три мѣсяца сидѣлъ онъ въ Путивлѣ, который принялъ

тогда видъ многолюдной столицы. Димитрій приказалъ привести изъ Курска чудотворную икону Божьей Матери и говорилъ, что отдаетъ себя и свое дѣло покрову св, Дѣвы. Между прочимъ, онъ приглашалъ къ себѣ на обѣды русскихъ и поляковъ, православныхъ священниковъ и ксендзовъ, старался сблизить между собою тѣхъ и другихъ. Самъ онъ былъ очень любознателенъ, много читалъ, бесѣдовалъ съ образованными поляками, сообщалъ имъ разныя замѣчанія, которыя удивляли ихъ своею мѣткостью, а русскимъ онъ внушалъ уваженіе къ просвѣщенію и стыдъ своего невѣжества. «Какъ только съ Божьею помощью стану царемъ, — говорилъ онъ, — сейчасъ заведу школы, чтобы у меня во всемъ государствѣ выучились читать и писать; заложу университетъ въ Москвѣ, стану посылать русскихъ въ чужіе края, а къ себѣ буду приглашать умныхъ и знающихъ иностранцевъ, чтобы ихъ примѣромъ побудить моихъ русскихъ учить своихъ дѣтей всякимъ наукамъ и искусствамъ». Нѣсколько монаховъ, явившихся въ Путивль съ ядомъ по приказанію Бориса, были схвачены и заключены въ тюрьму, но послѣ Димитрій простилъ ихъ. Названному царевичу помогало то обстоятельство, что когда въ Москвѣ его проклинали подъ именемъ Гришки Отрепьева, Димитрій всенародно показывалъ лицо, называвшее себя Григоріемъ Отрепьевымъ. Это обстоятельство еще болѣе увѣрило народъ, что Димитрій настоящій царевичъ. Наконецъ, въ маѣ, войско, которое стояло подъ Кромами и осаждало донскихъ казаковъ, запершихся въ этомъ городѣ, присягнуло Димитрію въ вѣрности, и воеводы явились къ нему съ повинною. Тогда Димитрій, 24-го мая, прибылъ къ Кромамъ и, предводительствуя сдавшимся войскомъ, двинулся къ Орлу, гдѣ встрѣтили его выборные отъ всей Рязанской земли съ поклономъ. Изъ Орла Димитрій отправился въ Тулу. Въ каждомъ селеніи его встрѣчали съ хлѣбомъ-солью. Люди сбѣгались на большую дорогу смотрѣть на своего царя. Изъ Тулы Димитрій послалъ въ Москву Гавріила Пушкина и Наума Плещеева съ грамотою, а самъ, оставаясь въ Тулѣ, занимался, какъ царь, государственными дѣлами, разо-

слалъ грамоты, въ которыхъ возвѣщалъ о своемъ прибытіи, вмѣстѣ съ ними разослалъ форму присяги себѣ на вѣрность, приказалъ воротить англійскаго посла Смита, уѣхавшаго съ письмами Бориса, принялъ его ласково и далъ ему письмо отъ своего имени, извѣщая англійскаго короля о своемъ воцареніи, обѣщалъ англичанамъ дать такія выгоды, какія даровалъ его отецъ. Среди этихъ занятій прибыли къ нему московскіе бояре и въ ихъ числѣ трое братьевъ Шуйскихъ и Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій. Димитрій принялъ ихъ на первый разъ сухо, сдѣлалъ имъ замѣчаніе, что казаки и простой народъ предупредили ихъ въ вѣрности и ранѣе отторглись отъ крамольниковъ. Ихъ приводилъ къ присягѣ въ соборной церкви рязанскій архіепископъ грекъ Игнатій. Димитрій полюбилъ его и назначилъ патріархомъ вмѣсто Іова: Игнатій былъ человѣкъ нрава веселаго, снисходительный къ себѣ и другимъ, раздѣлялъ съ Димитріемъ его вѣротерпимость и расположеніе къ западному просвѣщенію. Наконецъ, объявляя, что идетъ въ свою столицу, Димитрій послалъ въ Москву князя Василія Васильевича Голицына и князя Рубца-Масальскаго съ приказаніемъ устранить изъ Москвы всѣхъ его опасныхъ враговъ; а велѣдъ за ними выступилъ самъ и медленно прибылъ въ Серпуховъ. Онъ безпрестанно останавливался, говорилъ съ народомъ, спрашивалъ объ его житьѣ-бытьѣ и обѣщавалъ льготы. Въ Серпуховѣ, на берегу Оки, на лугу ожидалъ его привезенный изъ Москвы огромный шатеръ, богато разукрашенный, въ которомъ можно было помѣстить нѣсколько сотъ человѣкъ. Одновременно съ шатромъ прибыла изъ Москвы царская кухня и множество прислуги. Въ этомъ шатрѣ Димитрій давалъ первый пиръ и угощалъ бояръ, окольничихъ и думныхъ дьяковъ. Когда его извѣстили, что Годуновы отравили себя ядомъ, Димитрій изъявлялъ сожалѣніе, а относительно сосланныхъ изъ Москвы приверженцевъ Годуновыхъ говорилъ, что готовъ помиловать ихъ.

Изъ Серпухова Димитрій ѣхалъ уже въ богатой каретѣ, въ сопровожденіи знатныхъ особъ, и остановился въ селѣ Коломенскомъ. Здѣсь, на просторномъ лугу,

окаймляющемъ Москву-рѣку, его ожидалъ новый шатеръ. Попы, монахи, гости, посадскіе люди, крестьяне приходили поклониться своему царю. То была, по старому обычаю, почетная встрѣча. Царю подносили подарки: ткани, мѣха, золото, серебро, жемчугъ, а бѣдняки — хлѣбъ-соль. Димитрій особенно ласково принималъ хлѣбъ-соль отъ бѣдняковъ. «Я не царемъ у васъ буду, — говорилъ онъ, — а отцомъ, все прошлое забыто; и во вѣки не помяну того, что вы служили Борису и его дѣтямъ; буду любить васъ, буду жить для пользы и счастья моихъ любезныхъ подданныхъ».

Наконецъ, 20-го іюня 1605 года, молодой царь торжественно въѣхалъ въ столицу при радостныхъ восклицаніяхъ безчисленнаго народа, столпившагося въ Москву съ разныхъ сторонъ. Онъ былъ статно сложенъ, но лицо его не было красиво, носъ широкій, рыжеватые волосы; за то у него былъ прекрасный лобъ и умные выразительные глаза¹⁾. Онъ ѣхалъ верхомъ, въ золотномъ платьѣ, съ богатымъ ожерельемъ, на превосходномъ конѣ, убранномъ драгоценной сбруей, посреди бояръ и думныхъ людей, которые старались перещеголять одинъ другого своими нарядами. На кремлевской площади ожидало его духовенство съ образами и хоругвями, но здѣсь русскимъ показалось кое-что не совсѣмъ ладнымъ: польскіе музыканты во время церковнаго пѣнія играли на трубахъ и били въ литавры, а монахи замѣтили, что молодой царь прикладывался къ образамъ не совсѣмъ такъ, какъ бы это дѣлалъ природный русскій человѣкъ. Народъ на этотъ разъ извинилъ своего новообрѣтеннаго царя. «Что дѣлать, — говорили русскіе, — онъ былъ долго въ чужой землѣ». Въѣхавши въ Кремль, Димитрій молился сначала въ Успенскомъ соборѣ, а потомъ въ Архангельскомъ, гдѣ, припавши къ гробу Грознаго, такъ плакалъ, что никто не могъ допустить сомнѣнія въ томъ, что это не истинный сынъ Ивана. Строгимъ ревнителямъ православнаго благочестія тогда же не совсѣмъ понравилось то, что велѣды за Димитріемъ входили въ церковь иноземцы.

¹⁾ До насъ дошелъ его современный портретъ въ гравюрѣ Луки Киліяна.

Вступивши во дворець, Димитрій принималъ поздравленія съ новосельемъ, а Богданъ Бѣльскій вошелъ на Лобное мѣсто, снялъ съ себя образъ, на которомъ былъ крестъ и изображеніе Николая Чудотворца, и сказалъ: «Православные! Благодарите Бога за спасеніе нашего солнышка, государя царя, Димитрія Ивановича. Какъ бы васъ лихіе люди не смущали, ничему не вѣрьте. Это истинный сынъ царя Ивана Васильевича. Въ увѣреніе и цѣлую передъ вами животворящій крестъ и св. Николу Чудотворца». Народъ отвѣчалъ громкими восклицаніями: «Боже, сохрани царя нашего, Димитрія Ивановича! Подай ему, Господи, здравія и долгоденственнаго житія! Покори подъ ноги его супостатовъ, которые не вѣрятъ ему!». Московскіе колокола безъ умолку гремѣли цѣлый день такъ сильно, что іезуиты, пріѣхавшіе съ Димитріемъ, думали, что оглохнуть. Иноземцевъ особенно поражалъ огромный колоколъ въ 55 футовъ шириною и 15 вышиною.

Первымъ дѣломъ новаго царя было послать за матерью, инокинею Марѳою: выбранъ былъ князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, котораго Димитрій наименовалъ мечникомъ. Царь отложилъ свое царское вѣнчаніе до пріѣзда матери.

Едва только прошло нѣсколько дней послѣ пріѣзда Димитрія въ столицу, какъ Басмановъ, вошедшій въ милость новаго царя, поймалъ купца Федора Конева и нѣсколько торговыхъ людей, которые показали, что князь Василій Шуйскій давалъ имъ наставленіе вооружить противъ царя народъ, указать на то, что царь дозволяетъ некрещенымъ иноземцамъ входить въ церковь, что онъ подосланъ Сигизмундомъ и польскими панами, что царь не Димитрій, а Гришка Отрепьевъ, что онъ хочетъ разорить церкви, искоренить вѣру. Такія возбужденія приходились тогда отчасти кстати, потому что поляки, пришедшіе съ Димитріемъ, вели себя нагло, особенно въ обращеніи съ женщинами. Царь отстранилъ себя отъ дѣла, касавшагося его чести и престола, и отдалъ Шуйскаго съ братьями суду, составленному изъ лицъ всѣхъ сословій. Ходъ этого суда намъ неизвѣстенъ, но судъ приговорилъ Василю

Шуйскаго къ смерти, а братьевъ его къ ссылкѣ. Когда осужденнаго привели къ плахѣ на Красную площадь, прискакавшій изъ Кремля вѣстовой остановилъ казнь и объявилъ, что государь, не желая проливать крови даже важныхъ преступниковъ, замѣняетъ смертную казнь Василія Шуйскаго ссылкой въ Вятку. Народъ былъ въ восторгѣ отъ такого великодушія. Современники рассказываютъ, что Димитрій показывалъ народу въ Москвѣ настоящаго Гришку Отрепьева, о которомъ впоследствии объясняли, что это былъ не настоящій, а подставной Отрепьевъ. Димитрій не преслѣдовалъ вообще тѣхъ, которые сомнѣвались въ его подлинности. Астраханскій владыка Θεодосій упорно держался Годунова и усердно проклиналъ Гришку Отрепьева, пока, наконецъ, народъ изругалъ его и отправилъ къ воцарившемуся Димитрію. «За что ты, — спросилъ его царь, — прирожденнаго своего царя называешь Гришкою Отрепьевымъ?» — Владыка отвѣчалъ: «намъ вѣдомо только то, что ты теперь царствуешь, а Богъ тебя знаетъ, кто ты такой и какъ тебя зовутъ». Димитрій не сдѣлалъ ему ничего дурнаго.

18-го іюля прибыла царица, инокиня Марѳа. Царь встрѣтилъ ее въ селѣ Тайнинскомъ. Безчисленное множество народа побѣжало смотрѣть на такое зрѣлище. Когда карета, гдѣ сидѣла царица, остановилась, царь быстро соскочилъ съ лошади. Марѳа отдернула занавѣсъ, покрывавшій окна кареты. Димитрій бросился къ ней въ объятія. Оба рыдали. Такъ прошло нѣсколько минутъ въ виду всего народа.

Потомъ царь до самой Москвы шелъ пѣшкомъ подлѣ кареты. Марѳа вѣзжала при звонѣ колоколовъ и при ликованіи народа: тогда уже никто въ толпѣ не сомнѣвался въ томъ, что на московскомъ престолѣ истинный царевичъ; такое свиданіе могло быть только свиданіемъ сына съ матерью. Царица Марѳа была помѣщена въ Вознесенскомъ монастырѣ. Димитрій ежедневно посѣщалъ ее и при началѣ каждаго важнаго дѣла испрашивалъ ея благословенія.

30-го іюля, Димитрій вѣнчался царскимъ вѣнцомъ отъ новаго патріарха Игнатія. Посыпались милости.

Возвращены всѣ опальные прежняго царствованія. Филаретъ Романовъ сдѣланъ митрополитомъ ростовскимъ. Димитрій возвратилъ изъ ссылки Шуйскихъ къ прежнимъ почестямъ. Всѣ Годуновы, ихъ собственники и приверженцы, сосланные при началѣ царствованія, получили прощеніе. «Есть два способа царствовать, — говорилъ Димитрій: — милосердіемъ и щедростью или суровостью и казнями; я избралъ первый способъ; я далъ Богу обѣтъ не проливать крови подданныхъ и исполню его». Когда кто-нибудь, желая подслужиться Димитрію, заговаривалъ дурно о Борисѣ, царь замѣчалъ: «Вы ему кланялись, когда онъ былъ живъ, а теперь, когда онъ мертвый, вы хулите его. Другой бы кто говорилъ о немъ, а не вы, когда сами выбрали его». Всѣмъ служилымъ удвоено было содержаніе; помѣщикамъ удвоили ихъ земельные надѣлы, все судопроизводство объявлено бесплатнымъ; всѣмъ должностнымъ лицамъ удвоено содержаніе и строго запрещено брать посулы и поминки. Для того, чтобы при сборѣ податей не было злоупотребленій, обществамъ предоставлено самимъ доставлять свои подати въ казну. Димитрій воспретилъ давать потомственныя кабалы: холопъ могъ быть холопомъ тому, кому отдавался, и тѣмъ самымъ подходилъ къ наемнику, служившему господину по взаимному соглашенію. Помѣщики теряли свое право на крестьянъ, если не кормили ихъ во время голода: постановлено было не давать суда на бѣглыхъ крестьянъ далѣе пяти лѣтъ. Всѣмъ предоставлено было свободно заниматься промыслами и торговлей; всякія стѣсненія къ выѣзду изъ государства, къ въѣзду въ государство, переѣздамъ внутри государства уничтожены. «Я не хочу никого стѣснять, — говорилъ Димитрій, — пусть мои владѣнія будутъ во всемъ свободны. Я обогащу свободною торговлею свое государство. Пусть вездѣ разнесется добрая слава о моемъ царствованіи и моемъ государствѣ». Англичане того времени замѣчаютъ, что это былъ первый государь въ Европѣ, который сдѣлалъ свое государство въ такой степени свободнымъ. Димитрій преобразовалъ боярскую

Думу и называлъ ее сенатомъ. Каждый день онъ присутствовалъ въ сенатѣ, самъ разбиралъ дѣла, иногда самыя мелочныя, и удивлялъ думныхъ людей быстротою своего соображенія. Два раза въ недѣлю, въ среду и въ субботу, царь лично принималъ челобитныя и всѣмъ представлялась возможность объясниться съ нимъ по своимъ дѣламъ. Вопреки обычаямъ прежнихъ царей, которые послѣ сытныхъ обѣдовъ укладывались спать, Димитрій, пообедавши, ходилъ пѣшкомъ по городу, заходилъ въ разныя мастерскія, толковалъ съ мастерами, говорилъ со встрѣчными на улицахъ. Прежніе цари, когда садились на лошадь, то имъ подставляли скамьи, подсаживали подъ руки, а Димитрію подведутъ ретиваго коня, онъ быстро схватитъ одною рукою за поводъ, другою за сѣдло, вмигъ вскочитъ на него и заставитъ идти по своей волѣ. Никто лучше Димитрія не ѣздилъ верхомъ. Любилъ онъ охоту, но не такъ, какъ прежніе цари. Прежде, бывало, наловятъ медвѣдей, держать въ подгородныхъ селахъ, а когда царю будетъ угодно, то подданные потѣшали его борьбою съ лютыми звѣрьми, нерѣдко жертвуя собственною жизнью. Димитрій, напротивъ, лично ходилъ на медвѣдей и удивлялъ подданныхъ своей ловкостью. Онъ болѣе всего любилъ бесѣдовать съ боярами о томъ, что нужно дать народу образованіе, убѣждалъ ихъ путешествовать по Европѣ, посылать дѣтей для образованія за границу, заохочивалъ ихъ къ чтенію и приобрѣтенію свѣдѣній. Самъ Димитрій хорошо зналъ св. писаніе и любилъ приводить изъ него мѣста, но не терпѣлъ исключительности. «У насъ, — говорилъ онъ духовнымъ и мірянамъ, — только одни обряды, а смыслъ ихъ укрить. Вы поставяете благочестіе только въ томъ, что сохраняете посты, поклоняетесь мощамъ, почитаете иконы, а никакого понятія не имѣете о существѣ вѣры, — вы называете себя новымъ Израилемъ, считаете себя самымъ праведнымъ народомъ въ мірѣ, а живете совсѣмъ не по-христіански, мало любите другъ друга, мало расположены дѣлать добро. Зачѣмъ вы презираете иновѣрцевъ? Что же такое латинская, лютеранская вѣра? Все такія жъ

христіанскія, какъ и греческая. И они въ Христа вѣруютъ». Когда ему заговорили о семи соборахъ и о неизмѣняемости ихъ постановленій, онъ на это сказалъ: «Если было семь соборовъ, то отчего же не можетъ быть и восьмого и десятаго и болѣе? Пусть всякій вѣритъ по своей совѣсти. Я хочу, чтобы въ моемъ государствѣ все отправляли богослуженіе по своему обряду».

Димитрій не любилъ монаховъ, называлъ ихъ ту-неядцами и лицемѣрами, приказалъ сдѣлать опись всемъ монастырскимъ имѣніямъ и заранѣе заявлялъ, что хочетъ оставить имъ необходимое на содержаніе, а все прочее отбереть въ казну. По этому поводу онъ говорилъ: пусть богатства ихъ пойдутъ на защиту св. вѣры и православныхъ христіанъ. Наслушавшись въ Польшѣ толковъ о всеобщемъ христіанскомъ ополченіи противъ турокъ, о которомъ во всей Европѣ говорили, не приступая къ дѣлу, Димитрій хотѣлъ привести эту мысль въ исполненіе, тѣмъ болѣе, что русскихъ она касалась ближе, чѣмъ другихъ народовъ, во-первыхъ, по духовному родству съ поработченными греками, а во-вторыхъ, по сосѣдству съ крымскимъ хищническимъ гнѣздомъ, отъ котораго московская Русь находилась постоянно въ страхъ и въ бѣдственномъ положеніи: ея лучшія земли оставались малонаселенными, ея жители постоянно уводились въ плѣнъ; ихъ приходилось выкупать дорогою цѣною; пока существовало такое сосѣдство, русскій народъ долженъ былъ оставаться въ бѣдности и всякое стремленіе его къ улучшеніямъ встрѣчало съ этой стороны препятствіе и замедленіе. Съ самаго прибытія въ Москву намѣреніе воевать съ турками и татарами не сходило съ языка у Димитрія. На пушечномъ дворѣ дѣлали новыя пушки, мортиры, ружья. Димитрій часто ѣздилъ туда, самъ пробовалъ оружіе и устраивалъ военные маневры, которые вмѣстѣ были и потѣхою, и упражненіемъ въ военномъ дѣлѣ. Царь, забывая свой санъ, работалъ вмѣстѣ съ другими, не сердился, когда его въ давкъ толкали или сбивали съ ногъ. Димитрій надѣялся на союзъ съ нѣмецкимъ императоромъ, съ Венеціей, съ французскимъ королемъ

Генрихомъ IV, къ которому Димитрій чувствовалъ особое расположеніе. Война съ Турціею побуждала его вести дружескія сношенія съ папою, но онъ не поддавался папскимъ уловкамъ по вопросу о соединеніи церквей, и на всѣ заявленія со стороны папы въ своихъ отвѣтахъ искусно обходилъ этотъ вопросъ. Такимъ образомъ, въ дошедшихъ до насъ письмахъ Димитрія къ папѣ нѣтъ даже намека, похожаго на обѣщаніе вводить католичество въ Русской землѣ. Московскій государь толковалъ съ папсю только о союзѣ противъ турокъ и вскорѣ іезуиты совершенно разочаровались на счетъ своихъ блестящихъ надеждъ, а папа писалъ ему выговоръ за то, что онъ окружаетъ себя еретиками и не слушается благочестивыхъ мужей. Въ самомъ дѣлѣ, предоставляя католикамъ свободу совѣсти въ своемъ государствѣ, Димитрій, равнымъ образомъ, предоставлялъ ее протестантамъ всѣхъ толковъ. Домашній секретарь его Бучинскій былъ протестантъ. Относясь къ папѣ дружелюбно, Димитрій посылалъ денежную помощь и ласковую грамоту русскому львовскому братству, котораго задачею было охранять въ польско-русскихъ областяхъ русскую вѣру отъ покушеній папизма. Ясно было, что Димитрій не думалъ исполнять тѣхъ обѣщаній іезуитамъ, которыя онъ поневолѣ давалъ, будучи въ Польшѣ. Также мало расположенъ былъ онъ исполнять свои вынужденныя обѣщанія отдать Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую область. Пріѣхалъ къ нему посоль отъ Сигизмунда Корвинъ-Гонсѣвскій. Димитрій напрямикъ объявилъ ему, что отдача русскихъ земель рѣшительно невозможна, но обѣщалъ, что, вмѣсто этихъ земель, онъ по дружбѣ, въ случаѣ нужды, готовъ помочь Сигизмунду денежною суммою. И это обѣщаніе давалось, вѣроятно, только потому, что невѣста царя находилась пока въ Польшѣ, и онъ не хотѣлъ раздражать Сигизмунда. Объявляя, что онъ предоставляетъ всѣмъ иновѣрцамъ одинаковую свободу совѣсти въ своемъ государствѣ, Димитрій отказалъ польскому королю въ требованіи заводить костелы и вводить римско-католическое духовенство, особенно іезуитовъ,

во вредъ православной вѣрѣ. Увидѣвши, что Сигизмундъ хочетъ обращаться съ нимъ, какъ съ вассаломъ, онъ принялъ гордый тонъ и требовалъ, чтобы его называли цезаремъ; ни за что не хотѣлъ онъ, въ угоду Сигизмунду, удалить Густава, сына Эрика, короля шведскаго.

Съ дѣятельностью Димитрій соединялъ любовь къ веселой жизни и забавамъ. Ему не по душѣ былъ старый дворецъ царей съ его мрачными воспоминаніями. Онъ приказалъ построить для себя и для будущей жены два дворца деревянные. Его собственный дворецъ былъ не великъ, хотя высокъ, и заключалъ всего четыре комнаты съ огромными сѣнями, уставленными шкафами съ серебряною посудою; комнаты были обиты персидскими тканями, окна завѣшаны золототканными занавѣсами, изразцовыя печки съ серебряными рѣшетками, потолки кидались въ глаза превосходной рѣзною работою, а полъ былъ устланъ богатыми восточными коврами. Близъ этого дворца Димитрій приказалъ поставить мѣдное изваяніе Цербера, устроенное такъ, что челюсти его, раздвигаясь и закрываясь, издавали звукъ. За обѣдомъ у Димитрія была музыка, что не дѣлалось при прежнихъ царяхъ. Онъ не преслѣдовалъ народныхъ забавъ, какъ это бывало прежде; веселые «скоморохи», съ волынками, домрами и накрами свободно тѣшили народъ и представляли свои «дѣйства»; не преслѣдовались ни карты, ни шахматы, ни пляска, ни пѣсни. Димитрій говорилъ, что желаетъ, что бы все кругомъ его веселилось. Свобода торговли и обращенія въ какіе-нибудь полгода произвела то, что въ Москвѣ все подешевѣло и небогатымъ людямъ стали доступны такіе предметы житейскихъ удобствъ, какими прежде пользовались только богатые люди и бояре. Но современники рассказываютъ, что благодушный царь былъ слишкомъ падокъ до женщинъ и позволялъ себѣ въ этомъ отношеніи грязныя и отвратительныя удовольствія. Въ особенности бросаетъ на него тѣнь его отношеніе къ несчастной Ксеніи: и русскіе, и иноземные источники говорятъ объ этомъ, и самъ будущій тестъ Димитрія, Мнишекъ, писалъ къ нему, что

носятся слухи, будто Димитрій держитъ близко себя дочь Бориса. Въ заключеніе, несчастную дѣвушку отвезли во Владимірѣ и постригли въ монахини подъ именемъ Ольги.¹⁾

Исполняя обѣщаніе вступить въ бракъ съ Мариною, Димитрій отправилъ въ Краковъ посломъ дьяка Аванасія Власьева, который, представляя лицо своего государя, 12 ноября совершилъ за него актъ обрученія въ присутствіи Сигизмунда. Послѣдній внутренно не совсѣмъ былъ доволенъ этимъ, такъ какъ по всему видно, король надѣялся отдать за царя свою сестру.

Между тѣмъ, въ Москвѣ враги уже вели подкопъ подъ своего царя. Во главѣ ихъ былъ, прощенный имъ, Василій Шуйскій. Бѣда научила его: теперь онъ повелъ заговоръ осторожно. Шуйскій понялъ, что нельзя уже произвести переворота одними увѣреніями, что царь не настоящій Димитрій. На это всегда былъ готовый отвѣтъ: «Какъ же не настоящій, когда родная мать признала его!» Шуйскій возбуждалъ ропоть тѣмъ, что царь любитъ иноземцевъ, ѣсть, пьетъ съ ними, не наблюдаетъ постовъ, ходитъ въ иноземномъ платьѣ, завелъ музыку, хочетъ отъ монастырей отобрать достояніе, тратитъ безъ толку казну, затѣваетъ войну съ турками, раздражаетъ шведовъ въ угоду Сигизмунду и намѣренъ жениться на поганой полькѣ. Къ Шуйскому пристали: князь Василій Васильевичъ Голицынъ, князь Куракинъ, Михайло Татищевъ и кое-кто изъ духовныхъ сановниковъ: особенно ненавидѣли царя казанскій митрополитъ Гермогенъ и епископъ коломенскій Іосифъ, строгіе противники всякаго общенія съ иновѣрцами. Сообщники Шуйскаго распространили неудовольствіе между стрѣльцами, и въ январѣ 1606 года составилъ умысль убить царя: убійцею вызвался быть тотъ самый Шеферединъ, который вмѣстѣ съ Молчановымъ извелъ Ѳедора Борисовича съ матерью. 8-го января они проникли было во дворецъ, но сдѣлался

¹⁾ Во время троицкой осады Сапѣгою, Ксенія находилась въ Троицкомъ монастырѣ. Она умерла въ Суздаль въ 1622 году. Передъ смертью она просила положить ея тѣло рядомъ съ отцомъ и матерью въ Троицкомъ монастырѣ, что и было исполнено.

шумъ . . . Шеферединовъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти. Семерыхъ схватили, и они повинились. Тогда Димитрій созвалъ всѣхъ стрѣльцовъ къ крыльцу и сказалъ: «Миѣ очень жаль васъ, вы грубы и нѣтъ въ васъ любви. Зачѣмъ вы заводите смуты? Бѣдная наша земля и такъ страдаетъ. Что же, вы хотите ее довести до конечнаго разоренія? За что вы ищете меня погубить? Въ чемъ вы можете меня обвинить, спрашиваю я васъ. Вы говорите: я не истинный Димитрій! Обличите меня, и вы тогда вольны лишить меня жизни! Моя мать и бояре въ томъ свидѣтели. Я жизнь свою ставилъ въ опасность не ради своего возвышенія, а затѣмъ, чтобы избавить народъ, упавшій въ крайнюю нищету и неволю подъ гнетомъ гнусныхъ измѣнниковъ. Меня призывалъ къ этому Божій перстъ. Могучая рука помогла миѣ овладѣть тѣмъ, что принадлежитъ миѣ по праву. Говорите прямо, говорите свободно: за что вы меня не любите?»

Толпа залилась слезами, упала на колѣни и говорила: «Царь-государь, смилуйся, мы ничего не знаемъ. Покажи намъ тѣхъ, что насъ оговариваютъ!»

Тогда Басмановъ по царскому приказанію вывелъ семерыхъ сознавшихся, и Димитрій сказалъ: «вотъ, они повинились и говорятъ, что всѣ вы на меня зло мыслите».

Съ этими словами онъ ушелъ во дворецъ, а стрѣльцы разорвали въ клочки преступниковъ.

Съ тѣхъ поръ страшно было заикнуться противъ царя. Народъ любилъ Димитрія и строже всякой верховной власти готовъ былъ наказывать его враговъ; въ особенности донскіе казаки, бывшіе тогда въ Москвѣ, свирѣпо наказывали за оскорбленіе царскаго имени. «Тогда, — говоритъ современникъ, — назови кто-нибудь царя не настоящимъ, тотъ и пропалъ: будь онъ монахъ или мірянинъ — сейчасъ убьютъ или утопятъ». Самъ царь никого не казнилъ, никого не преслѣдовалъ, а судъ народный и безъ него уничтожалъ его враговъ. Но, къ его несчастію, погибали менѣе опасные, а тѣ враги, изъ которыхъ все исходило, находились близъ него и пользовались его расположеніемъ. Услыхавши,

что Сигизмундъ не любитъ Дмитрія, бояре поручили гонцу Безобразову передать втайнѣ польскимъ панамъ, что они недовольны своимъ царемъ, думаютъ его свергнуть и желаютъ, чтобы въ Московскомъ Государствѣ государемъ былъ сынъ Сигизмунда, королевичъ Владиславъ. Тогда же черезъ какого-то шведа было сообщено польскимъ панамъ, будто мать Дмитрія велѣла передать королю, что на московскомъ престолѣ царствуетъ не сынъ ея, а обманщикъ. Сигизмундъ, узнавши объ этомъ, приказалъ дать отвѣтъ, что онъ не загоразживааетъ московскимъ боярамъ дороги и они могутъ промышлять о себѣ; что же касается до королевича Владислава, то король не такой человекъ, чтобы увлекаться честолюбіемъ. Но въ то время, когда Сигизмундъ коварно одобрялъ козни бояръ, надѣясь извлечь изъ нихъ для себя выгоду, въ самой Польшѣ, люди, недовольные поступками Сигизмунда, имѣли намѣреніе низвергнуть его съ престола и посадить на немъ Дмитрія. Въ числѣ ихъ былъ одинъ изъ родственниковъ Мнишка, Станиславъ Стадницкій. Говорятъ, онъ сносился объ этомъ съ Дмитриемъ. Кромѣ него, канцлеръ Левъ Сапѣга, въ собраніи сенаторовъ, указывалъ на кого-то изъ Краковской академіи, который писалъ къ московскому государю, что Сигизмундомъ недовольны и поляки желаютъ возложить на Дмитрія корону. «Если, — говорилъ Левъ Сапѣга, — такія посланія будутъ перелетать изъ Польскаго королевства въ Москву, то намъ нечего ждать хорошаго» . . .

Царь всю зиму ждалъ своей невѣсты, а Мнишекъ медлил и безпрестанно требовалъ съ нареченнаго зятя денегъ. Уже Дмитрій передалъ ему 300.000 злотыхъ, подарилъ его сыну 50.000 злотыхъ. Мнишекъ все еще водилъ царя, и царь переслалъ ему еще около 19.000 рублей. Этого мало: Мнишекъ безъ церемоній забиралъ у московскихъ купцовъ товары, занималъ у нихъ деньги и все на счетъ царя. Когда Мнишекъ написалъ, что онъ пріѣдетъ только спустя нѣсколько дней послѣ Пасхи, Дмитрій потерялъ терпѣніе и написалъ ему, что, если онъ такъ опоздаетъ, то не застанетъ его въ Москвѣ, потому что царь намѣренъ тотчасъ послѣ

Пасхи выступить въ походъ. Это заставило Мнишка поторопиться.

Въ ожиданіи прибытія невѣсты, царь стягивалъ войско, назначая сборъ подъ Ельцомъ, чтобы тотчасъ послѣ свадьбы ударить на Крымъ. Онъ постоянно приглашалъ къ себѣ иноземцевъ и составилъ около себя стражу изъ французовъ и нѣмцевъ.

Приближенные русскіе все болѣе и болѣе оскорблялись предпочтеніемъ, которое царь оказывалъ иностранцамъ. Димитрій рѣзко говорилъ о превосходствѣ западныхъ европейцевъ передъ русскими, насмѣхался надъ русскими предразсудками, наряжался въ иноземное платье, даже умышленно старался показывать, что презираетъ русскіе обычаи. Такъ, на примѣръ, русскіе не ѣли телятины; Димитрій нарочно приказывалъ подавать ее къ столу, когда обѣдали у него бояре. Однажды Татищевъ сказалъ ему по этому поводу какую-то дерзость. Димитрій вспылилъ и отдалъ приказъ отправить его въ Вятку, но тотчасъ же опомнился и оставилъ при всѣхъ почестяхъ. Но Татищевъ былъ мстителенъ и утвердился въ мысли такъ или иначе погубить Димитрія.

24-го апрѣля прибылъ въ столицу Мнишекъ съ дочерью. Съ нимъ пріѣхали знатные паны: братья Адамъ и Константинъ Вишневецкіе, Стадницкіе, Тарлы, Казановскіе, съ толпою всякаго рода челяди и со множествомъ служившихъ у нихъ шляхтичей. Всѣхъ гостей было болѣе 2.000 человекъ. Кромѣ того, въ Москву пріѣхали отъ Сигизмунда паны: Олѣсницкій и Гонсѣвскій со своими свитами. Начались роскошные обѣды, балы, празднества. Димитрій, сохраняя свое достоинство, чуть-было не поссорился съ польскими послами, требуя, чтобы Сигизмундъ называлъ его не иначе, какъ цезаремъ, да еще непобѣдимымъ. 8-го мая Марина была предварительно коронована царицею, а потомъ совершилось бракосочетаніе. Съ тѣхъ поръ пиры слѣдовали за пирами. Царь въ упоеніи любви все забылъ, предавался удовольствіямъ, танцевалъ, не уступая полякамъ въ ловкости и раздражая чопорность русскихъ; а между тѣмъ шляхтичи и челядь, разставленные по домамъ московскихъ жителей, вели

себя до крайности нагло и высокомерно. Получивъ, наприимѣръ, отъ царя предложеніе вступить въ русскую службу, они хвастались этимъ и кричали: «Вотъ вся ваша казна перейдетъ къ намъ въ руки!» Другіе, побрякивая саблями, говорили: «Что вашъ царь! Мы дали царя Москвѣ...» Въ пьяномъ разгулѣ они бросались на женщинъ по улицамъ, врываются въ дома, гдѣ замѣчали красивую хозяйку или дочь. Особенно нагло вели себя панскіе гайдуки. Слѣдуетъ замѣтить, что большая часть этихъ пришельцевъ только считались поляками, а были русскіе, даже православные, потому что въ то время въ южныхъ провинціяхъ Польши не только шляхта и простолюдины, но и многіе знатныя паны не отступили еще отъ предковской вѣры. Сами, пріѣхавшіе тогда въ Москву, братья Вишневецкіе исповѣдывали православіе. Но московскіе люди съ трудомъ могли признать въ пріѣзжихъ гостяхъ единовѣрцевъ и русскихъ по разности обычаевъ, входившихъ по московскимъ понятіямъ въ область религіи. Притомъ же все гости говорили или по-польски, или по-малорусски. Если мы вспомнимъ, что польское правительство то-и-дѣло что издавало распоряженія о прекращеніи своевольтвъ въ южныхъ областяхъ Польши, то не трудно понять, почему прибывшіе съ панами въ Москву отличались такимъ буйствомъ. Благочестивыхъ москвичей, привыкшихъ жить со звономъ колоколовъ, замкнутой однообразной жизнью, видѣть нравственное достоинство въ одномъ монашествѣ, соблазняло то, что въ Кремлѣ, между соборами, по цѣлымъ днямъ играли 68 музыкантовъ, а пришельцы скакали по улицамъ на лошадяхъ, стрѣляли изъ ружей на воздухъ, пѣли пѣсни, танцовали и безмѣрно хвастались своимъ превосходствомъ надъ москвичами. «Крикъ, вопль, говоръ неподобный! — восклицаетъ лѣтописецъ. — О, какъ огонь не сойдетъ съ небеси и не поглотитъ сихъ окаянныхъ!» Но, какъ ни оскорбляла наглость пришельцевъ русскій народъ, онъ все-таки настолько любилъ своего царя, что не поднялся бы на него и извинилъ бы ему, ради его свадьбы. Погибель Димитрія была устроена путемъ заговора.

Въ ночь, со вторника на среду, съ 13-го на 14-е мая Василій Шуйскій собралъ къ себѣ заговорщиковъ, между которыми были и служилые, и торговые люди, раздраженные поступками поляковъ; положили сначала отмѣтить дома, въ которыхъ стоятъ поляки, а утромъ рано, въ субботу, ударить въ набатъ и закричать народу, будто поляки хотятъ убить царя и перебить думныхъ людей: народъ бросится бить поляковъ, а заговорщики покончатъ съ царемъ.

Въ четвергъ, 15-го мая, какіе-то русскіе донесли Басманову о заговорѣ. Басмановъ доложилъ царю. «Я этого слушать не хочу, — сказалъ Димитрій, — не терплю доносчиковъ и буду наказывать ихъ самихъ.»

Царь продолжалъ веселиться; къ воскресенью готовили большой праздникъ. Царскій деревянный домъ, построенный самимъ Димитріемъ, и дворецъ обставляли лѣсами для иллюминаціи.

Въ пятницу, 16-го мая, нѣмцы подали Димитрію письменный извѣтъ о томъ, что въ столицѣ существуетъ измѣна и слѣдуетъ какъ можно скорѣе принять мѣры. Димитрій сказалъ: «Это все вздоръ, я читать этого не хочу.»

И Мнишекъ, и Басмановъ совѣтовали не пренебрегать предостереженіями. Димитрій ничему не вѣрилъ и вечеромъ созвалъ гостей въ свой новый, красиво-убранный дворецъ. Заиграло сорокъ музыкантовъ, начались танцы; царь былъ особенно веселъ, танцевалъ и веселился; а между тѣмъ Шуйскій именемъ царя приказалъ изъ сотни нѣмецкихъ алебардчиковъ, державшихъ по обыкновенію карауль у дворца, удалиться семидесяти человекъ и оставилъ только тридцать. По окончаніи бала Димитрій удалился къ женѣ въ ея новопостроенный и еще неоконченный дворецъ, соединенный съ царскимъ дворцомъ переходами, а въ сѣняхъ царскаго дворца расположилось нѣсколько человекъ прислуги и музыкантовъ.

На разсвѣтъ Шуйскій приказалъ отворить тюрьмы, выпустить преступниковъ и раздать имъ топоры и мечи. Какъ только начало входить солнце, ударили въ набатъ на Ильинкѣ, а потомъ во всѣхъ другихъ

московскихъ церквахъ стали также звонить, не зная, въ чемъ дѣло. Главные руководители заговора, Шуйскіе, Голицынь, Татищевъ, выѣхали на красную площадь, верхомъ съ толпою около двухъ-сотъ человѣкъ. Народъ, услышавши набатъ, сбѣгалъ со всѣхъ сторонъ, а Шуйскій кричалъ ему: «Литва собирается убить царя и перебить бояръ, идите бить Литву!» Народъ съ яростными криками бросился бить поляковъ, многіе съ мыслью, что въ самомъ дѣлѣ защищаютъ царя; другіе — изъ ненависти къ полякамъ за своевольство; иные — просто изъ страсти къ грабежу. Василий Шуйскій, освободившись такою хитростью отъ народной толпы, выѣхалъ въ Кремль: въ одной рукѣ у него былъ мечъ, въ другой крестъ. За нимъ слѣдовали заговорщики, вооруженные топорами, бердышами, копьями, мечами и рогатинами.

Набатный звонъ разбудилъ царя. Онъ бѣжалъ въ свой дворецъ и встрѣтилъ тамъ Димитрія Шуйскаго, который сказалъ ему, что въ городѣ пожаръ. Димитрій отправился къ женѣ, чтобы успокоить ее, а потомъ ѣхать на пожаръ, какъ вдругъ неистовые крики раздались у самага дворца. Онъ снова поспѣшилъ въ свой дворецъ; тамъ былъ Басмановъ. Отворивши окно, Басмановъ спросилъ: «Что вамъ надобно, что за тревога?» Ему отвѣчали: «Отдай намъ своего вора, тогда поговоришь съ нами!» — «Ахти, государь, — сказала Басмановъ царю: — не вѣрилъ ты своимъ вѣрнымъ слугамъ! Спасайся, а я умру за тебя!»

Тридцать человѣкъ нѣмецкихъ алебардщиковъ стали было у входа, но по нимъ дали нѣсколько выстрѣловъ. Они увидѣли, что ничего не могутъ сдѣлать, и пропустили толпу. Царь искалъ своего меча, но меча не было. Царь схватилъ у одного алебардщика алебарду, подступилъ къ дверямъ и крикнулъ: «Прочь, я вамъ не Борисъ!» Басмановъ выступилъ впередъ царя, ушелъ внизъ и сталъ уговаривать бояръ, но Татищевъ сдарилъ его ножемъ въ сердце. Димитрій заперъ дверь. Заговорщики стали ломать ее. Тогда Димитрій бросилъ алебарду, бѣжалъ по переходамъ въ каменный дворецъ, но выхода не было; всѣ двери были заперты;

онъ глянулъ въ окно, увидѣлъ вдали стрѣльцовъ и рѣшился выскочить въ окно, чтобы спуститься по лѣсамъ, приготовленнымъ для иллюминации, и отдаться подъ защиту народа. Бывшій въ то время въ Москвѣ голландецъ замѣчаетъ, что если бы Димитрію удалось спуститься благополучно внизъ, то онъ былъ бы спасень. Народъ любилъ его и непременно бы растерзалъ заговорщиковъ. Но Димитрій споткнулся и упалъ на землю съ высоты 30 футовъ. Онъ разбилъ себѣ грудь, вывихнулъ ногу, зашибъ голову и на время лишился чувствъ.

Стрѣльцы, державшіе караулъ, подбѣжали къ нему, облили водой и положили на каменный фундаментъ сломаннаго Борисова дома. Пришедши въ чувство, Димитрій упрашивалъ ихъ отнести его къ міру на площадь передъ Кремлемъ, обѣщалъ отдать стрѣльцамъ все имущество мятежныхъ бояръ и даже семьи ихъ въ холопство. Стрѣльцы стали-было защищать его, но заговорщики закричали, что они пойдутъ въ Стрѣлецкую слободу и перебьютъ стрѣлецкихъ женъ и дѣтей. Стрѣльцы оставили Димитрія.

Заговорщики внесли его во дворецъ. Одинъ нѣмецъ вздумалъ-было подать царю спирту, чтобы поддержать въ немъ сознание, но заговорщики убили его за это.

Надъ Димитріемъ стали ругаться, приговаривая: «латинскихъ поповъ привелъ, нечестивую польку въ жены взялъ, казну московскую въ Польшу вывозилъ.» Сорвали съ него кафтанъ, надѣли какія-то лохмотья и говорили: «Каково, царь всея Руси, самодержецъ! вотъ такъ самодержецъ!» Кто тыкалъ пальцемъ въ глаза, кто щелкалъ по носу, кто дергалъ за ухо... Одинъ ударилъ его въ щеку и сказалъ: «Говори, такой-сякой, кто твой отецъ? Какъ тебя зовутъ? Откуда ты?»...

Димитрій слабымъ голосомъ проговорилъ: «Вызнаете, я царь вашъ Димитрій. Вы меня признали и вѣнчали на царство. Если теперь не вѣрите, спросите мать мою; вынесите меня на Лобное мѣсто и дайте говорить народу.»

Но тутъ Иванъ Голицынъ крикнулъ: «Сейчасъ царица Марѳа сказала, что это не ея сынъ.»

«Винится ли злодѣй?» — кричала толпа со двора.

«Винится!» — отвѣчали изъ дворца.

«Бей! руби его!» — заревѣла толпа со двора.

«Вотъ я благословлю этого польскаго свистуна», — сказала Григорій Валуевъ и застрѣлили Димитрія изъ короткаго ружья, бывшаго у него подъ армякомъ.

Тѣло обвязали веревками и потащили по землѣ изъ Кремля черезъ Фроловскія (Спасскія) ворота. У Вознесенскаго монастыря вызвали царицу Марю и кричали: «Говори, твой ли это сынъ?»

«Не мой», отвѣчала Маря¹⁾. Тѣло умерщвленнаго царя положили на Красной площади на маленькомъ столикѣ. Къ ногамъ его приволокли тѣло Басманова. На грудь мертвому Димитрію положили маску, а въ ротъ воткнули дудку. Въ продолженіе двухъ дней москвичи ругались надъ его тѣломъ, кололи и пачкали всякою дрянью а въ понедѣльникъ свезли въ «убогій домъ» (кладбище для бѣдныхъ и безродныхъ) и бросили въ яму, куда складывали замерзшихъ и опившихся. Но вдругъ по Москвѣ сталъ ходить слухъ, что мертвый ходитъ; тогда снова вырыли тѣло, вывезли за Серпуховскія ворота, сожгли, пепелъ всыпали въ пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда названный Димитрій пришелъ въ Москву.

Вопросъ о томъ, кто былъ этотъ загадочный человекъ, много занималъ умы и до сихъ поръ остался неразрѣшеннымъ. Его поведеніе было таково, что скорѣе всего его можно было признать за истиннаго Димитрія; но противъ этого существуютъ слѣдующіе важные доводы: если бы малолѣтняго Димитрія успѣли заблаговременно спасти отъ убійства, то невозможно предположить, чтобы спасители пустили его ходить по монастырямъ, а потомъ шататься въ чужой землѣ по панскимъ дворамъ. Ихъ прямой расчетъ побудилъ бы увезти его въ Польшу и отдать тому же Сигизмунду, къ которому названный Димитрій явился изгнанникомъ.

¹⁾ По другому, польскому извѣстію, она сказала: «Было бы меня спрашивать, когда онъ былъ живъ, а теперь, когда вы его убили, онъ уже не мой»; но первое извѣстіе вѣроятнѣе.

Безъ сомнѣнія, Сигизмундъ, имѣя въ рукахъ такой важный залогъ, щедро наградилъ бы тѣхъ лицъ, которыя ему доставили царскаго сына. Кромѣ того, если предположить, что Димитрія укрывали въ отечествѣ, то почему же не объявили о немъ тотчасъ по смерти Ѳедора, когда въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль Борисъ Годуновъ ломался и отказывался отъ предлагаемой ему короны?

Нѣкоторые ученые, обращая вниманіе на искренній и открытый характеръ царствовавшего подъ именемъ Димитрія, приходили къ такому заключенію, что подобнаго характера человѣкъ не способенъ на гнусный обманъ, и хотя не признавали его настоящимъ Димитріемъ, сыномъ Грознаго, но думали, что самъ онъ былъ внутренно убѣжденъ въ томъ, что онъ сынъ царя Ивана Васильевича и былъ настроенъ въ этой мысли боярами. Мнѣніе это представляетъ много вѣроятія, но есть обстоятельства, возбуждающія сомнѣнія въ его достовѣрности. Изъ писемъ Сигизмунда видно, это тотъ человѣкъ разсказывалъ о себѣ, что его спасли именно въ то время, когда совершилось убійство въ Угличѣ. Но тогда Димитрію было уже восемь лѣтъ. Намъ кажется едва ли возможнымъ, чтобъ человѣкъ не помнилъ, что съ нимъ происходило въ восьмилѣтнемъ возрастѣ, и безъ умышеннаго обмана разсказывалъ о томъ, чего съ нимъ не было. Одно только можно сказать по этому поводу: быть можетъ, ему описали углицкое событіе происходившимъ ранѣе того времени, въ какомъ оно дѣйствительно происходило, и онъ повторялъ разсказы со словъ другихъ съ полною къ нимъ вѣрою. Но если такимъ образомъ онъ былъ подготовленъ, то едва ли русскими боярами въ Московской землѣ, а скорѣе всего въ польскихъ владѣніяхъ или какими-нибудь русскими выходцами, которыхъ и при Грозномъ, и при Борисѣ было много, или тѣми же Мнишками и Вишневецкими, среди которыхъ мы застаемъ его. Послѣднее тѣмъ болѣе можетъ показаться вѣроятнымъ, что, по низверженію его съ престола, эти паны сейчасъ же создавали и подставляли другихъ самозванцевъ съ именемъ Дими-

трія; слѣдовательно, могли выдумать и перваго. Оставляя пока нерѣшеннымъ вопросъ о томъ считалъ ли онъ себя настоящимъ Димитріемъ, или былъ сознательнымъ обманщикомъ, мы, однако, не должны слишкомъ увлекаться блескомъ тѣхъ свѣтлыхъ чертъ, которыя проглядываютъ не столько въ его поступкахъ, сколько въ словахъ. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ своего правленія, Димитрій болѣе наговорилъ хорошаго, чѣмъ исполнилъ, а если что и сдѣлалъ, то не слѣдуетъ забывать, что властители вообще въ началѣ своего царствованія стараются дѣлать добро и выказывать себя съ хорошей стороны: исторія представляетъ много примѣровъ, когда самые дурные государи сначала являлись въ свѣтломъ видѣ. Притомъ же, если въ поступкахъ названнаго Димитрія есть черты, несообразныя со свойствами сознательнаго обманщика, то есть и такія, которыя достойны этого призванія; таковы его развратныя потѣхи, о которыхъ рассказываетъ голландецъ Масса, вовсе невооруженный противъ его личности, поступокъ со злополучною Ксенією, наконецъ, слѣдуетъ принять во вниманіе его лживость и притворство, съ которыми онъ показывалъ видъ, будто сожалѣетъ о смерти Годуновыхъ и вѣритъ въ ихъ самоубійство, а между тѣмъ, приближалъ къ себѣ убійцу ихъ, Молчанова, доставлявшаго ему женщинъ для гнусныхъ удовольствій.

Борисъ и патриархъ Іовъ провозгласили его Григоріемъ Отрепьевымъ. Впослѣдствіи то же сдѣлалъ Шуйскій и подтверждалъ это показаніями монаха Варлаама, странствовавшаго съ Григоріемъ Отрепьевымъ. Противъ этого можно сдѣлать слѣдующія возраженія:

1) Если бы названный Димитрій былъ бѣглый монахъ Отрепьевъ, убѣжавшій изъ Москвы въ 1602 году, то никакъ не могъ бы въ теченіе какихъ нибудь двухъ лѣтъ усвоить приемы тогдашняго польскаго шляхтича. Мы знаемъ, что царствовавшей подъ именемъ Димитрія превосходно ѣздилъ верхомъ, изящно танцевалъ, мѣтко стрѣлялъ, ловко владѣлъ саблею и въ совершенствѣ зналъ польскій языкъ; даже въ русской рѣчи его слышенъ былъ не московскій выговоръ.

Наконецъ, въ день своего прибытія въ Москву, прикладываясь къ образамъ, онъ возбудилъ вниманіе своимъ неумѣніемъ сдѣлать это съ такими приемами, какіе были въ обычаѣ у природныхъ москвичей.

2) Названный царь Димитрій привелъ съ собою Григорія Отрепьева и показывалъ его народу. Впоследствии говорили, что это не настоящій Григорій: одни объясняли, что это былъ инокъ Крыпецкаго монастыря, Леонидъ, другіе, что это былъ монахъ Пимень. Но Григорій Отрепьевъ былъ вовсе не такая малоизвѣстная личность, чтобъ можно было подставлять на мѣсто его другого. Григорій Отрепьевъ былъ крестовый дьякъ (секретарь) патріарха Іова, вмѣстѣ съ нимъ ходилъ съ бумагами въ царскую Думу. Всѣ бояре знали его въ лицо. Григорій жилъ въ Чудовомъ монастырѣ, въ Кремлѣ, гдѣ архимандритомъ былъ Пафнутій. Само собою разумѣется, что если бы названный царь былъ Григорій Отрепьевъ, то онъ болѣе всего долженъ былъ бы избѣгать этого Пафнутія и прежде всего постарался бы отъ него избавиться. Но чудовскій архимандритъ Пафнутій въ продолженіе всего царствованія названнаго Димитрія былъ членомъ учрежденнаго имъ сената и, слѣдовательно, видѣлся съ царемъ почти каждый день.

3) Въ Загоровскомъ монастырѣ (на Волыни) есть книга съ собственноручною подписью Григорія Отрепьева; подпись эта не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ почеркомъ названнаго царя Димитрія.

Марина Мнишекъ.

Женщина, въ началѣ XVII вѣка игравшая такую видную, но позорную роль въ нашей исторіи, была жалкимъ орудіемъ той римско-католической пропаганды, которая, находясь въ рукахъ іезуитовъ, не останавливалась ни передъ какими средствами для проведенія завѣтной идеи подчиненія восточной церкви папскому престолу. Мы уже говорили выше о нравственныхъ качествахъ отца Марины, Юрія Мнишка. Съ наступленіемъ господства іезуитовъ, овладѣвшихъ польскимъ королемъ Сигизмундомъ, Мнишекъ, прежде находившійся въ дружескихъ связяхъ съ протестантскими панами, сдѣлался горячимъ католикомъ, готовъ былъ отдать и себя, и свою семью на служеніе іезуитскимъ цѣлямъ, ожидая отъ этого выгодъ и возвышенія для себя. Появленіе Димитрія подало ему удобный поводъ выказать себя вполнѣ. Мы не знаемъ, до какой степени вначалѣ названный Димитрій самъ плѣнился красотою его дочери Марины и въ какой степени долженъ былъ обязаться будущимъ бракомъ съ дочерью пана, тоторый такъ горячо поддерживалъ его предпріятіе. Существуетъ нѣсколько романтическихъ рассказовъ того времени о знакомствѣ Димитрія съ Мариною, объ его любовныхъ объясненіяхъ съ нею, объ ея гордости и кокетствѣ, съ которымъ она разжигала страсть молодого человѣка, наконецъ, о поединкѣ, который имѣлъ будто-бы Димитрій съ какимъ то польскимъ княземъ за прекрасную дочь Юрія; все это, однако, могли быть вымыслы, не имѣющіе для насъ исторической достовѣрности.

Марина была одна изъ нѣсколькихъ дочерей Юрія Мнишка.¹⁾ Судя по старымъ портретамъ и современнымъ описаніямъ, она была съ красивыми чертами лица, черными волосами, небольшого роста. Глаза ея блистали отвагою, а тонкія сжатые губы и узкій подбородокъ придавали что-то сухое и хитрое всей фізіономіи. Мнишекъ свозилъ Димитрія въ Варшаву, увѣрилъ въ томъ, что и духовенство, и король благосклонно относятся къ названному царевичу, и тогда взялъ съ послѣдняго запись на очень выгодныхъ для себя условіяхъ, о которыхъ мы уже говорили. Названный Димитрій, именемъ св. Троицы, обѣщая жениться на пани Маринѣ, наложилъ на себя проклятіе въ случаѣ неисполненія этого обѣщанія; кромѣ тѣхъ суммъ, которыя онъ обязывался выдать будущему тестю, онъ обѣщалъ еще, сверхъ всего, выслать своей невѣстѣ изъ московской казны для ея убранства и для ея обихода разныя драгоценности и столовое серебро. Маринѣ, будущей царицѣ, предоставлялись во владѣніе Новгородъ и Псковъ съ тѣмъ, что самъ царь не будетъ уже управлять этими землями, а въ случаѣ, если царь не исполнитъ такого условія въ теченіе года, Маринѣ предоставлялъ право развестись съ нимъ. Наконецъ, въ этой записи, которою названный царевичъ такъ стѣснялъ себя для своей будущей жены, было выразительно сказано и нѣсколько разъ повторено, также въ числѣ условій брака, что царь будетъ промышлять всеми способами привести къ подчиненію римскому престолу свое Московское Государство. Такимъ образомъ, будущая царица принимала въ глазахъ като-

¹⁾ По гербовнику Нѣсецкаго, Юрій Мнишекъ былъ два раза женатъ. Отъ первой жены изъ фамиліи Тарло, кромѣ двухъ сыновей, Яна и Станислава, у него были двѣ дочери: Марина и Урсула (Вишневецкая); отъ второй жены, княжны Головинской — четыре сына и три дочери: Анна, Августина и Евфросина которыя въ описываемое нами время были все несовершеннолѣтніи. По родословной книгѣ Долгорукова у Мнишка было четыре сына и пять дочерей; старшая изъ нихъ Христина была монахиня, вторая Анна, вышедшая замужъ за пана Шишковскаго, третья Урсула Вишневецкая, четвертая Марина, пятая Евфросина въ супружествѣ къ паномъ Йорданомъ.

ликовъ высокое, апостольское призваніе. Мнишекъ совѣтовалъ Димитрію держать свое намѣреніе въ тайнѣ, пока не вступитъ на престоль. Мнишекъ не довѣрялъ Сигизмунду и опасался, что король захочетъ отдать за Димитрія свою сестру. Сама Марина, какъ говорятъ, вела себя сдержанно и давала понять Димитрію, что она тогда только осчастливитъ его своею любовью, когда онъ добудетъ себѣ престоль и тѣмъ сдѣлается ея достойнымъ.

Димитрій сдѣлался царемъ, но не тотчасъ обратился со своимъ сватовствомъ. Прошло лѣто. Димитрій занимался дѣлами и развлекался женщинами; это до известной степени заставляетъ подозрѣвать, что Димитрій могъ къ обѣщанію, данному сендомирскому воеводѣ, отнестись такъ, какъ относился ко многимъ обѣщаніямъ, даннымъ въ Польшѣ; быть можетъ, онъ бы и не погибъ, если бы нарушилъ это обѣщаніе. Не знаемъ вполнѣ, что побуждало Димитрія исполнить его, но, кажется, что Марина оставила впечатлѣніе въ его сердцѣ. Въ ноябрѣ 1605 года дьякъ Аѳанасій Власевъ, отправленный посломъ въ Польшу, заявилъ Сигизмунду о намѣреніи своего государя сочетаться бракомъ съ Мариною въ благодарность за тѣ великія услуги и усердіе, какія оказалъ ему сендомирскій воевода. Во время обрученія, 12-го ноября, Власевъ, представлявшій лицо государя, удивилъ поляковъ своимъ простодушіемъ и своими московскими приѣмами. Когда, по обряду, совершившій обрученіе кардиналъ Бернардъ Маціевскій спросилъ его, не давалъ ли царь прежде кому-нибудь обѣщанія, посоль отвѣчалъ: «а почему я знаю? Онъ мнѣ не говорилъ этого...» Всѣ присутствующіе разсмѣялись, а Власевъ, какъ будто для большей потѣхи, прибавилъ: «коли-бъ кому обѣщаль, то меня бы сюда не прислалъ.» Благоговѣніе его къ будущей своей государынѣ было такъ велико, что онъ не рѣшился надѣть, какъ слѣдовало, обручальное кольцо и прикоснуться обнаженной рукой до руки Марины. Послѣ обрученія былъ обѣдъ, а потомъ балъ. Марина — говоритъ одинъ изъ очевидцевъ — была дивно хороша и прелестна въ этотъ вечеръ въ коронѣ изъ

драгоценныхъ камней, расположенныхъ въ видѣ цвѣтовъ. Московскіе люди и поляки равно любовались ея стройнымъ станомъ, быстрыми, изящными движеніями и роскошными черными волосами, разсыпанными по бѣлому серебристому платью, усыпанному камнями и жемчугомъ. Посоль не танцевалъ съ нею, говоря, что онъ не достоинъ прикоснуться къ своей государынѣ. Но послѣ танцевъ этого посла поразила непріятная для московскаго человѣка сцена. Мнишекъ подвелъ дочь къ королю, приказалъ кланяться въ ноги и благодарить короля за великія его благодѣянія, а король проговорилъ ей поученіе о томъ, чтобъ она не забывала, что родилась въ Польскомъ королевствѣ и любила бы обычаи польскіе. Власевъ тогда же замѣтилъ канцлеру Сапѣгѣ, что это оскорбительно для достоинства русскаго государя.

Димитрій отправилъ черезъ своего секретаря Бучинскаго къ сендомирскому воеводѣ требованіе, клонившееся къ тому, чтобы его будущая супруга, по крайней мѣрѣ наружно, соблюдала религіозныя приемы, обычныя въ Московскомъ Государствѣ, дабы не вводить въ соблазнъ русскихъ, а именно: чтобъ она причащалась въ русской церкви и соблюдала ея уставы, оказывала всякое почтеніе греческому богослуженію, не ходила бы послѣ замужества съ открытыми волосами и постилась бы въ среду, а въ субботу ѣла мясо; вмѣстѣ съ тѣмъ у себя дома Димитрій предоставлялъ ей исполнять, какъ угодно, обязанности благочестія. Требованіе это очень не нравилось римско-католическому духовенству. Собственно Димитрій требовалъ совсѣмъ противное тому, чего желали папа и католическіе духовные, т.-е. онъ домогался, чтобъ его жена въ глазахъ всего русскаго народа присоединилась къ православію. Что касается до дозволенія выражать какъ угодно у себя благочестіе, то это не показывало въ немъ особаго расположенія къ распространенію католичества: то была свобода совѣсти, которую онъ проповѣдывалъ всѣмъ своимъ подданнымъ. Требованіе насчетъ исполненія православныхъ обрядовъ пришло въ такое время, когда папа заботился о томъ, чтобы

сдѣлать Марину своимъ орудіемъ, и написалъ ей письмо, въ которомъ, поздравляя съ обрученіемъ, выражался такъ: «теперь-то мы ожидаемъ отъ твоего величества всего того, чего можно ждть отъ благородной женщины, согрѣтой ревностью къ Богу. Ты, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ сыномъ нашимъ, супругомъ твоимъ, должна всѣми силами стараться, чтобы богослуженіе католической религіи и ученіе св. апостольской церкви были приняты вашими подданными и водворены въ вашемъ государствѣ прочно и незыблемо. Вотъ твое первое и главнѣйшее дѣло». Папскій нунцій въ Польшѣ, Рангони, на требованіе Димитрія отвѣчалъ, что онъ не можетъ исполнить желанія царя относительно его невѣсты, что это требуетъ власти больше той, какою облеченъ нунцій, убѣждалъ оставить свои домогательства и устранить всѣ затрудненія силою своей самодержавной власти. Римскій дворъ, получивши извѣстіе о требованіи Димитрія, догадался, что московскій царь обращается совсѣмъ не въ ту сторону, куда надѣялись направить его отцы іезуиты; тамъ нашли недозволительнымъ, чтобы Марина соблюдала обряды греческой церкви, и кардиналъ Боргезе писалъ къ папскому нунцію въ Польшѣ: «пусть Марина остается непремѣнно при обрядахъ латинской церкви, иначе Димитрій будетъ находить новое оправданіе своему упорству». Весьма можетъ быть, что замедленіе пріѣзда Марины въ Москву зависѣло, между прочимъ, отъ недоразумѣній, возникшихъ по этому религіозному вопросу. Обѣ стороны, не сошедшись между собою, рѣшились на хитрости: Димитрій надѣялся, что его жена, живучи въ Москвѣ, свыкнется съ необходимостью дѣлать уступки народнымъ обычаямъ, а католическая пропаганда отпускала Марину въ Москву, надѣясь, что она силою женской прелести сумѣетъ все передѣлать сообразно папскимъ видамъ.

Марина, со множествомъ сопровождавшихъ ее лицъ, переѣхала границу 8-го апрѣля. Паны ѣхали не на короткое время и надѣялись попировать на славу. Мнишекъ везъ за собою одного венгерскаго нѣсколько десятковъ бочекъ. Тысячи московскихъ людей устра-

ивали для нихъ мосты и гати. Вездѣ въ Московской землѣ встрѣчали Марину священники съ образами, народъ съ хлѣбомъ-солью и дарами. Мнишекъ съ роднею нѣсколькими днями ранѣе ея прибылъ въ Москву. Нареченная царица ѣхала за нимъ медленно и, приблизившись къ Москвѣ, остановилась въ заранѣе приготовленныхъ для нея шатрахъ. Здѣсь московскіе гости и купцы приносили ей поклоны и подносили подарки. 3-го мая Марина самымъ пышнымъ образомъ въѣхала въ столицу. Народъ въ огромномъ стеченіи привѣтствовалъ свою будущую государыню. Посреди множества каретъ, ѣхавшихъ впереди и сзади и нагруженныхъ панами и паньями, ѣхала будущая царица, въ красной каретѣ съ серебряными накладками и позолоченными колесами, обитой внутри краснымъ бархатомъ, сидя на подушкѣ, унизанной жемчугомъ, одѣтая въ бѣлое атласное платье, вся осыпанная драгоценными камнями. Звонъ колоколовъ, громъ пушечныхъ выстрѣловъ, звуки польской музыки, восклицанія, раздавшіяся разомъ и по-великорусски, и по-малорусски, и по-польски, сливались между собою. Едва ли еще когда-нибудь Москва принимала такой шумный праздничный видъ. Молодая царица, въѣзжая въ ворота Кремля, казалось, приносила съ собою залогъ великой и счастливой будущности, мира, прочнаго союза для взаимной безопасности славянскихъ народовъ, роскошныя надежды славы и побѣды надъ врагами христіанства и образованности. Но то былъ день оболъщенія; ложь была подкладкою всего этого мишурнаго торжества.

Марина остановилась въ Вознесенскомъ монастырѣ у матери царя, принявшей невѣстку, какъ говорятъ, радушно.

Но тяжела показалась полькѣ обстановка русскаго почета. Марина съ перваго раза не сумѣла переломить себя настолько, чтобы скрыть неуваженіе къ русскимъ обычаямъ. Прискорбно ей было, что ее лишали возможности слушать католическую обѣдню; ее тяготило то, что она должна была жить въ схизматическомъ монастырѣ, а народъ, не допускавшій сомнѣнія въ приверженности своего царя къ отеческой вѣрѣ, думалъ и

говорилъ тогда, что царскую невѣсту для того и помѣстили въ монастырѣ, чтобъ познакомить съ обрядами православной церкви, къ которой она присоединится. Шляхтянки, окружавшія Марину, подняли вопль, побѣждали къ панѣ, сохачевской старостинѣ, слушать обѣдню, которую отправлялъ пріѣхавшій съ этою паньею ксендзъ въ ея помѣщеніи, и Димитрій долженъ былъ утѣшать этихъ женщинъ, обѣщая имъ скорое возвращеніе на родину. Когда Маринѣ принесли кушанье, она объявила, что не можетъ сносить московской кухни, и царь прислалъ къ ней польскаго повара. Царь угощалъ у себя родственниковъ невѣсты, а невѣста должна была изъ приличія сидѣть въ монастырѣ, но чтобъ ей не было скучно, царь послалъ ей для развлеченія польскихъ музыкантовъ и пѣсенниковъ, не обращая вниманія, что русскіе соблазнялись: неслыханное для нихъ было явленіе — пѣни и музыка въ святой обители; и Димитрій, и Марина отнеслись къ этому съ достойнымъ другъ друга легкомысліемъ. Не только пѣснями и музыкою забавлялъ Димитрій свою будущую подругу: онъ прислалъ ей для развлеченія еще шкатулку, въ которой было много драгоценностей, говорятъ даже, будто цѣнность ихъ простиралась до 500.000 руб. Марина могла утѣшаться, пересматривая ихъ и примѣривая къ себѣ то, что служило для женскаго украшенія. Ея родитель, не знавшій границъ любви своей къ деньгамъ, въ то же время для своего утѣшенія получилъ также сто тысячъ золотыхъ.

Между тѣмъ у духовенства поднялся вопросъ: слѣдуетъ ли допустить къ бракосочетанію Марину католичку или необходимо крестить ее въ православную вѣру, какъ не-христіанку? Царь, вѣрный своему всегдашнему взгляду, что всѣ христіанскія религіи равны и слѣдуетъ предоставить вѣру внутренней совѣсти каждаго, требовалъ отъ своей жены только наружнаго исполненія обрядовъ и уваженія къ церкви; патріархъ Игнатій потакалъ ему; но поднялся тогда казанскій митрополитъ Гермогенъ и коломенскій епископъ Юсифъ, оба суровые ревнители православія, оба ненавистники всего иноземнаго. Димитрій выпроводилъ Гермогена

въ его епархію. Въ четвергъ 8-го мая назначенъ былъ день свадьбы.

По русскому обычаю, не вѣнчались наканунѣ постныхъ дней; правда, это собственно не составляло церковнаго правила, а только благочестивый обычай: царь не хотѣлъ оказывать уваженія къ обычаямъ. Съ прїѣздомъ Марины Димитріемъ черезчуръ овладѣло польское легкомысліе.

Свадьба устроена была по завѣтному прадѣдовскому чину съ короваями, съ тысяцкимъ, съ дружками, съ свахами. Марина, не любившая русской одежды, должна была на этотъ разъ переломить себя и явилась въ столовую избу въ русскомъ бархатномъ платьѣ съ длинными рукавами, усаженномъ дорогими каменьями и жемчугомъ до того густо, что трудно было распознать цвѣтъ матеріи; она была обута въ сафьянныя сапоги; голова у нея была убрана попольски, повязкою, переплетенною съ волосами. Послѣ обычныхъ церемоній новобрачные со свадебнымъ поѣздомъ отправились въ Успенскій соборъ; пришлось цѣловать иконы; польки, къ соблазну православныхъ, цѣловали изображенія святыхъ въ уста. Прежде вѣнчанія царь изъявилъ желаніе, чтобъ его супруга была коронована. Неизвѣстно: было ли это желаніе самого царя изъ любви къ своей невѣстѣ или же, что вѣроятнѣе, слѣдствіе честолюбія Марины и ея родителя, видѣвшихъ въ этомъ обрядѣ ручательство въ силѣ титула: чтобъ Марина пріобрѣла этотъ титулъ не по бракосочетанію съ царемъ, подобно многимъ царицамъ, изъ которыхъ уже не одну цари спроваживали, по ненадобности, въ монастырь, а вступила въ бракъ съ царемъ уже со званіемъ московской царицы. Послѣ коронованія Марина была помазана на царство и причастилась св. Тайнъ.

Принятіе св. Тайнъ по обряду восточной церкви уже дѣлало ее православною: такъ думалъ царь и съ нимъ тѣ русскіе, которые, отрѣшаясь отъ строгихъ взглядовъ, были снисходительнѣе къ иновѣрцію; но въ глазахъ такихъ, для которыхъ католики были въ равной степени погаными, какъ жида и язычники, это было оскорбленіе святыни.

Совершилось вѣнчаніе. Ксендзь проговорилъ въ Успенскомъ соборѣ проповѣдь или рѣчь; она тѣмъ болѣе была неумѣстною, что произносилась на латинскомъ языкѣ, ни для кого изъ русскихъ непонятномъ. Свадьба, однако, какъ началась, такъ и окончилась во дворцѣ по всемъ правиламъ русскаго свадебнаго чина.

Потекли веселые дни пировъ и праздниковъ. Марина, по требованію царя, хотя и являлась въ русскомъ платьѣ, когда принимала поздравленія отъ русскихъ людей, но предпочитала польское, и самъ царь одѣвался по-польски, когда веселился и танцевалъ съ своими гостями. Марину плѣнялъ рядъ готовившихся удовольствій. Въ воскресенье готовился маскарадъ съ великолѣпнымъ освѣщеніемъ дворцовъ, а за городомъ устраивали примѣрную крѣпость, которую царь прикажетъ однимъ брать приступомъ, а другимъ защищать. Поляки затѣвали рыцарскій турниръ въ честь новобрачной четы. Много иныхъ веселыхъ плановъ представлялось для суетной и избалованной судьбою Марины.

Но вмѣсто ожидаемыхъ празднествъ и забавъ настало 16 мая. Разбуженная набатнымъ звономъ, не нашедши подлѣ себя супруга, царица наскоро надѣла юбку и съ растрепанными волосами бросилась изъ своихъ комнатъ, сбѣжала въ нижніе покои каменнаго дворца и хотѣла-было укрыться въ закоулкѣ. Но ея уши поражали звонъ набата, трескъ выстрѣловъ, неистовые крики. Марина выскочила изъ своего убѣжища, поднялась опять на лѣстницу; тутъ встрѣтили ее заговорщики, искавшіе царя, убѣжавшаго изъ деревяннаго дворца. Ее не узнали и только столкнули съ лѣстницы. Она вбѣжала въ свои покои, къ своимъ придворнымъ дамамъ. Толпа московскихъ людей бросилась туда съ намѣреніемъ найти ненавистную еретичку. Изъ мужчинъ былъ одинъ только юноша, пажъ Марины, Осмольскій. Двери заперли. Осмольскій сталъ съ саблею въ рукѣ и говорилъ, что убійцы только по его трупу доберутся до царицы. Двери разломали. Осмольскій палъ подъ выстрѣлами; тѣло его изрубили

въ куски. Испуганныя польки сбились въ кружокъ. Если Шуйскій, для пополненія своихъ соумышленниковъ, выпустилъ изъ тюремъ преступниковъ, то неудивительно, что ворвавшіеся къ женщинамъ москвичи начали прежде всего отпускать непристойныя выходки и съ площадною бранью спрашивали, гдѣ царь и гдѣ его еретичка-царица. Бѣдная Марина, какъ рассказываютъ, будучи небольшого роста, спряталась подъ юбкою своей охмистрины. Къ счастью, прибѣжали бояре и разогнали неистовую толпу.

Съ тѣхъ поръ Марина оставалась во дворцѣ до среды будущей недѣли; къ ней приставили стражу. Шуйскій былъ внимателенъ къ ней. Зная, что она не любитъ московскаго кушанья, приказалъ носить ей кушанье отъ отца: ея собственный поваръ былъ умерщвленъ въ день расправы съ Димитріемъ и поляками. Въ среду пришли къ ней московскіе люди отъ бояръ и сказали: «мужъ твой, Гришка Отрепьевъ, воръ, измѣнникъ и прелестникъ, обманулъ насъ всѣхъ, назвавшись Димитріемъ, а ты знала его въ Польшѣ и вышла за него замужъ, тебѣ вѣдомо было, что онъ воръ, а не прямой царевичъ. За это отдай все и вороти, что воръ тебѣ въ Польшу пересылалъ и на Москвѣ давалъ.»

Марина указала имъ на свои драгоценности и сказала:

— Вотъ мои ожерелья, камни, жемчугъ, цѣпи, браслеты... Все возьмите, оставьте мнѣ только ночное платье, въ чемъ бы я могла уйти къ отцу. Я готова вамъ заплатить и за то, что проѣла у васъ съ моими людьми.

— Мы за проѣсть ничего не беремъ, — сказали москвичи, — но вороти намъ тѣ 55.000 руб., что воръ переслалъ тебѣ въ Польшу.

— Я истратила на путешествіе сюда не только то, что мнѣ присылали, но еще и много своего, чтобъ честнѣе было вашему царю и вашему государству. У меня болѣе ничего нѣтъ. Отпустите меня на свободу съ отцомъ; мы вышлемъ вамъ все, что требуется.

Въ то же время у Мнишка забрали десять тысячъ

рублей деньгами, кареты, лошадей и вино, которое онъ привезъ съ собою.

Марину, обобранную до-чиста, отослали къ отцу, а на другой день прислали ей, какъ будто на по-смѣяніе, пустые сундуки. Къ отцу и дочери приставили стражу.

Итакъ, недавнее царственное величіе, радость родныхъ, поклоненіе подданныхъ, пышность двора, богатство нарядовъ, надежды тщеславія, все исчезло! Изъ вѣнчанной повелительницы народа, такъ недавно еще встрѣчавшаго ее съ восторгомъ, она стала невольницею; честное имя супруги великаго монарха замѣнилось позорнымъ именемъ вдовы обманщика, со-участницы его преступленія.

Часть поляковъ отпущена была домой, но знатные паны съ своею ассистенціею оставлены подъ стражею. Новый царь задержалъ также и польскихъ пословъ, а въ Польшу отправилъ своихъ. Онъ опасался, что Сигизмундъ начнетъ мстить за рѣзню, произведенную въ Москвѣ надъ поляками; царь хотѣлъ, до поры до времени, удержать въ своихъ рукахъ заложниками и пословъ съ ихъ свитами, и свадебныхъ гостей низверженнаго царя, и его супругу съ тестемъ. Марина съ отцомъ помѣщены были въ домѣ, принадлежавшемъ дьяку Аѳанасію Власьеву, котораго новый царь сослалъ за вѣрную службу Димитрію, приказавъ, какъ велось, все его имущество отписать на себя.

Между тѣмъ на Шуйскаго готовился идти другой Димитрій. Михайло Молчановъ, убѣжавши изъ Москвы, прибылъ въ Самборъ и въ соумышленіи съ женою Мнишка началъ прискивать новаго самозванца. Ему самому сначала хотѣлось разыгрывать Димитрія, но наружность его черезчуръ не подходила къ этой роли; онъ могъ сказать только Димитріемъ передъ Болотниковымъ, русскимъ плѣнникомъ, возвращавшимся въ отечество, никогда не выдавшимъ прежнаго названнаго Димитрія. Онъ поручилъ ему собирать противъ Шуйскаго силы русскаго народа, увѣряя всѣхъ и каждого, что Димитрій спасся отъ смерти въ Москвѣ и явится снова отнимать свой престоль у похитителя. Шуй-

скому показалось опаснымъ оставлять поляковъ въ Москвѣ. Въ столицѣ стали появляться подметныя письма, извѣщавшія, что Димитрій¹⁾ живъ. Не всѣ могли удостовѣриться собственными глазами, что прежній царь былъ убитъ; трупъ его, выставленный на Красной площади, былъ до такой степени обезображенъ, что нельзя было распознать въ немъ чертъ человѣческаго лица. Начали ходить толки о томъ, что выставленный трупъ совсѣмъ не былъ трупомъ царя. Шуйскій боялся мятежа: тогда поляковъ могли освободить. Онъ разсудилъ за благо отправить ихъ подальше, и въ августѣ 1606 года разослалъ по разнымъ городамъ: Марину съ отцомъ, братомъ, дядею и племянникомъ Мнишка послали въ Ярославль. Тамъ они пребывали подъ стражею до іюня 1608 года.

Между тѣмъ, совершились важныя перевороты. Болотниковъ именемъ спасавшагося въ другой разъ отъ смерти Димитрія успѣлъ поднять на ноги русскій народъ; Шуйскій едва-едва удержался, но Димитрій, котораго всѣ ждали, не явился; народъ, утомившись ожиданіемъ, оставилъ Болотникова; Шуйскій, послѣ упорной борьбы, уничтожилъ его. Но вдругъ новый названный Димитрій явился въ Стародубѣ. Объ его личности сохранились до крайности противорѣчивыя извѣстія. По всему видно, онъ былъ только жалкимъ орудіемъ партіи польскихъ пановъ, рѣшившейся во что бы ни стало произвести смуту въ Московскомъ Государствѣ. Здѣсь несомнѣнно участіе жены Мнишка, мстившей за плѣнъ своего мужа. Разсказываютъ, что самозванецъ, вышедшій изъ литовскихъ владѣній въ Московское Государство, по внушенію агента жены Мнишка, Мѣховецкаго, не рѣшился сразу назвать себя царемъ, а назвался дядею Димитрія Нагимъ.

¹⁾ По однимъ извѣстіямъ онъ назывался Богдановъ и былъ литвинъ, по другимъ — крещеный, по третьимъ — некрещеный еврей, по четвертымъ — сынъ Курбскаго, по пятымъ — его отыскалъ въ Кіевѣ путивльскій попъ Воробей, по шестымъ — его выслала въ Московское Государство жена Мнишка, по седьмымъ — онъ былъ родомъ стародубецъ и училъ дѣтей сначала въ Шкловѣ, а потомъ въ Могилевѣ.

Пришедши въ Стародубъ, вмѣстѣ съ подъячимъ Алексѣемъ Рукинымъ, онъ объявилъ, что самъ онъ Нагой, а за нимъ идетъ Димитрій съ паномъ Мѣховецкимъ. Рукинъ отправился въ Путивль и тамъ объявилъ, что Димитрій уже въ Стародубѣ. Путивльцы съ нимъ отправились въ Стародубъ, приступили къ названному Нагому, спрашивали: «гдѣ Димитрій?» Мнимый Нагой отвѣчалъ: «Не знаю». Тогда путивльцы вмѣстѣ съ стародубцами напали на Рукина за то, что онъ ложно сказалъ, будто Димитрій въ Стародубѣ, стали бить его кнутомъ, приговаривая; «говори, гдѣ Димитрій?» Рукинъ, не стерпя муки, указалъ на того, кто назвался Нагимъ, и сказалъ: «Вотъ Димитрій Ивановичъ, онъ стоитъ передъ вами и смотритъ, какъ вы меня мучите. Онъ вамъ не объявилъ о себѣ сразу, потому что не зналъ, рады ли вы будете его приходу». Новопоказанному Димитрію не оставалось ничего, какъ только назваться Димитріемъ или подвергнуться пыткамъ. Онъ принялъ повелительный видъ, грозно махнулъ палкою и закричалъ: «Ахъ вы, сякіе дѣти, я государь!» Стародубцы и путивльцы упали къ его ногамъ и закричали: «Виноваты, государь, не узнали тебя; помилуй насъ. Рады служить тебѣ и животъ свой положить за тебя». Съ тѣхъ поръ онъ остался Димитріемъ. Немедленно къ нему стеклось до трехъ тысячъ русскихъ съ Сѣверской земли. Пришелъ выславшій его Мѣховецкій съ отрядомъ украинской вольницы, ожидавшійся на границѣ, что станется съ самозванцемъ, когда онъ объявитъ о себѣ русскимъ. Потомъ присталъ къ нему донской атаманъ Заруцкій, родомъ изъ Червонной Руси, отправленный Болотниковымъ искать Димитрія. Мѣховецкій разослалъ въ Польшу письма и извѣщалъ, что Димитрій явился, что пришла для поляковъ пора военной славы и мщенія за убитыхъ въ Москвѣ. По этимъ письмамъ одинъ за другимъ прибыли къ самозванцу паны: Адамъ Вишневецкій, Хруслинскій, Хмѣлевскій, Валавскій, Самуиль Тишкевичъ и самый сильный князь Романъ Рожинскій. У всѣхъ ихъ было по значительному отряду вольницы, человѣкъ до 1000 въ каждомъ, а у Рожинскаго болѣе

4 тысячъ; кромѣ того, князь Рожинскій былъ чело-
вѣкъ съ вѣсомъ и его войско увеличивалось съ ка-
ждымъ днемъ новыми пришельцами. Тутъ были пре-
ступники, такъ-называемые «баниты», осужденные за
разныя своевольства и избѣгавшіе законной казни,
проигравшіеся и пропившіеся шляхтичи, которымъ,
ради насущнаго хлѣба, надобно было приняться за
какое-нибудь ремесло, а по тогдашнимъ польскимъ
понятіямъ только военное ремесло и было достойно
шляхетскаго званія. Были здѣсь и неоплатные долж-
ники, бѣжавшіе отъ заимодавцевъ, наконецъ, были
такіе молодцы, для которыхъ было все равно, въ ка-
кую бы сторону ни отправиться, лишь бы весело по-
жить; а, по ихъ понятіямъ, весело пожить — значило
грабить, разорять и вообще дѣлать кому-нибудь вредъ.
Польская вольность произвела чрезвычайное множество
такихъ, о чемъ свидѣлствуютъ и современные акты,
и горькія жалобы польскихъ моралистовъ. Все это
бросилось въ Московскую землю подъ знамя ново-
отысканнаго Дмитрія. Никто не вѣрилъ, чтобъ онъ
былъ настоящимъ. Князь Рожинскій отстранилъ Мѣ-
ховецкаго, принялъ званіе гетмана и началъ такъ
помыкать названнымъ царемъ, что послѣдній два раза
хотѣлъ убѣжать отъ чести называться царемъ, но его
возвращали и принуждали снова играть взятую роль.
Въ третій разъ въ отчаяніи онъ началъ пить водку,
которой прежде не пилъ, хотѣлъ дойти до смерти,
но это ему не удалось, и онъ рѣшился предаться
своему жребію.

Дѣла новаго самозванца пошли успѣшно. Вѣсть
о томъ, что Дмитрій живъ, быстро разнеслась по
Руси. Поляки съ нимъ двинулись — и городъ сда-
вался за городомъ. Взяты были Карачевъ, Брянскъ,
Орель. Отсюда, остановившись, самозванецъ разослалъ
грамоту, въ которой убѣждалъ русскій народъ съ
одной стороны — отступить отъ Шуйскаго, а съ другой
— не вѣрить царевичамъ, которые тогда появлялись
одинъ за другимъ въ разныхъ мѣстахъ. «Вѣдомо
намъ учинилось, — писалъ онъ, — что, грѣхъ ради
нашихъ и всего Московскаго Государства, объявилось

въ немъ еретичество великое: вражѣмъ навѣтомъ, злокозненнымъ умысломъ, многіе стали называться царевичами московскими». Онъ приказывалъ такихъ царевичей ловить, бить кнутомъ и сажать въ тюрьму до царскаго указа. Выступивши весною изъ Орла, самозванецъ со всею шайкою разбилъ войско Шуйскаго подъ Болховымъ и безпрепятственно дошелъ до самой Москвы. Перваго іюля онъ прибылъ къ Москвѣ, а на другой день поляки заложили лагерь въ восьми верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ, между Москвою рѣкою и впадавшею въ нее рѣкою Восточною¹⁾. Съ тѣхъ поръ каждый день шайка увеличивалась и поляками, и русскими. Пришли къ Самозванцу паны: Млоцкій, Александръ Зборовскій, Выламовскій, Стадницкій и отважный богатырь Янъ Сапѣга, племянникъ канцлера Льва, осужденный въ отечествѣ за буйство. Всѣ они привели съ собою отряды вольницы, подъ названіемъ гусарь и казаковъ. Толпы русскихъ стекались въ Тушино; пріѣхали къ самозванцу съ поклономъ и люди знатнаго рода: столькожъ князь Димитрій Тимоѣевичъ Трубецкой, князь Димитрій Черкасскій, князь Алексѣй Сицкій, князь Василій Мосальскій, князя Засѣкины и другіе. Люди, чувствовавшіе за собою мало значенія въ государствѣ Шуйскаго, желая подняться въ чинахъ, увидѣли возможность возвышенія, примкнувши къ иному государю. Города за городами стали отпадать отъ Шуйскаго и провозгласили царемъ спасеннаго Димитрія; сторонники Шуйскаго прозвали его Тушинскимъ воромъ, и это имя осталось за нимъ въ исторіи.

Въ это время Шуйскій, послѣ двухлѣтнихъ недоразумѣній и споровъ, заключилъ съ польскими послами перемиріе на три года и одиннадцать мѣсяцевъ. По этому перемирію, всѣхъ задержанныхъ поляковъ слѣдовало отпустить и дать все нужное до границы. Марину съ семейю привезли въ Москву. Она должна была отказаться отъ титула московской царицы, а Мнишекъ далъ обязательство не называть вора зятемъ.

¹⁾ На этомъ мѣстѣ донинѣ уцѣлѣлъ валъ.

Такъ какъ затруднительно было ѣхать прямо на Смоленскъ, то ихъ повезли въ Угличъ, оттуда на Тверь, а изъ Твери на Бѣлую. Мнишекъ какъ-то успѣлъ дать знать въ Тушино, что они ѣдутъ въ Польшу, съ тѣмъ, чтобъ ихъ перехватили на дорогѣ. Провожаль ихъ князь Владимір Долгорукій съ тысячею ратныхъ людей. Рожинскій изъ тушинскаго лагеря послалъ въ погону отрядъ подъ начальствомъ Зборовскаго; съ нимъ поѣхали и русскіе люди подъ начальствомъ Мосальскаго. Такъ какъ поляки навѣрно не знали, согласится ли Марина признать обманщика за прежняго мужа, то отправили погону только для того, чтобъ русскіе повсюду узнали, что царь посылаетъ за женою. На самомъ же дѣлѣ они не желали, чтобъ она была захвачена. Но Мнишекъ нарочно ѣхалъ медленно, такъ что 16-го августа его нагнали подъ деревнею Любеницами, уже недалеко отъ границы. Провожатые разбѣжались. Марина, страшась за неизвѣстность своей судьбы, отдалась подъ защиту Яна Сапѣги, который съ 7.000 удалцовъ шелъ къ Тушину; Сапѣга увѣрилъ Марину, что мужъ ея дѣйствительно спасся, и повезъ ее съ собою. Марина не видала трупа названнаго царя Димитрія, повѣрила, и такъ была рада, что, ѣдучи въ каретѣ, веселилась и пѣла. Тогда къ ней подѣхалъ князь Мосальскій и сказалъ: «Вы, Марина Юрьевна, пѣсенки распѣваете, оно бы кстати было, если бы вы въ Тушинѣ нашли вашего мужа; на бѣду тамъ уже не тотъ Димитрій, а другой.» Марина стала вопить и плакать. Князь Мосальскій, страшась за это мщенія отъ поляковъ, бѣжалъ съ дороги къ Шуйскому.

Марину 1-го сентября привезли противъ воли въ Тушино. Рожинскій явился къ ней и пригласилъ въ обозъ. Марина кричала, что не поѣдетъ ни за что. Везти ее насильно оказывалось неудобнымъ; нужно было, чтобы все видѣли нѣжную радость супруговъ при свиданіи. Пять дней уговаривалъ Марину Сапѣга: она не поддавалась. Но Мнишекъ вмѣстѣ съ Рожинскимъ и Зборовскимъ отправился къ «вору»; тотъ обѣщаль ему 100,000 руб. и Сѣверскую землю съ четырнадцатью городами. Мнишекъ продалъ свою дочь.

Воръ на другой день пріѣхалъ къ Маринѣ. Марина отвернулась отъ него съ омерзениемъ. Паны принуждены были приставить къ ней стражу. Но при помощи нѣжнаго родителя, наконецъ, уговорили Марину. Къ этому присоединились убѣжденія какого-то іезуита, который увѣрялъ, что съ ея стороны это будетъ высокій подвигъ въ пользу церкви. Марина согласилась играть комедію съ условіемъ, что называвшій себя Димитріемъ не будетъ жить съ нею, какъ съ женою, пока не овладѣетъ московскимъ престоломъ. Замѣчательно, что польскій посолъ Олесницкій, также захваченный на дорогѣ и привезенный въ тушинскій лагерь, ѣздилъ съ воромъ въ одной коляскѣ къ Маринѣ и, вѣроятно, уговаривалъ ее играть позорную комедію, а при отъѣздѣ получилъ отъ вора грамоту на владѣніе городомъ Бѣлою. На другой день Сапѣга съ распущенными знаменами повезъ Марину въ воровской таборъ; тамъ посреди многочисленнаго войска мнимые супруги бросились другъ другу въ объятія и благодарили Бога за то, что далъ имъ соединиться вновь.

Мнишекъ пробылъ въ таборѣ вора около четырехъ мѣсяцевъ и потомъ уѣхалъ въ Польшу. Между Мнишкой и дочерью возникли холодныя отношенія. Мнишекъ сносился съ воромъ, а къ дочери не писалъ. Въ январѣ 1609 года Марина писала къ отцу: «Я нахожусь въ печали, какъ по причинѣ вашего отъѣзда, такъ и потому, что простила съ вами не такъ, какъ хотѣлось; я надѣялась услышать изъ устъ вашихъ благословеніе, но, видно, я того недостойна. Слезно и умиленно прошу васъ, если я когда-нибудь, по неосторожности, по глупости, по молодости или по горячности, оскорбила васъ, простите меня и пошлите дочери вашей благословеніе . . . Какъ будете писать его царской милости, упомяните и обо мнѣ, чтобъ онъ оказывалъ мнѣ любовь и уваженіе, а я обѣщаю вамъ исполнить все, что вы мнѣ поручили, и вести себя такъ, какъ вы мнѣ повелѣли.» Но отвѣта не получила Марина. Она просила у отца чернаго бархата на платье. Отвѣта не было. Вскорѣ и воръ началъ жаловаться, что Мнишекъ ему не пишетъ. Въ мартѣ того же года Марина писала

къ отцу и жаловалась, что съ нею поступаютъ не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ Мнишка; припоминала, какъ отецъ ея вмѣстѣ съ нею кушалъ вкусныхъ лососей и пилъ старое вино; скорбѣла о томъ, что въ Тушинѣ нѣтъ ни того, ни другого, и просила прислать. Отецъ не отвѣчалъ. Наконецъ, въ августѣ она опять написала ему, жаловалась, что, несмотря на множество писемъ, не получала никакого отвѣта и только отъ чужихъ узнавала о родителяхъ. Видно, Мнишекъ сообразилъ, что дѣло Тушинскаго Вора въ Польшѣ не можетъ обратиться въ его пользу, такъ какъ Сигизмундъ не намѣренъ былъ поддерживать самозванца, а затѣвалъ самъ овладѣть Московскимъ Государствомъ; поэтому сендомирскій воевода игралъ роль, будто не участвуетъ въ обманѣ, не одобряетъ поступковъ дочери, и оставилъ ее на произволъ судьбы.

Призаніе Мариною новаго Димитрія своимъ мужемъ сильно подняло его сторону. Русскіе города съ землями одинъ за другимъ признавали его. Южныя области, кромѣ Рязани, уже прежде были за него; послѣ того, какъ разошлась вѣсть о соединеніи его съ Мариною, сдались ему: Пековъ, Иванъ-Городъ, Орѣшекъ, Переяславль-Залѣскій, Суздаль, Угличъ, Ростовъ, Ярославль, Тверь, Бѣжецкій-Верхъ, Юрьевъ, Кашинъ, Торжокъ, Бѣлоозеро, Вологда, Владиміръ, Шуя, Балахна, Лухъ, Гороховецъ, Арзамасъ, Романовъ и другіе. Новгородъ едва держался; Нижній и Смоленскъ стояли за Шуйскаго, но мордва беспокоила Нижній и многіе изъ этого города бѣжали къ Димитрію. Сапѣга осаждалъ Троицу, но не могъ взять, несмотря ни на какія усилія. Въ такомъ положеніи были дѣла вора нѣсколько мѣсяцевъ. Тушинскій лагерь безпрестанно наполнялся и поляками, и русскими. Въ немъ было до 18,000 конныхъ и 2,000 пѣшихъ поляковъ, болѣе 40,000 разныхъ казаковъ, и запорожскихъ, и донскихъ, и неопредѣленное число московскихъ людей. Сами предводители не знали, сколько ихъ было, потому что одни убывали, другіе прибывали. Польское войско у Димитрія состояло изъ сбродныхъ командъ, составленныхъ на свой счетъ панами или же образовавшихся

въ видѣ товариществъ; во всякой командѣ были свои правила и всѣ присягали повиноваться своему предводителю. Кромѣ того въ обозѣ было множество обо его пола слугъ. Поляки надѣвали на голову желѣзный шишакъ, на тѣлѣ, сверхъ жупана, большею частью бѣлаго цвѣта, носили сѣтку изъ плетеной проволоки или изъ желѣзныхъ колець, а иные — панцири изъ бляхъ. Сверхъ вооруженія накидывали синій плащъ. У гусаровъ оружіемъ былъ «концеръ» (короткій палашъ), маленькое ружье и длинное копье, воткнутое у луки сѣдла съ двухцвѣтнымъ значкомъ; конецъ копьа волочился по землѣ и оттого такія копьа назывались «влочнями». Гусарскія сѣдла покрывались звѣринными шкурами, а къ бокамъ коней привязывались крылья. Запорожцы, вооруженные самопалами и копьями, унавались по широкимъ краснымъ шароварамъ, чернымъ киреямъ и высокимъ бараньимъ шапкамъ, Донцы и московскіе люди были одѣты чрезвычайно разнообразно: иные были вооружены луками и колчанами; но ихъ можно было по наружности отличать отъ поляковъ и малороссіянъ по колпакамъ, высокимъ воротникамъ и длиннымъ рукавамъ, собраннымъ въ складки. Главная сила вора состояла тогда въ казачествѣ, которое стремилось къ ниспроверженію прежняго порядка и установленію казачьей вольности. У нашего царя, — писалъ одинъ изъ служившихъ у него поляковъ, — все дѣлается, какъ по Евангелію, всѣ равны у него по службѣ! Но когда стали приставать къ нему люди родовитые, въ Тушинѣ начали возникать споры о старшинствѣ, явилась зависть и соперничество другъ съ другомъ.

Съ наступленіемъ осени начались постройки; для жилья вырыли землянки и въ нихъ устроили печи, для лошадей сплели изъ хвороста съ соломой загоны. Тѣ, которые были познатнѣе и побогаче, ставили себѣ избы. Особымъ обозомъ отъ военнаго стояли торговые люди, которыхъ было до трехъ тысячъ. Отовсюду привозили печеный хлѣбъ, масло, гнали быковъ, барановъ, гусей; водки и пива было изобильно. Поляки приказывали русскимъ въ окрестностяхъ курить вино, варить

пиво и доставлять въ лагерь. Изъ Литвы, Польши и Московскаго Государства стеклись толпами въ Тушино распутныя женщины: сверхъ того, удалцы хватали русскихъ женъ и дѣвицъ, привозили въ лагерь и не иначе отпускали, какъ за деньги, но часто, отпустивши, гнались за отпущенными и снова хватали, и въ другой, и въ третій разъ брали за нихъ деньги. Иныя женщины до того освоивались съ веселою жизнью въ лагерѣ, что когда отцы и мужья выкупали ихъ, то онѣ снова бѣжали въ Тушино. Игра въ карты и кости забавляла удалцовъ и доводила до частыхъ дракъ и убійствъ.

Поляки и русскіе «воры», которыхъ отправлялъ Рожинскій по городамъ, скоро вооружили противъ себя русскій народъ. Сначала воръ обѣщаль тарханныя грамоты, освобождавшія русскихъ отъ всякихъ податей; жители вскорѣ увидѣли, что имъ придется давать столько, сколько захотятъ съ нихъ брать. Изъ Тушина посылались сборщики запасовъ, а Сапѣга изъ-подъ Троицы туда же посылалъ своихъ сборщиковъ. И такъ съ одного и того же мѣста брали вдвое. Потомъ являлись предводители командъ и еще собирали съ крестьянъ запасы. Разорительна была также доставка подводъ, потому что ратные люди, взявши лошадей, не возвращали ихъ хозяину. Наконецъ, поляки и русскіе воры сами собою составляли шайки, нападали на села и неистовствовали надъ людьми; для потѣхи истребляли они достояніе русскаго человѣка, убивали скотъ, бросали мясо въ воду, насиловали женщинъ и даже недорослыхъ дѣвочекъ. Были случаи, что женщины, спасаясь отъ безчестія, рѣзались и топились на глазахъ злодѣевъ, а другія бѣжали отъ насилія и замерзали по полямъ и лѣсамъ. Поляки умышленно оказывали пренебреженіе къ святынямъ, загоняли въ церкви скотъ, кормили собакъ въ алтаряхъ, шили себѣ штаны изъ священническихъ ризъ, клали мясо на церковную утварь и, разгулявшись, для забавы приказывали монахамъ и монахинямъ пѣть срамныя пѣсни и плясать.

Такіе поступки ожесточили народъ; увѣренность въ томъ, что въ Тушинѣ настоящій Димитрій, быстро исчезла. Спустя три мѣсяца послѣ признанія Тушин-

скаго вора, города съ землями одни за другими присягали Шуйскому, собирали ополченія; началась народная война; стали убивать, хватать и топить тушинцевъ. Изъ Тушина посылались для усмиренія народа отряды, которые своими злодѣйствами еще болѣе озлобили народъ противъ вора. Между тѣмъ, съ сѣвера шель Скопинъ съ шведскою помощію, одерживаль верхъ надъ тушинцами и своими успѣхами ободряль народное возстаніе, а съ Волги пришло къ нему на помощь другое ополченіе, Шереметева. Тушинцы увидѣли, что ихъ дѣло проиграно, и старались какимъ-нибудь образомъ взять поскорѣе Москву, гдѣ Василія Шуйскаго не терпѣли, какъ и во всей остальной Руси. Они подкупали измѣнниковъ зажечь городъ, но покушеніе это не удалось. Съ другой стороны, имъ грозилъ польскій король.

Сигизмундъ подступилъ къ Смоленску осенью 1609 года и требоваль сдачи, прямо заявляя о своемъ намѣреніи овладѣть Московскимъ Государствомъ. Въ ноябрѣ онъ послалъ депутатовъ къ войску вора, въ Тушино, съ тѣмъ, чтобы отвлечь поляковъ отъ самозванца и привлечь ихъ къ своему войску.

Не обращаясь ни къ вору, ни къ Маринѣ, королевскіе комиссары вступили въ переговоры съ Рожинскимъ, Зборовскимъ и другими панами, убѣждали оставить обманщика и служить своему королю. Поляки, служившіе вору, запросили съ короля 20 милліоновъ золотыхъ, которые имъ обѣщаль заплатить Димитрій. Начался торгъ. Несчастный воръ, узнавши объ этомъ, попробоваль-было спросить Рожинскаго: зачѣмъ пріѣхали королевскіе комиссары? Но Рожинскій отвѣчалъ ему на это: «А тебѣ, . . . сынъ, что за дѣло? Они комнѣ пріѣхали, а не къ тебѣ. Чортъ тебя знаетъ, кто ты таковъ! Довольно мы уже тебѣ служили!» Поляки въ глаза обзывали самозванца обманщикомъ и воромъ и кричали на него такъ, что онъ прятался отъ нихъ. Не приставаая пока къ королю веѣмъ составомъ войска, находившагося въ Тушинѣ, поляки поодиноккѣ переходили на его сторону. Бояре, находившіеся съ воромъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ Рома-

новымъ, котораго, взявши въ Ростовѣ силою, поневолѣ держали въ Тушинѣ, отрекались разомъ и отъ самозванца, и отъ Шуйскаго, и заявляли желаніе отдаться Сигизмунду съ тѣмъ только, чтобы православная вѣра была сохранена ненарушимо.

Когда воръ увидѣлъ, что ему нѣтъ надежды и его могутъ не сегодня, завтра лишить свободы, переодѣлся въ крестьянское платье, бѣжалъ изъ табора, вмѣстѣ со своимъ шутомъ Кошелевымъ, въ Калугу, и оттуда разослалъ грамоты, возбуждая русскихъ вездѣ по городамъ бить поляковъ, а ихъ имущество свозить въ Калугу. Одни говорятъ, что онъ сдѣлалъ это съ согласія Марины, другіе, что тайно отъ нея.

Сначала бѣгство его произвело большое волненіе въ таборѣ, но потомъ оно содѣйствовало тому, что поляки стали податливѣе къ предложеніямъ комиссаровъ. Общее волненіе всего лучше утишили бывшіе въ Тушинѣ московскіе бояре, объявивши, что они желаютъ имѣть царемъ Сигизмундова сына, Владислава. Поляки рѣшили послать къ своему королю депутацію съ тѣмъ, чтобы выторговать побольше выгодъ, а московскіе люди послали изъ своей среды митрополита Филарета и боярина Салтыкова съ товарищами, въ числѣ сорока двухъ человѣкъ, просить на царство Владислава.

Послѣ этого Стадницкій написалъ Маринѣ письмо, не называлъ ее ни царицею, ни великою княгинею, а просто сендомирскою воеводянкою, уговаривалъ оставить честолюбивые замыслы и возвратиться въ Польшу. Марина ствѣчала: «я надѣюсь, что Богъ, мстителъ неправды, охранитель невинности, не дозволитъ моему врагу, Шуйскому, пользоваться плодами своей измѣны и злодѣяній. Ваша милость должна помнить, что кого Богъ разъ осіялъ блескомъ царскаго величія, тотъ не потеряетъ этого блеска никогда, такъ какъ солнце не потеряетъ блеска оттого, что его закрываетъ скоропреходящее облако.»

5-го января Марина отправила письмо изъ Тушина къ королю и писала такъ: «если къмъ на свѣтѣ играла судьба, то, конечно, мною: изъ шляхетскаго званія возвела меня на высоту московскаго престола только

для того, чтобы бросить въ ужасное заключеніе; только лишь проглянула обманчивая свобода, какъ судьба свергнула меня въ неволю, на самомъ дѣлѣ еще злополучнѣйшую, и теперь привела меня въ такое положеніе, въ которомъ я не могу жить спокойно, сообразно своему сану. Все отняла у меня судьба: остались только справедливость и право на московскій престолъ, обеспеченное коронаціею, утвержденное признаніемъ за мною титула московской царицы, укрѣпленное двойною присягою всѣхъ сословіи Московскаго Государства. Я увѣрена, что ваше величество, по мудрости своей, щедро вознаградите и меня, и мое семейство, которое достигало этой цѣли съ потерей правъ и большими издержками, а это неминуемо будетъ важною причиною къ возвращенію мнѣ моего государства въ союзѣ съ вашимъ королевскимъ величествомъ.»

Бояре уѣхали къ Сигизмунду просить Владислава; депутаты отъ тушинскаго войска поѣхали торговаться со своимъ королемъ о вознагражденіи; они не забыли Марины и король обѣщаль ей дать удѣлъ въ Московскомъ Государствѣ.

Но въ тушинскомъ лагерѣ началось полное разложеніе: воръ изъ Калуги требоваль казни Рожинскаго и другихъ, приказываль доставить въ Калугу для казни измѣнниковъ бояръ, обратившихся къ польскому королю, убѣждалъ служившихъ ему поляковъ ѣхать въ Калугу вмѣстѣ съ Мариною и расточаль разныя обѣщанія. Тогда Марина явилась передъ войскомъ съ распущенными волосами, плачущая, перебѣгала отъ одной ставки къ другой, умоляла, заклинала не оставлять ее; «она, — говоритъ современникъ, — не оставливалась ни передъ какими средствами, противными женской стыдливости». Ея появленіе довело волненія до междоусобія. Донскіе казаки и часть польскихъ удалцовъ вышли изъ табора съ тѣмъ, чтобы идти въ Калугу; атаманъ Заруцкій, впоследствии соединившій свою судьбу съ Мариною, былъ тогда противникомъ ея; онъ сталъ останавливать казаковъ, донесъ объ ихъ намѣреніи Рожинскому, а Рожинскій приказаль ударить на уходящихъ казаковъ оружіемъ. Произошла

драка, стоившая жизни двумъ тысячамъ людей. Казаки все-таки ушли съ Калугу, а съ ними отправился князь Дмитрій Тимоѣевичъ Трубецкой и князь Заѣкинъ.

Тогда Марина оставила у себя въ шатрѣ письмо такого содержанія: «безъ родителей, безъ кровныхъ, безъ друзей и покровителей, мнѣ остается спасать себя отъ послѣдней бѣды, уготовляемой мнѣ тѣми, которые должны были бы оказывать защиту и попеченіе. Меня держать, какъ плѣнницу. Негодяи ругаются надъ моею честью; въ своихъ пьяныхъ бесѣдахъ приравниваютъ меня къ распутнымъ женщинамъ, за меня торгуются, замышляютъ отдать въ руки того, кто не имѣетъ ни малѣйшаго права ни на меня, ни на мое государство. Гонимая отовсюду, свидѣтельствуюсь Богомъ, что буду вѣчно стоять за мою честь и достоинство. Бывши разъ московскою царицею, повелительницею многихъ народовъ, не могу возвратиться въ званіе польской шляхтянки, никогда не захочу этого. Поручаю честь свою и охраненіе храброму рыцарству польскому. Надѣюсь, оно будетъ помнить свою присягу и тѣ дары которыхъ отъ меня ожидаютъ.»

Ночью съ 16-го на 17-е февраля Марина ускакала изъ Тушина, переодѣтая въ гусарское платье, съ одною служанкою и нѣсколькими казаками. Путь ея лежалъ въ Калугу, но она сбилась съ дороги и попала въ Дмитровъ, гдѣ былъ Сапѣга, который принялъ ее вѣжливо. Въ это время Скопинъ послалъ противъ Сапѣги отрядъ подъ начальствомъ князя Куракина. Ѣхать дальше Маринѣ было нельзя. Она поневолѣ должна была запереться вмѣстѣ съ Сапѣгою въ Дмитровъ и когда, отъ сильнаго напора, осажденные начали падать духомъ, тогда Марина вышла на стѣну и сказала: «смотрите и стыдитесь, я женщина, а не теряю мужества!» Къ счастью Сапѣги и Марины, сами русскіе не могли долго оставаться подъ Дмитровомъ по недостатку запасовъ. Тогда Марина рѣшилась ѣхать въ Калугу къ самозванцу.

Сапѣга сначала ее удерживалъ: «не безопаснѣ-ли вамъ, — говорилъ онъ, — воротиться въ Польшу къ отцу

и матери, а то вы попадете въ руки Скопина или Делагарди.»

«Я царица всея Руси, — отвѣчала Марина. — Лучше исчезну здѣсь, чѣмъ со срамомъ возвращусь къ моимъ ближнимъ въ Польшу.»

«Я васъ не пушу противъ вашей воли,» — сказалъ Сапѣга.

«Никогда этого не будетъ, — отвѣтила Марина. — Я не позволю собою торговать. Если вы меня не пустите, то я вступлю съ вами въ битву; у меня 350 казаковъ.»

Сапѣга не сталъ ее удерживать. Она надѣла польскій красный бархатный кафтанъ, сапоги со шпорами, вооружилась саблею и пистолетомъ и отправилась въ дорогу. Она ѣхала до Калуги то верхомъ, то въ саняхъ. Казаки провожали ее до Калуги.

Велѣдъ затѣмъ, спустя мѣсяць, Рожинскій, оставшійся еще въ Тушинѣ, боялся, что при всеобщей неурядицѣ, если нападетъ на таборъ Скопинъ, то будетъ ему плохо. 15-го марта онъ объявилъ, что всякій можетъ идти куда хочетъ, зажегъ таборъ и ушелъ въ Волокъ. Часть казаковъ тогда же ушла къ вору въ Калугу; другая, тысячъ до трехъ, пошла за Рожинскимъ. Подъ Иосифовымъ монастыремъ произошло новое междоусобіе. Въ этой суматохѣ Рожинскій упалъ на каменную лѣстницу монастыря, зашибъ себѣ бокъ, заболѣлъ и вскорѣ умеръ. Большая часть бывшихъ съ нимъ поляковъ перешла къ королю. Немногіе ушли въ Калугу. Сапѣга поѣхалъ также къ королю, а отъ короля отправился къ вору, и тамъ служившіе самозванцу поляки избрали его гетманомъ.

Не долго оставался воръ съ Мариною въ Калугѣ, живя сначала въ монастырѣ, а потомъ въ построенномъ для него дворцѣ. Скопина не стало. Польскій гетманъ Жолкѣвскій разбилъ на-голову войско Шуйскаго. Народъ явно не терпѣлъ своего царя. Какъ только вѣсть объ этомъ дошла въ Калугу, воръ съ Мариной быстро двинулся къ Москвѣ. Сапѣга предводительствовалъ его полчищами. Высланное Василиемъ войско, подъ начальствомъ князей Воротынскаго и Лыкова, не всту-

пало противъ него въ битву; отрядъ союзныхъ татаръ, выставленный впередъ, бѣжалъ. Воръ взялъ Боровскъ, Кашира и Коломна сдались добровольно. Полчище подошло къ Москвѣ. Марина помѣстилась въ монастырѣ Николая на Угрѣшѣ, а самозванецъ, 11-го іюня, расположился въ селѣ Коломенскомъ. Это было въ то время, когда, съ другой стороны, шель къ столицѣ побѣдитель войскъ Шуйскаго, Жолкѣвскій.

Василій былъ сведень съ престола. Гетманъ Жолкѣвскій расположился съ войскомъ на Дѣвичьемъ полѣ, на сторонѣ, противоположной той, гдѣ стоялъ воръ. Сапѣга началъ колебаться и вмѣстѣ со сторонниками самозванца попытался въ послѣдній разъ сойтись съ Сигизмундомъ въ пользу самозванца и Марины. Отправили посольство въ Смоленскъ къ королю. Воръ и Марина дѣлали Сигизмунду выгодныя предложенія, съ условіемъ, что онъ не станетъ мѣшать имъ овладѣть столицею. Они обѣщали въ теченіе десяти лѣтъ платить королю по 300.000 злотыхъ, а королевичу Владиславу по 100.000 злотыхъ, уступить Польшѣ Сѣверскую землю, возвратить Польшѣ Ливонію, помогать казною и войскомъ противъ шведовъ и быть въ готовности противъ всякаго непріятели, по приказанію польскаго короля. Паны смѣялись надъ такимъ предложеніемъ; нелѣпо казалось имъ оказывать помощь вору въ овладѣніи Москвою, когда уже Москва отдалась Польшѣ.

Тогда послы вора, природные поляки, сказали имъ: «Мы не запираемся, что человекъ, который называетъ себя Димитріемъ, вовсе не Димитрій, и мы сами не знаемъ, кто онъ таковъ. Было много примѣровъ, когда Богъ возвышалъ людей изъ низшаго званія, какъ, на примѣръ, Саула или Давида. Онъ Божіе орудіе. Больше будетъ славы и пользы для Польши тогда, когда вы посадите его на московскій престолъ, чѣмъ тогда, когда сядетъ на этотъ престолъ Владиславъ. Бояре выбираютъ Владислава, а попробуйте заикнуться имъ, чтобы они уступили Польшѣ московскія провинціи, увидите, что они вамъ скажутъ; а нашъ князь московскій будетъ совершенный данникъ Польши и отдастъ

ей Сѣверскую и Рязанскую земли, которыя и теперь въ нашихъ рукахъ. Московскій народъ привыкъ жить подъ рабствомъ. Ему нужно такого царя, какъ нашъ, а не Владислава, который приметъ царство съ условіями. Мы своего Димитрія посадимъ на престолъ безъ всякихъ условій и онъ будетъ дѣлать все, что вы захотите.»

На это паны отвѣчали:

«Какъ вы можете сравнивать своего вора съ Давидомъ? Это мерзко и гнусно. Правда, московскій народъ не любитъ свободы и готовъ переносить всякое тиранство, но отъ природныхъ своихъ государей, а не отъ воровъ. Вы уже видѣли примѣръ на первомъ ворѣ. Если вашего вора возвести на престолъ, то придется вести войну; развѣ легко усмирить такое пространное государство? А Владиславу оно добровольно отдается!»

Послы объявили, что поляки отступятъ отъ вора; пусть только Рѣчь-Посполитая заплатитъ имъ за прежнія услуги; но паны отвѣчали:

«Невозможно платить вамъ за то, что вы, безъ воли Рѣчи-Посполитой, нарушая народныя права, вторглись въ чужое государство и служили у обманщика. Условія вы бы могли предлагать, если бы за вами была какая-нибудь сила!»

Поляки, служившіе у вора, получивши такой отвѣтъ, разсердились до того, что хотѣли брать столицу приступомъ и биться хотя бы съ Жолкѣвскимъ. Между тѣмъ, сторона вора усиливалась. Изъ Суздаля, Владимира, Галича стали присылать въ его обозъ съ повинною; въ самой Москвѣ чернь, страшась польскаго владычества, склонялась къ вору. Бояре московскіе стали умолять Жолкѣвскаго, чтобы онъ вмѣстѣ съ московскими людьми расправился окончательно съ воромъ. Жолкѣвскій обогнулъ Москву и шелъ на битву. Сапѣга вывелъ противъ него свое войско. Воръ ушелъ къ женѣ, въ Угрѣшскій монастырь. Но прежде, чѣмъ дошло до битвы между Жолкѣвскимъ и Сапѣгою, оба предводителя съѣхались между собою въ виду двухъ войскъ. Жолкѣвскій успѣлъ склонить Сапѣгу обѣщаніями удовлетворить служившихъ у вора поляковъ, и

Сапѣга далъ слово отступить отъ самозванца и Марины, но съ тѣмъ, однако, чтобы называвшій себя Димитріемъ былъ обезпеченъ. Вожди разѣхались, и вечеромъ, въ тотъ же день, Жолкѣвскій послалъ Сапѣгѣ письменное условіе, въ которомъ обѣщалъ именемъ короля дать самозванцу и Маринѣ въ удѣлъ Самборъ или Гродно, если названный Димитрій удовлетворится этимъ. Всѣ поляки, служившіе у Сапѣги, порѣшили оставить Димитрія и перейти въ королевскую службу. Съ своей стороны, московскіе бояре отправили къ Сапѣгѣ боярина Нагого отвести отъ вора русскихъ людей и привести къ присягѣ Владиславу. Тогда князья Ѳедоръ Долгорукій, Алексѣй Сицкій, Ѳедоръ Засѣкинъ, а также Михайло Туренинъ и разные дворяне оставили вора и прибыли въ Москву. Только Димитрій Тимоѣевичъ Трубецкой остался при ворѣ.

Когда представили вору и Маринѣ условія, предложенныя Жолкѣвскимъ, Марина сказала польскимъ депутатамъ:

«Пусть король Сигизмундъ дастъ царю Краковъ, а царь изъ милости уступить ему Варшаву».

Воръ прибавилъ:

«Лучше я буду служить гдѣ-нибудь у мужика и добывать трудомъ кусокъ хлѣба, чѣмъ смотрѣть изъ рукъ его польскаго величества».

Когда такой отвѣтъ переданъ былъ Жолкѣвскому, гетманъ, съ дозволенія бояръ, двинулся съ войскомъ черезъ Москву, съ тѣмъ, чтобы захватить вора и Марину въ монастырѣ. Но какой-то измѣнникъ москвичъ сообщилъ объ этомъ вору заранѣе. Воръ съ Мариною и ея женскою прислугою, не успѣвши ничего захватить съ собою, убѣжалъ въ Калугу въ сопровожденіи отряда донцовъ подъ начальствомъ Заруцкаго. Сапѣга остался подъ Москвою; черезъ нѣсколько времени, по настоянію Жолкѣвскаго, онъ отправился въ Сѣверскую землю приводить ее въ подданство Владиславу, гдѣ его шайка вооружала противъ себя жителей своимъ безчинствомъ и своеволіемъ. Съ тѣхъ поръ Жолкѣвскій, стоя подъ Москвою, не преслѣдовалъ болѣе вора, посылалъ его уговаривать согласиться на предложенія Сигизмунда

и грозилъ усмирить его оружіемъ только въ случаѣ совершеннаго непокорства королевской волѣ. Многимъ москвовскимъ людямъ не нравилось такое великодушіе и было однимъ изъ поводовъ къ неудовольствію противъ поляковъ. Къ концу 1610 года взаимныя недоразумѣнія между поляками и русскими возросли уже до сильной степени. Во многихъ городахъ не хотѣли признавать королевича и признавали Димитрія, не потому, чтобы въ самомъ дѣлѣ вѣрили въ послѣдняго, а потому, чтобы имѣть какой-нибудь значокъ противъ поляковъ. Воръ и Марина послали въ Москву какого-то попа Харитона возмущать бояръ. Этотъ попъ попался въ руки поляковъ, былъ подвергнутъ пыткѣ и наговорилъ на князей Воротынскаго и Андрея Голицына, которыхъ Гонсѣвскій, заступившій мѣсто Жолкѣвскаго, посадилъ подъ стражу. Это обстоятельство усилило раздраженіе русскихъ противъ поляковъ и способствовало успѣху партіи Димитрія. Но въ декабрѣ съ воровъ случилось трагическое событіе.

Касимовскій царь Уразъ-Махметъ (называемый у насъ Урь-Маметъ) присталъ къ вору еще въ Тушинѣ, а когда воръ убѣжалъ изъ Тушина, онъ пріѣхалъ служить Жолкѣвскому, но его сынъ и бабка поѣхали за воровъ въ Калугу. Касимовскому царю понравилось у поляковъ и онъ, поживши нѣсколько недѣль подъ Смоленскомъ, отправился въ Калугу, съ намѣреніемъ отвлечь сына отъ вора. Убѣждая сына перейти къ полякамъ, самъ онъ прикидывался передъ воровъ, будто преданъ ему попрежнему; но сынъ подружился съ воровъ искренно и сообщилъ ему правду о своемъ родителѣ. Воръ пригласилъ касимовскаго царя на охоту и въ присутствіи двухъ приверженцевъ своихъ убилъ его собственноручно. Тѣло было брошено въ Оку. Воръ послѣ этого кричалъ, что касимовскій царь хотѣлъ убить его, но не успѣлъ и убѣжалъ куда-то. Послѣ того воръ придавалъ дѣлу такой видъ, будто Уразъ-Махметъ пропалъ безъ вѣсти. Но за касимовскаго царя явился мстителемъ его другъ, крещеный татаринъ Петръ Урусовъ. Онъ упрекнулъ вора убійствомъ касимовскаго царя. Воръ посадилъ Урусова въ

тюрьму и держалъ шесть недѣль, а въ началѣ декабря 1610 г., по просьбѣ Марины, простилъ, обласкалъ и приблизилъ къ себѣ. 10-го декабря, воръ вмѣстѣ съ Урусовымъ и нѣсколькими русскими татарами отправился на прогулку за Москву-рѣку. Нѣкогда трезвый, въ это время воръ страшно пьянствовалъ и, ѣдучи въ саняхъ, безпрестанно кричалъ, чтобы ему подавали вино. Урусовъ, слѣдовавшій за нимъ верхомъ, ударилъ его саблею, а меньшей братъ Урусова отсѣкъ ему голову. Тѣло раздѣли и бросили на снѣгу. Урусовы съ татарами убѣжали. Русскіе, провожавшіе вора, прискакали въ Калугу и извѣстили Марину.

Марина, ходившая тогда на послѣднихъ дняхъ беременности, привезла на саняхъ тѣло вора и ночью, съ факеломъ въ рукѣ, бѣгала по улицамъ, рвала на себѣ волосы и одежду, съ плачемъ молила о мщеніи. Калужане не слишкомъ чувствительно отнеслись къ ней. Она обратилась тогда къ донцамъ. Ими начальствовалъ Заруцкій; онъ воодушевилъ казаковъ; они напали на татаръ и перебили до 200 человекъ. Черезъ нѣсколько дней Марина родила сына, котораго назвали Иваномъ. Она требовала ему присяги, какъ законному наследнику русскаго престола. Янъ Сапѣга, узнавши, что вора не стало, подступилъ къ Калугѣ и требовалъ сдачи на имя короля. Донцы вступили съ нимъ въ бой, но калужане извѣстили его, что они цѣлуютъ крестъ тому, кто на Москвѣ будетъ царемъ. Марина написала Сапѣгѣ такое письмо: «ради Бога, избавьте меня. Мнѣ, быть можетъ, какихъ-нибудь двѣ недѣли осталось жить на свѣтѣ. Избавьте меня, избавьте! Богъ вамъ заплатитъ!»

Сапѣгѣ нечего было дѣлать подъ Калугою, такъ какъ Калуга признала Владислава. Онъ оставилъ Марину.

Смерть вора лишила многіе города знамени, подъ которымъ они сопротивлялись полякамъ, и это послужило къ возрожденію нравственной силы народа. Прокопій Ляпуновъ взывалъ къ русскому народу во имя спасенія отечества уже безъ всякаго обмана, и русскіе люди присягали стоять за православную вѣру

и Московское Государство, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, очистивши свою землю отъ поляковъ и литовцевъ, служить тому царю, кого, по Божьему соизволенію, изберуть всею землею. Но предводитель возстанія принималъ къ себѣ всѣхъ безъ исключенія, лишь бы только было побольше ратной силы; поэтому онъ не отказалъ и Заруцкому, и Трубецкому, когда они изъявили согласіе служить русскому дѣлу. Заруцкій, выѣхавши изъ Калуги съ Мариною, оставилъ Марину въ Тулѣ, а самъ прибылъ въ Рязань, гдѣ условился съ Ляпуновымъ, возвратился въ Тулу и сталъ собирать казаковъ. Неизвѣстно, была ли Марина съ Заруцкимъ подь Москвою во время страшнаго пожара, истребившаго столицу въ концѣ марта 1611 года, но, вѣроятно, она находилась впослѣдствіи въ станѣ подь Москвою въ то время, когда Ляпуновъ, Заруцкій и Трубецкой избраны были главными предводителями Русской земли. Ляпуновъ былъ руководителемъ всего дѣла, и ни Заруцкій, ни Марина не смѣли заикнуться о присягѣ малолѣтнему сыну Марины. Заруцкій не терпѣлъ Ляпунова и вооружалъ противъ него казаковъ. Еще болѣе не терпѣла его Марина. 25-го іюля Ляпуновъ былъ убитъ казаками.

Съ тѣхъ поръ Марина смѣло уже могла заявлять о правахъ своего сына. Заруцкій и Трубецкой провозгласили этого младенца наслѣдникомъ престола, присягнули ему, требовали отъ русскихъ людей ему вѣрности и именемъ его бились съ поляками. Они со своимъ полчищемъ стояли подь Москвою; Марину помѣстили въ Коломнѣ. Казацкія шайки свирѣпствовали по Русской землѣ. Между тѣмъ, въ Астрахани убійца Тушинскаго вора, Урусовъ еще подставилъ какого-то Димитрія, а въ Иванъ-городѣ провозгласилъ себя Димитріемъ воръ Сидорка, бывший московскій дьяконъ, былъ признанъ во Псковѣ и утвердился въ этомъ городѣ. Казаки, подь Москвою, услышавши о псковскомъ Димитріи, провозгласили его царемъ. Заруцкій тотчасъ присталъ къ нимъ, и князь Трубецкой, изъ угожденія казакамъ, также призналъ псковскаго самозванца, желая сохранить вліяніе на дѣла.

Но въ Нижнемъ, осенью, начало составляться новое земское ополченіе съ цѣлью освобожденія Москвы, какъ отъ поляковъ, такъ равно и казаковъ, воевавшихъ за-одно съ поляками. Предводителемъ избранъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Всю зиму составлялось это ополченіе, а раннею весною двинулось медленно, присоединяя къ себѣ городъ за городомъ, и въ апрѣлѣ остановилось въ Ярославлѣ. Марина и Заруцкій чувствовали, что на нихъ идетъ гроза. Въ грамотахъ, которыя разсылалъ Пожарскій, выразительно было заявлено, чтобы отнюдь не признавать ни Маринкина сына, ни того вора, который проявился во Псковѣ. Марина отправила посла въ Персію, чтобы заключить союзъ и вооружить Персію противъ русскихъ; но этотъ посолъ попался въ руки Пожарскаго. Въ маѣ псковичи, недовольные своимъ воровъ за насиліе и распутство, посадили его въ тюрьму, а въ іюлѣ отправили въ кандалахъ въ Москву; по однимъ извѣстіямъ, его убили дорогой казаки, а по другимъ — его казнили подъ Москвою. Князь Трубецкой открыто отступилъ отъ Заруцкаго и Марины и звалъ Пожарскаго въ Москву. Заруцкій съ Мариною прибѣгли къ послѣднему средству, подкупили убійцъ извести Пожарскаго, но казакъ Стенька, взявшій на себя это порученіе, вмѣсто того, чтобы зарѣзать въ толпѣ Пожарскаго, промахнулся, обрѣзалъ ногу казаку Роману, своему товарищу, былъ схваченъ и сознался. Пожарскій не казнилъ убійцъ, а приказалъ везти ихъ къ Москвѣ для обличенія Заруцкаго. Земское ополченіе по частямъ прибывало къ Москвѣ. Въ казацкомъ таборѣ господствовало несогласіе. Не дожидаясь прибытія Пожарскаго, Заруцкій съ отрядомъ вѣрныхъ ему казаковъ, 17-го іюня, убѣжалъ въ Коломну, гдѣ жила Марина. Остальные казаки перешли подъ начальство Трубецкого.

Когда земское ополченіе приближалось къ Москвѣ и въ Коломнѣ казалось небезопаснымъ, Заруцкій съ Мариною ограбили городъ, убѣжали въ Михайловъ и тамъ оставались нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ октябрѣ, 1612 года, Москва была освобождена отъ поляковъ. Въ февралѣ 1613 года съѣхавшіеся въ

Москву для избранія царя выборные люди прежде всего заявили единодушно, чтобы отнюдь не выбирать законопреступнаго сына Марины. На престолъ былъ избранъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ; Заруцкій и Марина, между тѣмъ, разсылали грамоты, требуя присяги малолѣтнему сыну Марины, Ивану Димитріевичу. Великорусскіе казаки въ большинствѣ обращались къ новоизбранному Землею Михаилу; но по Московскои землѣ бродило тогда много черкасъ (малорусскихъ казаковъ): они были чужды Московскому Государству и готовились терзать его. Они теперь составили силу Заруцкаго.

Еще съ дороги, ѣдучи изъ Костромы въ Москву, новый царь назначилъ противъ Заруцкаго главнымъ воеводою князя Ивана Никитича Одоевскаго и приказалъ сходитьсѣ къ нему изъ разныхъ городовъ воеводамъ съ ихъ силами. Заруцкій съ Мариною перешли изъ Михайлова въ Лебедянь. Одоевскій двинулся противъ него съ войскомъ. Заруцкій со своею неизмѣнною спутницею бѣжалъ въ Воронежъ. Одоевскій погнался за ними. Подъ Воронежемъ, въ концѣ 1613 года, произошла кровопролитная битва, продолжавшаяся два дня. Воровское полчище было разбито, потеряло весь свой обозъ и знамена. Заруцкій съ Мариною убѣжали за Донъ. Одоевскій не преслѣдовалъ ихъ и сдѣлалъ тѣмъ большую ошибку.

Заруцкій съ Мариною убѣжали въ Астрахань; тамъ нашли они послѣдній притонъ. Они убили астраханскаго воеводу Хворостинина, склонили на свою сторону нагайскихъ татаръ и затѣвали широкое дѣло: вооружить противъ Руси персидскаго шаха Аббаса, втянуть въ войну и Турцію, поднять волжскихъ казаковъ, возбудить всѣхъ удалцовъ на Руси, привыкшихъ къ смутамъ и потому недовольныхъ возстановлявшимся порядкомъ. Съ этою цѣлью они разослали такъ называемыя «прелестныя письма» къ волжскимъ и донскимъ казакамъ. Но донскіе казаки рѣшительно не поддались ихъ увѣщаніямъ. Изъ волжскихъ пришли къ нимъ только два атамана, для которыхъ, по ихъ собственнымъ словамъ, было все равно, куда ни идти, лишь бы зи-

пуны наживать. Другіе выманивали у нихъ деньги, давали обѣщанія, но не думали исполнять обѣщаній. Всю зиму Заруцкій готовилъ лошадей и запасы, намѣреваясь весною идти вверхъ по Волгѣ. Марина жила въ каменномъ городѣ (кремлѣ) въ постоянномъ страхѣ: она не приказывала звонить рано къ заутрени подъ предлогомъ, чтобъ ея сынъ не пугался звона, а на самомъ дѣлѣ боялась набата.

Въ мартѣ снаряжено было большое войско подъ начальствомъ того же князя Одоевскаго, а въ товарищи ему приданъ былъ окольникій Семень Головинъ, шуринъ и сподвижникъ Михаила Скопина-Шуйскаго. Но передъ началомъ рѣшительныхъ дѣйствій царь отправилъ къ Заруцкому грамоту, въ которой исчислилъ преступленія его и Марины, и въ заключеніе говорилъ:

«Вспомни Бога и душу свою и нашу православную христіанскую вѣру: самъ видишь Божью милость на насъ, великомъ государѣ, и на всемъ великомъ государствѣ, и надъ врагами нашими побѣду и одолѣніе, отстань отъ своихъ непригожихъ дѣлъ, не учиняй кровопролитія въ нашихъ государствахъ, не губи души и тѣла своего, добей челомъ и принеси вину свою намъ, великому государю, а мы, государь, по своему царскому милостивому праву, тебя пожалуемъ, вины твои всѣ тебѣ простимъ и покроемъ нашимъ царскимъ милосердіемъ; и впредь вины твои никогда помянуты не будутъ; а вотъ тебѣ и наша царская опасная грамота!» Такая же грамота послана была Заруцкому отъ собора, гдѣ подробнѣе исчислялись вины Заруцкаго, а въ заключеніе все духовенство ручалось за истину царскаго слова. Безъ сомнѣнія, писавшіе были увѣрены, что эти увѣщанія ни къ чему не послужатъ, а потому, въ то же время, послали грамоты донскимъ и волжскимъ казакамъ и жителямъ Астрахани, съ убѣжденіемъ отстать отъ Заруцкаго и Марины, которую называли «главною заводчицею» всего зла, нанесеннаго Русской землѣ.

Но прежде чѣмъ снаряженному войску пришлось укрощать Заруцкаго въ Астрахани, на страстной недѣлѣ, въ 1614 году, произошло междуособіе между

волжскими казаками, пришедшими служить сыну Марини, и астраханцами. Астраханцы отступились от «воровства» и провозгласили царемъ Михаила Ѳедоровича. Заруцкій съ 800 человекъ заперся въ каменномъ городѣ. Городъ Терскъ, приставшій - было также къ Маринѣ, отступилъ отъ нея, и тамошній воевода Головинъ отправилъ астраханцамъ на помощь стрѣльцовъ подъ начальствомъ Василя Хохлова. Заруцкій, сообразивши, что ему не сдобровать, передъ прибытіемъ Хохлова прорвался ночью, вмѣстѣ съ Мариною, изъ каменнаго города, сѣлъ на струги и поплылъ изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, потому что снизу плылъ въ Астрахань Хохловъ. 13-го мая, утромъ, Хохловъ прибылъ въ Астрахань и все жители, при звонѣ колоколовъ, цѣловали крестъ царю Михаилу. 14-го мая, на зарѣ, Заруцкій съ Мариною думали проскользнуть по Волгѣ мимо Астрахани и убѣжать въ море; но Хохловъ вмѣстѣ съ астраханцами и стрѣльцами ударилъ на нихъ; бывшіе съ Заруцкимъ воровскіе казаки разбѣжались по камышамъ; многіе попались въ плѣнъ; тогда взяли также польку Варвару Казановскую, подругу Марини, по Заруцкаго и Марини не успѣли схватить; они воспользовались извилистымъ русломъ Волги, и стрѣльцы не могли скоро сообразить, куда они скрылись.

29-го мая одинъ стрѣлецъ, бывшій на рыбномъ учугѣ, извѣстилъ, что видѣлъ Заруцкаго съ Мариною. По этому извѣстію Хохловъ отправилъ на указанное мѣсто погоню, но узналъ, что бѣглецы, выплывши въ море, повернули въ Яикъ. 1-го іюня прибылъ въ Астрахань Одоевскій и тотчасъ отправилъ самого Хохлова съ вѣстью въ Москву, а 7 іюня выслалъ на Яикъ отрядъ подъ начальствомъ стрѣлецкихъ головъ: Гордѣя Пальчикова и Севастьяна Онучина. Посланные плыли вверхъ по Яику, нападали на слѣдъ, гдѣ останавливались Заруцкій съ Мариною, и 24-го іюня наткнулись на воровской таборъ: онъ стоялъ на Медвѣжьемъ островѣ, посреди лѣсистыхъ береговъ Яика. Съ Заруцкиимъ и Мариною было до 600 волжскихъ казаковъ. Они сдѣлали на островѣ острогъ. Всѣмъ заправлялъ ата-

манъ Треня Усъ, ни въ чемъ не давалъ никакой воли Заруцкому и Маринѣ; онъ даже отнялъ у послѣдней сына и держалъ при себѣ.

Стрѣльцы осадили воровъ. Казаки не ожидали гостей, не вступили въ битву со стрѣльцами, на другой же день связали Заруцкаго и Марину и выдали съ сыномъ да съ какимъ-то чернецомъ Николаемъ, а сами объявили, что цѣлуютъ крестъ царю Михаилу Ѳедоровичу. Треня Усъ бѣжалъ и нѣсколько времени послѣ того разбойничалъ.

Плѣнниковъ привезли въ Астрахань, а 13-го іюля Одоевскій отправилъ ихъ по-одиночкѣ вверхъ по Волгѣ. Марину съ сыномъ везъ стрѣлецкій голова Михайло Соловцовъ съ 500 человекъ самарскихъ стрѣльцовъ. Марину везли скованною. Въ наказѣ, данномъ Соловцову, приказано было убить ее вмѣстѣ съ сыномъ, если нападутъ на нихъ воровскіе люди, съ цѣлью отбить преступницу. Въ такомъ видѣ прибыла Марина въ Москву, куда восемь лѣтъ тому назадъ вѣзжала съ такимъ великолѣпіемъ въ первый разъ въ жизни, надѣясь тамъ царствовать и принимать поклоненіе.

Четырехлѣтняго сына Марины повѣсили всенародно за Серпуховскими воротами; Заруцкаго посадили на колъ. По извѣстію русскихъ, сообщенному полякамъ при размѣнѣ плѣнныхъ, Марина умерла въ Москвѣ, въ тюрьмѣ, отъ болѣзни и «съ тоски по своей волѣ». Въ народной памяти она до сихъ поръ живетъ подъ именемъ «Марины безбожницы, еретицы». Народъ воображаетъ ее свирѣпою разбойницею и колдуньею, которая умѣла, при случаѣ, обращаться въ сороку.

Василій Шуйскій.

Печальныя обстоятельства предшествующей исторіи наложили на великорусское общество характеръ азіатскаго застоя, тупой приверженности къ старому обычаю, страхъ всякой новизны, равнодушіе къ улучшенію своего духовнаго и матеріальнаго быта и отвращеніе ко всему иноземному. Но было бы клеветою на русскій народъ утверждать, что въ немъ совершенно исчезла та духовная подвижность, которая составляетъ отличительное качество европейскихъ племенъ, и думать, что русскіе въ описываемое нами время неспособны были вовсе откликнуться на голосъ, вызывающій ихъ на путь новой жизни. Умные люди чувствовали тягость невѣжества; лица, строго хранившія благочестивую старину, сознавали, однако, потребность просвѣщенія, по ихъ понятіямъ, главнымъ образомъ религіозно-нравственнаго; думали о заведеніи школъ и распространеніи грамотности. Люди съ болѣе смѣлымъ умомъ обращались прямо къ иноземному, чувствуя, что собственныя средства для расширенія круга свѣдѣній слишкомъ скудны. Несмотря на гнетъ того благочестія, которое отплевывалось отъ всего иноземнаго, какъ отъ дьявола, въ Москвѣ, по извѣстію иностранцевъ, находились лица, у которыхъ стремленіе къ познаніямъ и просвѣщенію было такъ велико, что они выучивались иностраннымъ языкамъ, съ большими затрудненіями, происходившими, какъ отъ недостатка руководствъ и руководителей, такъ и отъ преслѣдованія со стороны тѣхъ, которые готовы были заподозрить въ этомъ ересь и измѣну отечеству. Такъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ,

нареченный по постриженіи Филаретомъ, учился полатыни; поляки въ Москвѣ видѣли людей, выучившихся тайкомъ иностраннымъ языкамъ и съ жадностью хватавшихся за чтеніе. Аѳанасій Власовъ, разсмѣшившій поляковъ своими простодушными выходками, въ то же время удивилъ ихъ чистымъ латинскимъ произношеніемъ, показавшимъ, что языкъ латинскій былъ ему знакомъ. О многихъ изъ Ивановыхъ жертвъ Курбскій говоритъ, какъ о людяхъ ученыхъ и начитанныхъ по своему времени, и самъ Курбскій своимъ собственнымъ примѣромъ доказываетъ, что московскіе люди XVI-го вѣка не оставались совершенно неспособными понять пользу просвѣщенія и необходимость сближенія съ иноземцами. У насъ думали, что названный царь Дмитрій вооружилъ противъ себя русскій народъ своею привязанностью къ иноземцамъ, пренебреженіемъ къ русскимъ обычаямъ и равнодушіемъ къ требованіямъ тогдашняго благочестія. Но взглядываясь ближе въ смыслъ событій, увидимъ не совсѣмъ то: поведеніе Дмитрія дѣйствительно не могло нравиться строгимъ блюстителямъ неподвижности, но никакъ не большинству, не массѣ народа; такъ же, какъ и въ послѣдствіи великій преобразователь Руси, хотя и встрѣтилъ противъ себя сильное, упорное и продолжительное противодѣйствіе, но никакъ не отъ всѣхъ, а, напротивъ, нашелъ немало искреннихъ сторонниковъ и ревнителей своихъ преобразовательныхъ плановъ: иначе бы, конечно, онъ и не успѣлъ. Гибель названнаго Дмитрія была дѣломъ не русскаго народа, а только заговорщиковъ, воспользовавшихся оплошностью жертвы; это доказывается тѣмъ, что народъ русскій тотчасъ же обольстился вѣстью, что царь его, спасенный разъ въ дѣтствѣ въ Угличѣ, спасся въ другой разъ въ Москвѣ; народъ русскій почти весь послѣдовалъ за тѣнью Дмитрія, до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что его обманывали и царствовавшего въ Москвѣ Дмитрія нѣтъ на свѣтѣ. Самый способъ убійства показываетъ, что народъ былъ далекъ отъ того, чтобъ погубить своего царя за его приемы, несогласные съ приемами прежнихъ царей. Шуйскій вооружилъ народъ противъ поляковъ

именемъ того же царя и такимъ обманомъ отвлекъ его вниманіе отъ Кремля. Число участниковъ Шуйскаго не могло быть велико, оттого-то Шуйскій наканунѣ убійства поспѣшилъ удалить изъ сотни караульныхъ семьдесятъ человекъ: очевидно, онъ боялся не сладить съ цѣлою сотнею. Такимъ образомъ, убійство Димитрія было вовсе не народнымъ дѣломъ.

Кто бы ни былъ этотъ названный Димитрій, и что бы ни вышло изъ него впослѣдствіи, несомнѣнно, что онъ для русскаго общества былъ человекъ, призывавшій его къ новой жизни, къ новому пути. Онъ заговорилъ съ русскими голосомъ свободы, настежь открылъ границы прежде замкнутаго государства и для вѣзжавшихъ въ него иностранцевъ, и для вѣзжавшихъ изъ него русскихъ, объявилъ полную вѣротерпимость, предоставилъ свободу религіозной совѣсти; все это должно было освоить русскихъ съ новыми понятіями, указывало имъ иную жизнь. Его толки о заведеній училищъ оставались пока словами, по почва для этого предпріятія уже подготовлялась именно предоставленною жизни свободою. Объявлена была война старой житейской обрядности. Царь собственнымъ примѣромъ открылъ эту борьбу, какъ поступилъ впослѣдствіи и Петръ Великій, но названный Димитрій поступалъ безъ того принужденія, съ которымъ соединялись преобразовательныя стремленія послѣдняго. Царь Димитрій одѣвался въ иноземное платье, царь танцевалъ, тогда какъ всякій знатный родовитый человекъ Московской Руси почелъ бы для себя такое развлеченіе крайнимъ униженіемъ. Царь Димитрій ѣлъ, пилъ, спалъ, ходилъ и ѣздилъ не такъ, какъ слѣдовало московскому царю по правиламъ прежней обрядности; царь Димитрій безпрестанно порицалъ русское невѣжество, выхвалялъ предъ русскими предвосходство иноземнаго образованія. Повторяемъ: что бы впослѣдствіи ни вышло изъ Димитрія — все-таки онъ былъ человекъ новаго, зачинающагося русскаго общества.

Врагъ, погубившій его, Василій Шуйскій былъ совершенною противоположностью этому загадочному человеку. Трудно найти лицо, въ которомъ бы до такой

степени олицетворялись свойства стараго русскаго быта, пропитаннаго азіатскимъ застоємъ. Въ немъ видимъ мы отсутствіе предприимчивости, боязнь всякаго новаго шага, но въ то же время терпѣніе и стойкость — качества, которыми всегда русскіе приводили въ изумленіе иноземцевъ; онъ гнулъ шею предъ силою, покорно служилъ власти, пока она была могуча для него, прятался отъ всякой возможности стать съ нею въ разрѣзъ, но измѣнялъ ей, когда видѣлъ, что она слабѣла, и вмѣстѣ съ другими топталъ то, предъ чѣмъ прежде преклонялся. Онъ бодро стоялъ передъ бѣдою, когда не было исхода, но не умѣлъ заранѣе избѣгать и предотвращать бѣды. Онъ былъ неспособенъ давать починъ, избирать пути, вести другихъ за собою. Рядъ поступковъ его, запечатлѣнныхъ коварствомъ и хитростью, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ тяжеловатость и тупость ума. Василиій былъ суевѣренъ, но не боялся лгать именемъ Бога и употреблять святыню для своихъ цѣлей. Мелочной, скупой до скряжничества, завистливый и подозрительный, постоянно лживый и постоянно дѣлавшій промахи, онъ менѣе, чѣмъ кто-нибудь, способенъ былъ пріобрѣсть любовь подвластныхъ, находясь въ санѣ государя. Его стало только на составленіе заговора, до крайности грязнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ вовсе не искуснаго, заговора, который можно было разрушить при малѣйшей предосторожности съ противной стороны. Знатность рода помогла ему овладѣть престоломъ, главнымъ образомъ оттого, что другіе надѣялись править его именемъ. Но когда онъ сталъ царемъ, природная неспособность сдѣлала его самымъ жалкимъ лицомъ, когда-либо сидѣвшимъ на московскомъ престолѣ, не исключая и Федора, котораго слабоуміе покрывалъ собою Борисъ. Самая наружность Василия была очень непривлекательна: это былъ худенькій, приземистый, сгорбленный старичокъ, съ большими подслѣповатыми глазами, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, большимъ ртомъ, морщинистымъ лицомъ, рѣдкою бородкою и волосами.

Василию, при вступленіи на престолъ, было уже за пятьдесятъ лѣтъ. Молодость свою провелъ онъ при

Грозномъ и рѣшительно ничѣмъ не выказалъ себя. Когда родственники его играли важную роль въ государствѣ, Василій оставался въ тѣни. Опала, постигшая его родного брата Андрея, миновала Василія. Борисъ не боялся Василія, вѣроятно считая его ничтожнымъ по уму и притомъ всегдашнимъ угодникомъ силы; говорятъ, однако, Борисъ запрещалъ ему жениться, какъ и Мстиславскому. Василій все терпѣлъ и повиновался безпрекословно. Посланный на слѣдствіе по поводу убійства Димитрія, Василій исполнилъ это слѣдствіе такъ, какъ нужно было Борису и какъ, вѣроятно, ожидалъ того Борисъ. Явился Димитрій. Борисъ послалъ противъ него Шуйскаго, и Василій до поры до времени вѣрно служилъ Борису. Бориса не стало. При первомъ народномъ возстаніи противъ Годуновыхъ въ Москвѣ, Василій выходилъ на площадь, уговаривалъ народъ оставаться въ вѣрности Годуновымъ, увѣрялъ, что царевича нѣтъ на свѣтѣ, и человѣкъ, назвавшійся его именемъ, есть Гришка Отрепьевъ. Но когда послѣ того возваніе, прочитанное Пушкинымъ съ Лобнаго мѣста, взволновало народъ до того, что можно было ясно видѣть непрочность Годуновыхъ, Шуйскій, призванный рѣшить вопросъ о подлинности Димитрія, рѣшилъ его въ пользу претендента и окончательно погубилъ несчастное семейство Годуновыхъ.

Само собою разумѣется, что если кто изъ бояръ былъ вполне увѣренъ, что названный Димитрій не дѣйствительный сынъ царя Ивана, то, конечно, Василій Шуйскій, видѣвшій собственными глазами трупъ убитаго царевича. Съ Шуйскимъ были въ пріязни московскіе торговые люди: это была старая фамиліная пріязнь; и въ то время, когда Шуйскіе хотѣли развести Ѳедора съ женою, опирались они на торговыхъ людей. Торговые люди были вхожи въ домъ Василія, и вотъ одному изъ нихъ, Ѳедору Коневу съ товарищами, Шуйскій сообщаетъ, что новый царь вовсе не Димитрій; Шуйскій возбуждаетъ опасеніе, что этотъ царь измѣняетъ православію, что у этого ложнаго Димитрія съ Сигизмундомъ и польскими панами поставленъ уговоръ разорить церкви и построить вмѣсто нихъ костелы;

Шуйскій указываетъ на то, что некрещенные поляки и нѣмцы входятъ въ церковь, что при дворѣ соблюдаются иноземные обычаи, что настаетъ великая бѣда старому благочестію. Торговые люди начали болтать о томъ, что слышали отъ большого боярина, попались и выдали Шуйскаго. Не царь, а народный судъ всѣхъ сословіи приговорилъ Василія къ смерти. Съ терпѣніемъ и мужествомъ Василій пошелъ на казнь, и, не ожидая спасенія, безтрепетно сказалъ народу: «Умираю за вѣру и правду!» Палачъ хотѣлъ съ него снять кафтанъ и рубаху съ воротомъ, униженнымъ жемчужинами. Князь, потомокъ св. Владимира, съ гордостью и достоинствомъ воспротивился, говоря: «Я въ ней отдамъ Богу душу». Великодушіе названнаго Димитрія спасаетъ его отъ смерти. Онъ отправленъ въ Вятку, но только-что успѣлъ прибыть въ этотъ городъ, какъ царскій гонецъ привозитъ ему извѣстіе о возвращеніи ему боярскаго сана и всѣхъ прежнихъ вотчинъ. Шуйскій притворяется вѣрнымъ слугою Димитрія, склоняется передъ нимъ такъ же, какъ склонялся передъ Годуновымъ, и кто знаетъ, какъ долго оставался бы онъ въ этомъ положеніи, если бы самъ Димитрій своею крайнею неосторожностью не подалъ ему удобства составить заговоръ. Не обладая способностью давать починъ важному дѣлу, Шуйскій составилъ заговоръ потому, что уже черезчуръ было легко его составить. Приѣздъ поляковъ, наглое поведеніе пришельцевъ и черезчуръ явное нарушеніе обычнаго хода жизни въ Москвѣ, соблазнившее строго благочестивыхъ людей, естественно образовали кружокъ недовольныхъ. Старымъ боярамъ не нравилось стремленіе царя къ нововведеніямъ и къ иноземнымъ обычаямъ, при которомъ имъ, дѣтямъ старой Руси, не предоставлялось играть первой роли. Торговые, зажиточные люди свыклись со своимъ образомъ жизни; ихъ беспокоило то, что дѣлалось передъ ихъ глазами и грозило нарушить вѣковой застой; притомъ же въ ихъ домахъ поставили «нечестивую Литву», которая нахально садилась имъ на шею. Наконецъ, можно было найти недовольныхъ и между служилыми, которыхъ пугала пред-

принимаемая война съ турками и татарами. Шуйскому легко было собрать ихъ къ себѣ, когда надъ его дѣйствіями не только не было надзора, но даже запрещалось имѣть его. Голосъ Шуйскаго не могъ остаться безъ вниманія, когда онъ говорилъ собраннымъ у него гостямъ то, что у нихъ самихъ шевелилось на душѣ. Знатность его рода, какъ старѣйшей отрасли св. Александра Невскаго, содѣйствовала уваженію къ его рѣчамъ, такъ же, какъ и достоинство боярина, стараго по лѣтамъ и по службѣ. При всемъ томъ, однако, онъ нашель очень мало соумышленниковъ; видно, что находились между ними и такіе, которые тогда же думали предать его съ заговорщиками. За недостаткомъ соумышленниковъ Шуйскій выпустилъ изъ тюремъ преступниковъ: подобные товарищи естественно готовы были исполнить всякое дѣло. Раздѣлавшись съ Димитріемъ, Шуйскій бросился умирать народъ, возмущенный имъ же противъ поляковъ во имя царя, но москвичи успѣли уже перебить до четырехсотъ человекъ пришельцевъ, сопровождая свое убійство самыми неистовыми варварствами, нападали на сонныхъ и безоружныхъ и не только убивали, но мучили: отсѣкали руки и ноги, выкалывали глаза, обрѣзывали уши и носы, ругались надъ женщинами, обнажали ихъ, гоняли по городу въ такомъ видѣ и били. Съ большимъ трудомъ Шуйскій и бояре остановили кровопролитіе и всякія неистовства. Народъ въ этотъ день до того перепился, что не могъ долго дать себѣ отчета въ происходившемъ. Волею-неволею народъ сдѣлался участникомъ убійства названнаго Димитрія. Возвратить потеряннаго уже нельзя было. Народъ молчалъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Черезъ три дня бояре согласились выбрать Шуйскаго въ цари, съ тѣмъ, что онъ будетъ править не иначе, какъ съ согласія бояръ. Созвали народъ на площадь звономъ колокола. Приверженцы Шуйскаго немедленно «выкрикнули» его царемъ. Нѣкоторые заявили, что слѣдуетъ разослать во всѣ московскіе города грамоты, чтобы съѣхались выборные люди для избранія царя; но бояре рѣшили, что этого не нужно, и сейчасъ же повели Василія въ церковь, гдѣ онъ далъ присягу

управлять согласно боярскимъ приговорамъ, никого не казнить безъ воли бояръ, не отнимать у родственниковъ осужденныхъ служилыхъ людей вотчинъ, а у гостей и торговыхъ людей лавокъ и домовъ, и не слушать ложныхъ доносовъ. Послѣ произнесенія Шуйскимъ этой присяги бояре сами присягнули ему въ вѣрности.

Немедленно разослана была по всѣмъ городамъ грамота, извѣщавшая, будто, по приговору всѣхъ людей Московскаго Государства, и духовныхъ, и свѣтскихъ, избранъ на престолъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, по степени прародителей происходящій отъ св. Александра Невскаго и суздальскихъ князей. О бывшемъ царѣ сообщалось, что богоотступникъ, еретикъ, чернокнижникъ, сякой-такой сынъ Гришка Отрепьевъ, прельстивши московскихъ людей, хотѣлъ, въ соумышленіи съ папою, Польшею и Литвою, попрасть православную вѣру, ввести латинскую и лютерскую и, вмѣстѣ съ поляками, намѣревался перебить бояръ и думныхъ людей. Одновременно разослана была грамота отъ имени царицы Марѣы, извѣщавшая о томъ, что ея сынъ убитъ въ Угличѣ, а она признала вора сыномъ по-неволѣ, потому что онъ угрожалъ ей и всему ея роду смертнымъ убійствомъ. Въ заключеніе въ грамотѣ вдовствующей царицы объявлялось, что она, вмѣстѣ съ другими, била Василию челомъ о принятіи царскаго сана. До какой степени на самомъ дѣлѣ уважалъ царь Василій мать Димитрія, показываетъ ея просьба къ польскому королю, писанная по низложеніи Шуйскаго, въ которой инокиня Марѣа жалуется, что Шуйскій держалъ ее въ неволѣ и даже не кормилъ, какъ слѣдуетъ.

Первымъ дѣломъ Шуйскаго, послѣ разсылки грамоты, было перевезти тѣло царевича Димитрія въ Москву. За этимъ тѣломъ въ Угличъ поѣхалъ митрополитъ Филаретъ Никитичъ съ двумя архимандритами, двое Нагихъ, Григорій и Андрей, князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій и Петръ Никитичъ Шереметевъ. 1-го іюня Василій вѣнчался на царство, а 3-го іюня перевезены мощи Димитрія и поставлены въ Архангельскомъ соборѣ. Въ грамотѣ, разосланной по

поводу явленія новаго святаго, было сказано, что царица Марѳа всенародно каялась въ томъ, что по-неволѣ признавала вора Гришку сыномъ, а смерть царевича Димитрія прямо приписана была Борису Годунову. Для большаго убѣжденія народа, на Лобномъ мѣстѣ показывали родныхъ Гришки Отрепьева. Но всему этому не вѣрили тогда въ Московскомъ Государствѣ и, въ день открытія мощей, народъ чуть было не взбунтовался и не убилъ камнями Шуйскаго. Даже тѣ, которые сомнѣвались въ подлинности бывшаго царя Димитрія, не вѣрили, чтобъ онъ былъ Гришка, а считали его полякомъ, котораго подготовили іезуиты, научили по-русски и пустили играть роль Димитрія. На патріаршеской престолю, вмѣсто низверженнаго Игнатія, былъ поставленъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, отличавшійся въ противоположность прежнему патріарху фанатическою ненавистью ко всему иновѣрному. Страшась мести со стороны Польши за перебитыхъ въ Москвѣ поляковъ, Шуйскій съ боярами разсудили, что лучше всего задержать у себя всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ рѣзни поляковъ и даже пословъ Сигизмунда, Олесницкаго и Гонсѣвскаго, а между тѣмъ послать своихъ пословъ въ Польшу и вывѣдать тамъ, что намѣрены дѣлать поляки.

Не долго Шуйскому пришлось утѣшаться безопасностью. Въ Москвѣ происходили волненія; 15-го іюня, въ воскресенье, сдѣлался шумъ и бунтъ. Шуйскій подозрѣвалъ, что это происходитъ отъ козней знатныхъ лицъ, созвалъ въ Кремлѣ думныхъ людей и сталъ спрашивать: «кто это изъ васъ волнуетъ народъ? Зачѣмъ вымышляете разныя коварства? Коли я вамъ нелюбъ, я оставлю престолю, возьмите мой царскій посохъ и шапку, выбирайте, кого хотите». Думные люди увѣряли, что они вѣрны въ своемъ крестномъ цѣлованіи. «Такъ наказывайте виновныхъ», сказалъ Шуйскій. Думные люди вышли на площадь и уговорили народъ разойтись. Пятерыхъ крикуновъ схватили, выскли кнотомъ и сослали.

Но то было только начало смуть. Черезъ два мѣсяца на югѣ разнесся слухъ, что Димитрій живъ и

убѣжалъ въ Польшу. Вся Сѣверская земля, Бѣлгородъ, Осколъ, Елецъ провозгласили Димитрія. Ратные люди, собранные подъ Ельцомъ прежнимъ царемъ, не хотѣли повиноваться Шуйскому, избрали предводителемъ Истому Пашкова и присягнули все до единого стоять за законнаго царя Димитрія. Въ Комарницкой волости Болотниковъ возвѣстилъ, что онъ самъ видѣлъ Димитрія, и Димитрій нарекъ его главнымъ воеводою. Болотниковъ былъ взятъ еще въ дѣтствѣ въ плѣнъ татарами, проданъ туркамъ, освобожденъ венеціанцами, жилъ нѣсколько времени въ Венеціи и, возвращаясь въ отечество черезъ Польшу, видѣлся съ Молчановымъ, который увѣрилъ его, что онъ Димитрій. Болотниковъ, никогда не видавшій царя Димитрія, дѣйствовалъ съ полною увѣренностью, что стоитъ за законнаго государя. Онъ началъ возбуждать боярскихъ людей противъ владѣльцевъ, подчиненныхъ противъ начальствующихъ, безродныхъ противъ родовитыхъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ. Его грамоты произвели мятежъ, охватившій Московское Государство подобно пожару. Въ Веневѣ, Тулѣ, Каширѣ, Алексинѣ, Калугѣ, Рузѣ, Можайскѣ, Орлѣ, Дорогобужѣ, Зубцовѣ, Ржевѣ, Старицѣ провозгласили Димитрія. Дворяне Ляпуновы подняли, именемъ Димитрія, всю Рязанскую землю. Возмутился городъ Владиміръ со всею своею землею. Во многихъ поволжскихъ городахъ и въ отдаленной Астрахани провозгласили Димитрія. Только Казань и Нижній-Новгородъ еще держались кое-какъ за Шуйскаго. Въ Пермской землѣ отказали Василию давать ратныхъ людей, служили молебны о спасеніи Димитрія и пили чаши за его здоровье. Новгородъ и Псковъ оставались пока вѣрными Шуйскому, но псковскіе пригороды стояли за Димитрія. Если бы въ это время на самомъ дѣлѣ явился человекъ съ именемъ Димитрія, то вся Русская земля пошла бы за нимъ. Но онъ не являлся, и многіе сомнѣвались въ справедливости слуховъ объ его спасеніи, а потому и не рѣшались открыто отпасть отъ царствовавшего въ Москвѣ государя. Тѣмъ не менѣе къ Болотникову стеклась огромная толпа. Онъ изъ Сѣверской земли двинулся къ Москвѣ: города сдавались за городами.

2-го декабря Болотниковъ былъ уже въ селѣ Коломенскомъ. Къ счастью Шуйскаго, въ полчищѣ Болотникова сдѣлалось раздвоеніе. Дворяне и дѣти боярскіе, недовольные тѣмъ, что холопы и крестьяне хотятъ быть равными имъ, не видя притомъ Димитрія, который бы могъ разрѣшить между ними споры, стали убѣждаться, что Болотниковъ ихъ обманываетъ и начали отступать отъ него. Братья Ляпуновы первые подали этому отступленію примѣръ, прибыли въ Москву и поклонились Шуйскому, хотя не терпѣли его. Болотниковъ былъ отбитъ Скопинымъ-Шуйскимъ и ушелъ въ Калугу.

Избавившись отъ осады, Шуйскій, по совѣту съ патриархомъ Гермогеномъ, пригласилъ въ Москву бывшаго патриарха Іова. 20-го февраля 1607 года, послѣдній разрѣшилъ народъ отъ клятвы, наложенной имъ за нарушеніе крестнаго цѣлованія Борису. Еще прежде того Шуйскій приказалъ перевезти тѣла Бориса, его жены и сына, и похоронить въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ. Этими поступками хотѣлъ Шуйскій примириться съ прошлымъ и тѣмъ придать своей власти болѣе законности. Но съ наступленіемъ лѣта, силы Болотникова опять начали увеличиваться пришедшими казаками. Явился новій самозванецъ, родомъ муромецъ, незаконный сынъ «посадской женки», Илейка, ходившій прежде въ бурлакахъ по Волгѣ. Онъ назвалъ себя царевичемъ Петромъ, небывалымъ сыномъ царя Ѳедора; съ волжскими казаками присталъ онъ къ Болотникову. Послѣ нѣсколькихъ битвъ, Шуйскій осадилъ Болотникова и названнаго Петра въ Тулѣ. Какой-то муромецъ Мѣшокъ Кравковъ сдѣлалъ гать черезъ рѣку Упу и наводнилъ всю Тулу: осажденные сдались. Шуйскій, обѣщавши Болотникову пощаду, приказалъ ему выколоть глаза, а потомъ утопить. Названнаго Петра повѣсили: простыхъ плѣнниковъ бросали сотнями въ воду, но бояръ, князей Толятевскаго и Шаховскаго, бывшихъ съ Болотниковымъ, оставили въ живыхъ.

Воротившись въ Москву, Шуйскій думалъ, что теперь для него наступила пора успокоиться, и женился на княжнѣ Марѣ Петровнѣ Буйносовой-Ростовской, съ

которою обручился еще при жизни названного царя Димитрія. Новыя тревоги не давали ему отдохнуть: вмѣсто повѣшеннаго названнаго Петра явилось нѣскольکو царевичей. Въ Астрахани явился царевичъ Августъ, называвшій себя небывалымъ сыномъ царя Ивана Васильевича отъ жены Анны Колтовской; потомъ — тамъ же явился царевичъ Лаврентій, также небывалый сынъ, убитаго отцомъ, царевича Ивана Ивановича. Въ украинскихъ городахъ явилось восемь царевичей, называвшихъ себя разными небывалыми сыновьями царя Ѳедора (Ѳедоръ, Ерофей, Клементій, Савелій, Семень, Василій, Гаврило, Мартынь). Всѣ эти царевичи исчезли такъ же быстро, какъ появились. Но въ Сѣверской землѣ явился, наконецъ, долго жданный Димитрій и, весною 1608 года, съ польскою вольницею и казаками двинулся на Москву. Дѣло его шло успѣшно. Ратные люди измѣнили Шуйскому и бѣжали съ поля битвы. Новый самозванецъ, въ началѣ июля 1608 года, заложилъ свой таборъ въ Тушинѣ. Города и земли русскіе одни за другими признавали его. Полчище его увеличивалось съ каждымъ часомъ.

Переговоры Шуйскаго съ Польшею должны были рѣшить, чего нужно было Московскому Государству ждать отъ польскаго правительства. Переговоры эти шли очень медленно. Задержавши въ 1606 году польскихъ пословъ Олесницкаго и Гонсѣвскаго, Василій отправилъ князя Григорія Волконскаго съ объясненіями. Волконскій пробылъ въ Польшѣ болѣе года и натерпѣлся тамъ всякихъ упрековъ и оскорбленій. Вслѣдъ затѣмъ, въ октябрѣ 1607 года, прибыли новые польскіе послы (Друцкій-Соколинскій и Витовскій) въ Москву. Переговоры съ ними шли до іюля 1608 года и, наконецъ, кончились тѣмъ, что обѣ стороны заключили перемиріе на три года и одиннадцать мѣсяцевъ, а въ продолженіе этого времени Польша обязалась не помогать никакимъ самозванцамъ и запретить всѣмъ полякамъ поддерживать Тушинскаго Вора. Со своей стороны, царь Василій отпускалъ всѣхъ задержанныхъ поляковъ съ условіемъ, чтобы они не сносились съ тѣми изъ своихъ соотечественниковъ, которые нахо-

дились въ тушинскомъ таборѣ; Марина не именовала бы себя царицей, а Мнишекъ не называлъ бы своимъ зятемъ Тушинскаго Вора.

Но въ противность этимъ условіямъ, Мнишекъ съ Мариною и другими поляками очутились въ тушинскомъ таборѣ. Марина всенародно признала вора своимъ мужемъ, большая часть русскихъ городовъ и земель опять отпала отъ Шуйскаго и провозгласила Димитрія. Въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ Шуйскій обратился за помощію къ шведамъ.

Положеніе царя Василія въ Москвѣ было самое жалкое. Никто не уважалъ его. Имъ играли, какъ ребенкомъ, по выраженію современниковъ. Шуйскій то обращался къ церкви и къ молитвамъ, то призывалъ волшебницъ и гадальщицъ, то казнилъ измѣнниковъ, но только незнатныхъ, то объявлялъ москвичамъ: «кто мнѣ хочетъ служить, пусть служить, а кто не хочетъ служить — пусть идетъ; я никого не насилую». Москвичи увѣряли своего царя въ вѣрности, а потомъ многіе перебѣгали въ Тушино; побывавши въ Тушинѣ, ворочались въ Москву; поживши въ Москвѣ, опять бѣжали въ Тушино; бѣглець, явившійся въ Тушино, цѣловалъ крестъ Димитрію и получалъ отъ него жалованье, а вернувшись въ Москву, цѣловалъ крестъ Василію и отъ него получалъ также жалованье. Чтобы отводить народъ отъ вора, Шуйскій постановилъ давать свободу тѣмъ холопамъ, которые уйдутъ изъ Тушина, но выходило, что многіе холопы изъ Москвы бѣжали въ Тушино, чтобы послѣ, вернувшись, получить отъ царя свободу. Московскіе торговцы безъ зазрѣнія совѣсти возили въ Тушино всякіе товары, разживались и копили копѣйку про черный день, не пускали въ Москвѣ своихъ денегъ въ оборотъ и отъ этого въ Москвѣ дѣлался недостатокъ: онъ сталъ особенно чувствителенъ зимою, когда тушинцы отрѣзали путь отъ Рязани въ Москву.

17-го февраля 1609 года, толпа подъ начальствомъ князя Романа Гагарина, Григорія Сумбулова, бросилась въ Кремль; она состояла изъ многихъ служилыхъ людей разныхъ городовъ и, обратившись къ боярамъ, кричала:

«надобно перемѣнить царя! Василій сѣлъ самовольствомъ, не всю землю избранъ». Нѣкоторые бояре уже были не въ ладахъ съ Шуйскимъ, особенно Голицыны, такъ какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ самъ помышлялъ о престолѣ. Но они не рѣшились стать заодно съ мятежниками, потому что за Шуйскаго былъ патріархъ Гермогенъ. Замѣчательно, что патріархъ самъ постоянно не ладилъ съ царемъ, но изъ чувства законности стоялъ за него, какъ уже за существующую верховную власть. Толпа мятежниковъ вышла изъ Кремля на Красную площадь. Ударили въ набатъ. Явился патріархъ.

«Князь Василій Шуйскій не любъ намъ на царствѣ, — кричала толпа. — Онъ тайно убиваетъ и сажаетъ нашу братію въ воду!»

«А кого же казнилъ Шуйскій?» — спросилъ патріархъ.

Мятежники не назвали именъ, но кричали:

«Изъ-за Василія кровь льется, и земля не умирится, пока онъ будетъ на царствѣ. Его одна Москва выбрала, а мы хотимъ избрать иного царя!»

Патріархъ на это сказалъ:

«До сихъ поръ Москва всѣмъ городамъ указывала, а ни Новгородъ, ни Псковъ, ни Астрахань и никакой другой городъ не указывалъ Москвѣ; а что кровь льется, то это дѣлается по волѣ Божіей, а не по хотѣнію вашего царя».

Убѣжденія патріарха спасли на этотъ разъ Василія; но дороговизна увеличилась; въ апрѣлѣ, бояринъ Крюкъ-Колычевъ составилъ заговоръ убить Василія. Умыселъ былъ открытъ. Зачинщика казнили. Положеніе царя становилось все ужаснѣе: до него доходили слухи, что его убьютъ то на Николинъ день, то на Вознесенье. Народъ врывался къ нему во дворецъ и кричалъ: «Чего еще намъ дожидаться! Развѣ голодною смертію помирать?» Царь обнадеживалъ москвичей скорымъ прибытіемъ Скопина со шведскими людьми и убѣждалъ купцовъ не поднимать цѣны на хлѣбъ. Но московскіе купцы поступали такъ же, какъ нѣкогда при Борисѣ: припрятавали хлѣбъ, чтобы продавать его по дорогой

цѣнѣ. На счастье Василию въ это время дѣла Тушинскаго Вора пошли неудачно. Города, прежде признававшіе его, выведенные изъ терпѣнія безчинствомъ поляковъ и русскихъ воровъ, одинъ за другимъ отпадали и признавали царя Василія. Крестьяне собирались шайками, били и топили шатавшихся тушинцевъ. Сапѣга ничего не могъ сдѣлать съ Троицкимъ монастыремъ. Онъ безпрестанно палилъ по его стѣнамъ изъ 90 орудій; монастырь не сдавался, несмотря на то, что начальствующіе въ монастырѣ воеводы Долгорукій-Роща и Голохвастовъ были во враждѣ между собою, а осажденные, при большой тѣснотѣ и недостаткѣ, умирали отъ цынги. Ратные люди, оборонявшіе монастырь, дѣлали частныя вылазки и наносили непріятелю много вреда. Наконецъ, и попытки тушинцевъ овладѣть Москвою не имѣли успѣха. 25-го іюня москвичи отбили ихъ нападеніе на Ходынку и взяли въ плѣнъ двѣсти человекъ. Проконій Ляпуновъ очистилъ отъ воровъ рязанскіе города. Стоявшій подъ Коломною отрядъ тушинцевъ ушелъ оттуда. Но болѣе всего поправились дѣла Василія послѣ успѣховъ Скопина. Зимою тушинскій лагерь пришелъ въ совершенное разстройство. 12-го января 1610 года Сапѣга отступилъ отъ Троицы; въ февралѣ убѣждалъ воръ въ Калугу, а въ началѣ марта Тушино совершенно опустѣло. Почти вся Русь покорилась Василию; но съ запада на него наступала бѣда; Сигизмундъ стоялъ подъ Смоленскомъ, а русскіе, бывшіе въ Тушинѣ, явились къ польскому государю просить на московское царство Владислава. Судьба, казалось, не давала Василию ни минуты отдыха. Одна бѣда проходила, другая погрозила наступала. Въ концѣ апрѣля скоропостижно скончался Скопинъ и это приблизило паденіе Василія. Народная молва считала царя участникомъ его смерти. Уже поляки и запорожцы забирали южные города: Стародубъ, Почепъ, Черниговъ взяты были приступомъ и ограблены. Новгородъ-Сѣверскій и Рославль цѣловали крестъ Владиславу.

Вмѣсто Скопина царь назначилъ главнымъ предводителемъ войска своего брата Димитрія, но русскіе

не терпѣли его, а жену его Екатерину считали убійцей Скопина. Шведскій полководец Делагарди презиралъ Дмитрія Шуйскаго за неспособность. Московскіе плѣнники сообщили подъ Смоленскомъ полякамъ, что народъ не любитъ Василія, что войско не захочетъ за него биться и вся Русь охотно признаетъ Владислава царемъ. По этимъ извѣстіямъ, Сигизмундъ отправилъ къ Москвѣ войско, подъ начальствомъ короннаго гетмана Жолкѣвскаго. Войско Шуйскаго, тысячь въ тридцать, двинулось къ Можайску; съ нимъ шелъ и Делагарди со своею ратью, состоящею изъ разныхъ людей разныхъ націй. Въ московскомъ войскѣ было много новобранцевъ, въ первый разъ шедшихъ въ бой. Охоты защищать царя Василія не было ни у кого. Враги встрѣтились 23-го іюня между Москвою и Можайскомъ, при деревнѣ Клушино. Отъ перваго напора поляковъ побѣжала московская конница, смяла пѣхоту; иноземцы, бывшіе подъ начальствомъ Делагарди, взбунтовались и стали передаваться неприятелю. Тогда начальники московскаго войска, Дмитрій Шуйскій, Голицынъ, Мезецкій убѣжали въ лѣсъ, а за ними и всѣ бросились вразсыпную. Жолкѣвскому досталась карета Дмитрія Шуйскаго, его сабля, булава, знамя, много денегъ и мѣховъ, которые Дмитрій намѣревался раздать войску Делагарди, но не успѣлъ. Делагарди, оставленный своими подчиненными, изъявилъ желаніе переговорить съ гетманомъ Жолкѣвскимъ, и когда гетманъ пріѣхалъ къ нему, то Делагарди выговорилъ у него согласіе уйти безпрепятственно изъ предѣловъ Московскаго Государства. «Наша неудача, — сказала Делагарди, — происходитъ отъ неспособности русскихъ и вѣроломства моихъ наемныхъ воиновъ. Не то было бы съ тѣми же русскими, если бы ими начальствовалъ доблестный Скопинъ. Но его извели и счастье измѣнило московскимъ людямъ».

Жолкѣвскій принудилъ сидѣвшихъ въ Царевѣ-Займищѣ Елецкаго и Валуева присягнуть Владиславу, присоединиться къ нему съ ихъ пятитысячнымъ отрядомъ, и пошелъ прямо на Москву. Можайскъ сдался ему безъ сопротивленія. Волокъ-Ламскій, Ржевъ, По-

горѣлое-Городище, Іосифовъ монастырь покорились добровольно. По совѣту Валуева, Жолкѣвскій послалъ агентовъ своихъ въ Москву съ грамотами, въ которыхъ обѣщаль Русской землѣ тишину и благоденствіе подъ правленіемъ Владислава, если русскіе изберутъ королевича царемъ. Эти грамоты разбрасывались по улицамъ, ходили о рукахъ, всенародно читались на сходкахъ. Царь Василій не могъ ничего сдѣлать.

Съ другой стороны подходилъ Тушинскій Воръ изъ Калуги и 11-го іюля сталъ въ Коломенскомъ селѣ. Тогда Прокопій Ляпуновъ написалъ своему брату Захару и боярину Василию Васильевичу Голицыну, что слѣдуетъ удалить и Шуйскаго, и вора.

17-го іюля Захаръ Ляпуновъ собралъ сходку дворянъ и дѣтей боярскихъ за Арбатскими воротами и сказалъ:

«Наше государство доходитъ до конечнаго разоренія. Тамъ поляки и Литва, тутъ калужскій воръ, а царя Василія не любятъ. Онъ не по правдѣ сѣлъ на престолъ и несчастенъ на царствѣ. Будемъ бить ему челомя, чтобъ онъ оставилъ престолъ, а калужскимъ людямъ пошлемъ сказать, пусть они своего вора выдадутъ, и мы сообща выберемъ всею землею иного царя и встанемъ единомысленно на всякаго врага». Послали въ Коломенское.

Русскіе, бывшіе при ворѣ, сказали: «сведите Шуйскаго, а мы своего Димитрія свяжемъ и приведемъ въ Москву».

Послѣ такого отвѣта толпа отправилась къ царю Василию. Выступилъ впередъ дюжій плечистый Захаръ Ляпуновъ и сказалъ царю:

«Долго ли за тебя кровь христіанская будетъ литься? Ничего добраго отъ тебя не дѣлается. Земля раздѣлилась, разорена, опустошена; ты воцарился не по выбору всей земли; братья твои окормили отравою государя нашего Михаила Васильевича, оборонителя и заступника нашего. Сжался надъ нами, положи посохъ свой! Сойди съ царства. Мы посовѣтуемъ сами о себѣ иными мѣрами».

Василій вышелъ изъ себя, обнажилъ большой ножъ, который носилъ при себѣ, бросился на Ляпунова и закричалъ:

«Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить, когда бояре мнѣ того не говорятъ?»

Ляпуновъ погрозилъ ему своею крѣпкою рукою и сказалъ:

«Василій Ивановичъ! Не бросайся на меня, а то я тебя вотъ такъ тутъ и изотру!»

Бывшіе съ Ляпуновымъ дворяне сказали: «Пойдемъ, объявимъ народу».

Они вышли на Красную площадь и зазвонили въ колоколь. Народъ сбѣжался. Захаръ Ляпуновъ съ Лобнаго мѣста приглашалъ патріарха, духовенство, бояръ, служилыхъ людей и всякаго чина православныхъ христіанъ за Серпуховскія ворота на всенародную сходку.

Народъ повалилъ за Серпуховскія ворота.

Пріѣхали патріархъ, бояре.

«Вотъ три года — четвертый сидитъ Василій Шуйскій на царствѣ, — говорили народу: — не правдою сѣлъ, не по выбору всей земли, и нѣтъ на немъ благословенія Божія: нѣтъ счастья землѣ! Какъ только его братья пойдутъ на войну, такъ и понесутъ пораженіе; сами прячутся, а ратные разбѣгаются! Собирайтесь въ совѣтъ, какъ намъ Шуйскаго отставить, а иного выбрать всюю землею».

Патріархъ хотѣлъ-было защищать Шуйскаго, но потомъ уѣхалъ.

Бояре отправились къ царю. Своякъ Царя Василя, Иванъ Михайловичъ Воротынской, сказалъ ему:

«Вся земля бьетъ тебѣ челомъ; оставь свое государство ради междоусобной брани, за тѣмъ, что тебя не любятъ и служить тебѣ не хотятъ».

Царю Василю ничего не осталось, какъ повиноваться. Онъ положилъ свой царскій посохъ и переѣхалъ изъ царскихъ палатъ въ свой княжій домъ.

Верховное правленіе на время перешло къ боярскому совѣту, подъ предсѣдательствомъ князя Ѳедора Мстиславскаго.

На другой день, 18-го іюля, толпа москвичей вышла къ Данилову монастырю и послала въ Коломенское сказать:

«Мы свое клятвенное слово совершили — Шуйскаго свели; теперь ведите къ намъ своего вора».

Но изъ Коломенскаго села имъ дали такой отвѣтъ:

«Дурно, что вы не помните крестнаго цѣлованія своему государю, а мы за своего помереть рады».

Тогда многимъ въ Москвѣ стало жаль Шуйскаго, а Шуйскій, узнавши это, послалъ денегъ стрѣльцамъ, которыхъ было тысячъ до восьми въ Москвѣ, чтобы съ ихъ помощью возвратить себѣ престоль. Патріархъ осуждалъ низложеніе царя.

Тогда, 19-го іюля, Захаръ Ляпуновъ подобралъ себѣ товарищей, подговорилъ чудовскихъ іеромонаховъ. Они пришли въ домъ къ Василию Шуйскому, разлучили его съ женой, увезли его въ Вознесенскій монастырь и объявили, что Василию слѣдуетъ постричься въ монахи.

«Люди московскіе, что я вамъ сдѣлалъ? — сказалъ Шуйскій. — Какую обиду учинилъ? Развѣ мнѣ это за то, что я воздалъ мечь тѣмъ, которые содѣяли возмущеніе на нашу православную вѣру и тщилися разорить домъ Божій?»

Ему повторили, что надобно постричься. Шуйскій на-отрѣзъ сказалъ, что не хочетъ.

Тогда іеромонахамъ велѣно было совершать обрядъ постриженія, и когда, по обряду, спросили его: желаетъ-ли онъ? Василій громко закричалъ: «не хочу»; но князь Тюфякинъ, одинъ изъ соумышленниковъ Ляпунова, произносилъ за него обѣщаніе, а Ляпуновъ крѣпко держалъ Василія за руки, чтобъ онъ не отмахивался. Его одѣли въ иноческое платье и увезли въ Чудовъ монастырь.

Въ то же время въ Вознесенскомъ монастырѣ постригли жену Василія. Марья Петровна также не дала обѣта и твердо говорила, что никто не можетъ разлучить ее съ мужемъ, съ которымъ соединилъ Богъ. Патріархъ Гермогенъ воіялъ противъ такого беззакон-

ніа и говорилъ, что инокомъ сталъ теперъ тотъ, кто за Василія отрекался отъ міра.

Василій былъ послѣдній государь изъ дома св. Владиміра, слишкомъ шесть вѣковъ господствовавшаго въ Русской землѣ со времени принятія христіанства. Москвичи вспомнили тогда, что, за нѣсколько времени передъ его низверженіемъ, въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ почивали останки всѣхъ потомковъ Даніила Александровича московскаго, въ полночь слышали люди плачь великій, чтеніе сто восемнадцатаго псалма и пѣніе вѣчной памяти. Плачемъ началось, плачемъ окончилось. Этотъ плачь въ усыпальницѣ московскихъ государей предвѣщалъ низверженіе царя Василія и грядущія бѣдствія, послѣ которыхъ уже иному роду суждено было господствовать въ Русской землѣ.

Черезъ три дня послѣ постриженія царя Василія прибылъ гетманъ Жолкѣвскій къ Москвѣ съ польскимъ войскомъ. Бояре волею-неволею должны были соглашаться на избраніе Владислава и показывать видъ, будто поступаютъ добровольно. Патріархъ Гермогенъ сначала сильно противился, всегда вѣрный своему неизмѣнному отвращенію ко всякой иноземщинѣ; но потомъ, видя, что невозможно устоять противъ печальныхъ обстоятельствъ, соглашался, но по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, чтобы новый царь принялъ православіе и крестился. Переговоры съ Жолкѣвскимъ шли три недѣли. Жолкѣвскій былъ одинъ изъ немногихъ въ то время благороднѣйшихъ и честнѣйшихъ людей въ Польшѣ, чуждый іезуитскихъ козней, уважающій права не только своего народа, но и чужихъ народовъ, ненавистникъ насилія, столько же храбрый, сколько умѣвшій держать въ порядкѣ войско, великодушный, обходительный и справедливый. Онъ не могъ согласиться на требованіе Гермогена, но заключилъ такой договоръ, который показывалъ, что гетманъ вовсе не думалъ о порабоженіи Руси Польшѣ, напротивъ, уважалъ и даже ограждалъ права русскаго народа. Московское Государство избирало царемъ своимъ Владислава съ тѣмъ, что власть его была ограничена по управленію боярами и думными людьми, а по законодательству думою всей

Земли. Владиславъ не имѣлъ права измѣнять народныхъ обычаевъ, отнимать имущества, казнить и ссылатъ безъ боярскаго приговора; обязанъ былъ держать на должностяхъ только русскихъ, не долженъ былъ раздавать по польскимъ обычаямъ полякамъ и литовцамъ староствъ, но могъ жаловать ихъ деньгами и помѣстьями наравнѣ съ иноземцами; не могъ строить костеловъ и не долженъ былъ дозволять насиліемъ и хитростью совращать русскихъ въ латинство; обязывался оказывать уваженіе къ греческой вѣрѣ, не отнимать церковныхъ имѣній и отнюдь не впускать жидовъ въ Московское Государство. Бояре поставили въ договорѣ условіе, чтобы крестьяне не переходили съ земли одного владѣльца на земли другого. 17-го августа трое главнѣйшихъ бояръ князей: Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, Василій Васильевичъ Голицынъ и Данило Ивановичъ Мезецкій съ двумя думными дьяками, Телепневымъ и Луговскимъ, взяли на себя право заключить этотъ договоръ отъ имени всѣхъ чиновъ Московскаго Государства. То была ложь: участія всей Земли не было и выборные люди не съѣзжались.

Простой московскій народъ недоволенъ былъ избраніемъ Владислава. Въ Москвѣ усиливалась партія, хотѣвшая снова возвести на престолъ Шуйскаго. Бояре, приписывая эти волненія кознямъ Василія и его братьевъ, до такой степени раздражились противъ Шуйскихъ, что поднимали вопросъ: не перебить ли всѣхъ Шуйскихъ? Но за сверженнаго царя заступился Жолкѣвскій. Онъ объявилъ, что Сигизмундъ приказалъ ему беречь Василія и не допускать надъ нимъ насилій. Бояре отдали Жолкѣвскому въ распоряженіе сверженнаго царя и его родственниковъ. Гетманъ отправилъ братьевъ Василія Шуйскаго, Ивана Пуговку и Димитрія съ женой — въ Польшу, самого сверженнаго царя — въ Іосифовъ монастырь, а супругу его на время въ Суздальско-Покровскій монастырь. Жолкѣвскій не хотѣлъ признавать ихъ постриженія, такъ какъ оно было насильное и дозволилъ имъ ходить въ мірскомъ платьѣ.

Вслѣдъ затѣмъ, 19-го сентября, гетманъ Жолкѣвскій вступилъ съ войскомъ въ Москву: онъ такъ умѣлъ

держатъ въ повиновеніи свое войско и обращать ся съ русскими, что даже самъ суровый патріархъ Гермогенъ началъ смотрѣть на него болѣе дружелюбными глазами. Русскіе города одинъ за другимъ присягали Владиславу, кромѣ нѣкоторыхъ, все еще державшихся вора. Достойно замѣчанія, что Прокопій Ляпуновъ, въ рукахъ котораго была вся Рязанская земля, не только безъ противорѣчія одобрилъ избраніе Владислава, но послалъ къ Жолкѣвскому сына своего Владиміра, хлопоталъ о доставкѣ съѣстныхъ припасовъ полякамъ въ Москву и былъ самымъ ревностнымъ ихъ приверженцемъ. Бояре, по настоянію Жолкѣвскаго, снарядили пословъ къ Сигизмунду.

Жолкѣвскій не долго остался въ Москвѣ. Сигизмундъ былъ вовсе недоволенъ договоромъ, поставленнымъ Жолкѣвскимъ. Сигизмундъ не хотѣлъ давать Московскому Государству сына, а думалъ самъ завладѣть этимъ государствомъ и присоединить его къ Польшѣ. Управлявшіе имъ іезуиты не видѣли для своихъ плановъ никакой пользы изъ того, что Владиславъ сдѣлается московскимъ царемъ, когда при этомъ не дозволено будетъ ни строить костеловъ, ни совращать православныхъ въ латинство и унию. Полякамъ вообще не нравилось запрещеніе давать имъ староства и должности въ Московской землѣ, такъ какъ они надѣялись поживиться при новомъ порядкѣ вещей. Сигизмундъ отозвалъ Жолкѣвскаго изъ Москвы. Въ концѣ октября гетманъ сдалъ начальство надъ оставшимся въ Москвѣ войскомъ Александру Гонсѣвскому, а самъ выѣхалъ подъ Смоленскъ, взявши съ собою сверженнаго царя Василія и жену его.

Сигизмундъ принялъ Жолкѣвскаго съ гнѣвомъ, съ презрѣніемъ бросилъ представленный гетманомъ договоръ и сказалъ: «я не допущу сына моего быть царемъ московскимъ!»

Съ тѣхъ поръ плѣнный царь находился подъ Смоленскомъ до взятія этого города. Русскіе послы, находившіеся подъ Смоленскомъ, замѣтили, что гетманъ Жолкѣвскій поступилъ вопреки договору, по которому не слѣдовало ни одного человѣка выводить въ Польшу

и Литву, и находили, что Жолкѣвскій нанесъ оскорбленіе православной вѣрѣ тѣмъ, что дозволилъ Василию и женѣ его ходить въ мірскомъ платьѣ. «Я сдѣлалъ это, — сказала Жолкѣвскій, — по просьбѣ бояръ, чтобы отстранить смятеніе въ народѣ. Притомъ же Василий въ Іосифовомъ монастырѣ чуть съ голода не умиралъ . . . Я привезъ его въ мірскомъ платьѣ, потому что онъ самъ не хочетъ быть монахомъ; его постригли насильно, а насильное постриженіе противно и вашимъ, и нашимъ церковнымъ уставамъ. Самъ патріархъ это утверждаетъ».

Смоленскъ защищался упорно, благодаря мужеству воеводы Шеина. И воевода, и всѣ смоляне охотно присягали Владиславу, но не хотѣли ни за что, по требованію Сигизмунда, сдавать польскому королю русскаго города, который король хотѣлъ присоединить къ польской Рѣчи Посполитой, тѣмъ болѣе, что Сигизмундъ показывалъ явное пренебреженіе ко всѣмъ правамъ русскихъ и къ особамъ пословъ, прибывшихъ къ нему отъ всей Русской земли: онъ приказалъ заключить ихъ въ оковы и отправить въ Польшу.

Много приступовъ къ Смоленску было отбито. Наконецъ, 3-го іюня 1611 года, взорвана была часть смоленскихъ стѣнъ; поляки ворвались въ городъ. Владыка смоленскій Сергій, съ толпою народа, былъ взятъ въ полуразрушенномъ соборѣ; русскіе бросались въ огонь, рѣшаясь лучше погибнуть, чѣмъ терпѣть поруганіе отъ побѣдителей. Шеинъ съ женою, малолѣтнимъ сыномъ, товарищемъ своимъ княземъ Горчаковымъ и нѣсколькими дворянами заперся въ башнѣ и храбро защищался до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ польскихъ военачальниковъ, Потоцкій, не убѣдилъ его сдаться, обѣщая отъ короля милость. «Я всѣмъ сердцемъ былъ преданъ королевичу, — сказалъ Шеинъ полякамъ, — но если бы король не далъ сына своего на царство, то земля не можетъ быть безъ государя и я бы поддался тому, кто былъ бы избранъ царемъ на Москвѣ». Сигизмундъ не оцѣнилъ ни прямоты, ни храбрости этого человѣка. Его подвергли пыткамъ, желая дознаться, гдѣ спрятаны въ Смоленскѣ сокровища, но не добились

ничего. Послѣ пытки Шеина отправили въ Литву въ оковахъ, разлучивши съ семьею¹⁾.

Послѣ взятія Смоленска, Сигизмундъ уѣхалъ въ Варшаву, и приказалъ везти за собою Шуйскаго и его братьевъ. Успѣхи Польши надъ Русью произвели радость во всемъ католическомъ мірѣ. Въ Римѣ празднества шли за празднествами. Иезуиты надѣялись, что они теперь достигли своей цѣли и овладѣли Московскою землею. Въ Варшавѣ, по обыкновенію, побаивались, чтобы успѣхи короля не послужили къ стѣсненію шляхетскихъ вольностей, но дали на время волю патриотическому восторгу и восхищались торжествомъ своей націи надъ давними врагами.

Королю устроили торжественный вѣздъ. Жолкѣвскій везъ за собою плѣннаго низверженнаго царя. Поляки сравнивали его съ римскимъ Павломъ Эмилиемъ. Сослуживцы Жолкѣвскаго щеголяли блескомъ своихъ одеждъ и вооруженія. Самъ коронный гетманъ ѣхалъ въ открытой, богато убранной коляскѣ, которую везли шесть турецкихъ бѣлыхъ лошадей. За его коляской везли Шуйскаго въ открытой королевской каретѣ. Бывшій царь сидѣлъ со своими двумя братьями. На немъ былъ длинный, бѣлый, вышитый золотомъ кафтанъ, а на головѣ высокая шапка изъ черной лисицы. Поляки съ любопытствомъ всматривались въ его изможденное сухощавое лицо и ловили мрачный взглядъ его красноватыхъ больныхъ глазъ. За нимъ везли плѣннаго Шеина со смольнянами, а потомъ: пословъ — Голицина и Филарета съ товарищами. Это было 29-го октября 1611 года. Поѣздъ двигался по Краковскому Предмѣстью въ замокъ, гдѣ въ сенаторской «избѣ» былъ въ сборѣ весь сенатъ, дворъ, знатнѣйшіе паны Рѣчи Посполитой. На тронѣ сидѣлъ король Сигизмундъ съ королевой, а по бокамъ члены королевской фамилии. Ввели плѣнныхъ; Василія съ братьями поставили передъ трономъ. Жолкѣвскій выступилъ впередъ и громко

¹⁾ Впрочемъ, впоследствии судьба его улучшилась и въ продолженіе своего долгаго плѣна Шеинъ пользовался свободою и сошелся съ паномъ Новодворскимъ, главнымъ виновникомъ взятія Смоленска.

произнесъ латинскую цвѣтистую рѣчь, въ которой упомянулъ разныхъ римскихъ героевъ. Указывая на Василия, онъ сказалъ: «вотъ онъ, великій царь московскій, наслѣдникъ московскихъ царей, которые столько времени своимъ могуществомъ были страшны и грозны Польской Коронѣ и ея королямъ, турецкому императору и всѣмъ сосѣднимъ государствамъ. Вотъ братъ его, Димитрій, предводитель 60-тысячнаго войска, мужественнаго, храбраго и сильнаго. Недавно еще они повелѣвали царствами, княжествами, областями, множествомъ подданныхъ, городами, замками, неисчислимыми сокровищами и доходами, но, по волѣ и благословенію Господа Бога надъ вашимъ величествомъ, мужествомъ и доблестью польскаго войска, нынѣ стоятъ они жалкими плѣнниками, всего лишенные, обнищавые, поверженные къ стопамъ вашего величества и, падая на землю, молятъ о пощадѣ и милосердіи». При этихъ словахъ низложенный царь поклонился, и держа въ одной рукѣ шапку, прикоснулся пальцами другой руки до земли, а потомъ поднесъ ихъ къ губамъ; Димитрій поклонился въ землю одинъ разъ, а Иванъ, по обычаю московскихъ холоповъ, отвѣсилъ три земныхъ поклона. Иванъ Пуговка горько плакалъ. Василий сохранялъ тупое спокойствіе. Гетманъ продолжалъ: «Ваше величество, я васъ умоляю за нихъ, примите ихъ не какъ плѣнныхъ, окажите имъ свое милосердіе, помните, что счастье непостоянно и никто изъ монарховъ не можетъ назвать себя счастливымъ, пока не окончитъ своего земного поприща». По окончаніи этой рѣчи плѣнники были допущены до руки королевской. Послѣ этого произнесены были еще двѣ рѣчи, одна — канцлеромъ, другая — маршаломъ посольской «избы» въ похвалу Сигизмунду, гетману и польской націи. Въ заключеніе всего всталъ со своего мѣста Юрій Мнишекъ, вспоминалъ о вѣроломномъ убійствѣ Димитрія, коронованнаго и всѣми признаннаго, говорилъ объ оскорбленіи своей дочери, царицы Марины, о предательскомъ избіеніи гостей, пріѣхавшихъ на свадьбу, и требовалъ правосудія. Василий стоялъ молча. Мнишекъ проговорилъ свою рѣчь; но

никто изъ пановъ Рѣчи Посполитой не произнесъ ни слова, никто не обратилъ на него вниманія; напротивъ, всѣ глядѣли съ состраданіемъ и участіемъ на плѣннаго царя. Король отпустилъ Василія милостиво.

Василія съ братьями отправили въ Гостынской замокъ, гдѣ назначили ему пребываніе подъ стражею. Содержаніе давали имъ нескучное, какъ это видно изъ описи вещей и одеждъ, оставшихся послѣ Василія и пожалованныхъ плѣннымъ по милости Сигизмунда. Неволья и тоска свели Василія въ могилу на слѣдующій же годъ. Надъ могилой его поставили памятникъ съ латинской надписью, восхваляющею великодушіе Сигизмунда. Братъ его, Димитрій, и жена послѣдняго Екатерина умерли послѣ него въ неволѣ, въ плѣну. Супруга царя Василія значится умершею по русскимъ лѣтописямъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ 1625 году, подъ именемъ Елены. Иванъ Пуговка, вскорѣ по заключеніи въ Гостыни, изъявилъ желаніе служить Польшѣ, присягнувъ Владиславу, и когда въ 1619 году былъ размѣнъ плѣнныхъ, Иванъ не рѣшился возвращаться въ отечество и объявилъ, что пріѣдетъ только тогда, когда Владиславъ разрѣшитъ его отъ данной ему присяги. Черезъ нѣсколько лѣтъ однако онъ былъ отпущенъ.

Прошло двадцать-три года съ тѣхъ поръ, какъ Василія привезли въ Варшаву. Тогда Московское Государство заключило съ Польшею уже не перемиріе на извѣстный срокъ, какъ бывало столько разъ до этого времени, а такъ-называемый вѣчный миръ. Тогда царь Михаилъ Ѳедоровичъ попросилъ у польскаго короля Владислава прислать въ Москву гробъ плѣннаго царя и его родныхъ. Сначала паны Рѣчи Посполитой воспротивились-было этому, потому что считали для Польши славою то обстоятельство, что тѣло плѣннаго московскаго царя лежитъ въ ихъ землѣ, но согласились, когда московскіе послы одарили ихъ соболями. Открывши могилу, нашли каменную палатку, въ которой гробъ Василія стоялъ одиноко, а гробъ Димитрія былъ поставленъ на гробъ его жены. Король Владиславъ приказалъ покрыть новые гробы, въ которые поставлены

были старые, атласомъ, бархатомъ и камкою. Гробы привезли въ Москву. Московскіе дѣти боярскіе и дворяне несли гробъ бывшаго царя Василія на плечахъ отъ Дорогомилова до Кремля при многочисленномъ стеченіи народа. Самъ царь встрѣтилъ его у собора Успенскаго, со всѣми боярами и ближними людьми, одѣтыми въ смирное (траурное) платье. Тѣло несчастнаго царя Василія погребено 11-го іюня, 1635 года, въ Архангельскомъ соборѣ, въ ряду другихъ потомковъ св. Владиміра, правившихъ Москвою.

DK
111
K59

Kostomarov, Nikolai' Ivanovich
Geroi smutnago vremeni

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 06 22 02 015 1